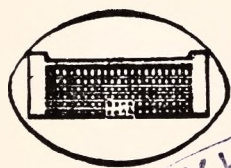

КРК

ISSN 0321-0359

БХН

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

1

1983

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказы сакратар*), В. С. ГРЫГОР'ЕЎ,
І. І. ЖБАНКОВА, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. галоўнага рэдактара*), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (*адказы рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (*адказы сакратар*), Г. П. ДАВІДЗЮК,
П. П. ДРОНЬ, Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ (*нам. адказнага рэдактара*), М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯУЧЭНЯ, А. А. КРУГЛОЎ,
М. І. КРУКОЎСКІ, Г. М. ЛІУШЫЦ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ,
В. В. СЦЁПІН, В. Ф. ЧЫГІР, М. Р. ЮРКЕВІЧ, С. Я. ЯНЧАНКА

**ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА**

Серия III, № 1, 1983

Издательство Белорусского государственного
университета имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *С. В. Баленок*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 07.01.83. Падысана да друку 01.03.83. АТ 06516. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0.
Ул.-выд. арк. 8.69. Тыраж 1075 экз. Заказ 11. Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79

С. А. ПОРОШКОВ

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ОРГАНАМИ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ БЕЛОРУССИИ (1971—1975)

В борьбе за построение коммунизма КПСС постоянно руководствуется ленинскими принципами организации контроля. В. И. Ленин, разрабатывая вопросы теории и практики социалистической революции, строительства социализма и коммунизма, придавал огромное значение контролю. Он учил, что «до тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют **строжайшего** контроля со стороны общества и со **сторон государства** над мерой труда и мерой потребления...», «учет и контроль — вот главное, что требуется для правильного функционирования коммунистического общества»¹. Объективная необходимость возрастания роли контроля в годы девятой пятилетки нашла яркое выражение в решении XXIV съезда КПСС: «Партия и впредь будет заботиться о том, — отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе съезду, — чтобы ленинские идеи о постоянном и действенном контроле со стороны широких масс неуклонно претворались в жизнь»².

Коммунистическая партия Белоруссии, ее Центральный Комитет, обкомы и райкомы, первичные партийные организации республики, руководствуясь ленинскими принципами и решениями XXIV съезда КПСС и XXVII съезда КПБ, в годы девятой пятилетки позаботились о создании в республике такой обстановки, при которой контроль функционировал бы нормально во всех сферах народного хозяйства и управления. Партийные органы, исходя из выдвинутых жизнью задач, определяли и все основные направления контроля, что также являлось важнейшим фактором партийного влияния на деятельность органов народного контроля. В этот период деятельность органов народного контроля республики была направлена на осуществление мер по повышению эффективности промышленного производства, ускорению научно-технического прогресса и росту производительности труда, быстрейшему вводу и лучшему использованию производственных мощностей, увеличению выпуска и улучшению качества продукции.

Для выполнения этих задач партийные органы республики подобрали опытные кадры для комитетов, групп и постов народного контроля. Этому вопросу большое внимание уделяли партийные организации республики, привлекая к контрольной деятельности опытных, подготовленных для такой работы коммунистов. Так, если в Минской области в январе 1971 года в группах и постах народного контроля работало более 70 тыс. человек, то весной 1976 года их было уже 107 тыс., в том числе 37 тыс. коммунистов и 19 тыс. комсомольцев. 95,4 % из числа председателей головных групп были заместителями секретарей, членами парткомов и бюро партийных организаций³. Если в 1971 году в республике насчитывалось 346.506 народных контролеров, из них 108.618 коммунистов и 53.262 комсомольца, то в 1975 году — 387.792 дозорных, среди них 138.152 коммуниста и 72.191 комсомолец⁴. Если на 1 января 1971 года в республике заместителями секретарей парторганизаций, членами парткомов и партбюро являлись 81,4 % председателей групп народного контроля, то в конце девятой пятилетки — 94 %⁵. Причем председатели област-

ных, городских и районных комитетов народного контроля были членами бюро партийных комитетов.

Важным фактором активизации деятельности групп и постов народного контроля стали отчетно-выборные кампании. Они проходили на высоком организационном уровне, в обстановке высокой активности трудящихся, свободного и делового обмена мнений, принципиальной оценки достигнутого и критики недостатков. Партийные организации совместно с представителями органов народного контроля тщательно готовили и проводили instructивные совещания секретарей партийных организаций и председателей групп народного контроля. Райкомы партии утверждали графики отчетов и выборов и рекомендовали первичным партийным организациям обеспечить их строгое соблюдение, позаботиться о том, чтобы в состав групп и постов были избраны коммунисты, беспартийные, молодежь, женщины из числа передовых, наиболее авторитетных, инициативных и принципиальных рабочих, колхозников и интеллигенции.

На пленумах, заседаниях бюро партийных комитетов, собраниях коммунистов, на семинарах секретарей парторганизаций постоянно рассматривались вопросы партийного руководства органами народного контроля. Работа в группах и постах народного контроля членов и кандидатов в члены партии считалась важным и ответственным партийным поручением. Так, в 1973 году бюро первичных партийных организаций Заводского района Минска стали регулярно заслушивать отчеты председателей групп, а также коммунистов-контролеров о выполнении ими партийных поручений. Если в 1972 году такие отчеты были заслушаны в 53 партийных организациях, то в 1973 — почти повсеместно⁶. Положительный опыт партийного руководства органами народного контроля был накоплен в Минской, Борисовской и Слуцкой городских, Вилейской, Воложинской, Несвижской, Фрунзенской, Советской и ряде других районных партийных организаций.

В октябре 1974 года в Ельском районе Гомельской области на районном семинаре секретарей первичных парторганизаций и председателей групп народного контроля были определены задачи партийных организаций по улучшению руководства органами народного контроля. Этот вопрос был обсужден во всех парторганизациях на собраниях, проведенных с участием народных контролеров. Всего в группах и постах народного контроля района работало 529 коммунистов из 1331 контролера. Положительный опыт руководства группами и постами народного контроля был накоплен парторганизацией совхоза «Ельский». Здесь в тесном контакте работали комиссия контроля деятельности администрации, группы и посты народного контроля, профсоюзная и комсомольская организации. Работу этих организаций координировал партком. Все контролеры имели постоянные поручения, активно участвовали в проверках и рейдах, подготовке вопросов для партийных собраний, заседаний парткомов. Заслушивались отчеты о работе групп, сообщения коммунистов, работавших народными контролерами. Серьезное внимание руководству группами и постами народного контроля уделяли партийные организации мебельной фабрики, совхоза «Скороднянский», железнодорожной станции Ельск и другие. Усиление партийного влияния на работу органов народного контроля способствовало повышению эффективности проводимых ими проверок. За 1974 и 11 месяцев 1975 года районным комитетом народного контроля с участием внештатного актива было проведено 93 проверки и 82 рейда. Результаты их рассматривались на заседаниях комитетов народного контроля, а по наиболее принципиальным вопросам — в местных партийных и советских органах⁷.

Большая забота проявлялась парторганизациями о внештатном активе органов народного контроля. IV Пленум Минского обкома партии 25 августа 1975 года положительно оценил практику тех горкомов и райкомов партии, которые включали в свою номенклатуру заведующих внештатными отделами комитетов народного контроля. В августе 1976 года в комитетах народного контроля было занято свыше трех тысяч внештатных работников, объединенных в 250 внештатных отделах⁸. Это были люди высокого общественного долга и сознательности, авторитетные, принципиальные коммунисты. Включение в контрольную работу все новых слоев трудящихся, не имеющих достаточного опыта и знаний в этом деле, растущий объем работы в связи с возросшим масштабом хозяйственного и культурного строительства, необходимость глубоко знать директивы партии и советского правительства, советские законы, интересы координации всех ви-

дов государственного и общественного контроля определяли потребность в систематической учебе народных контролеров.

Компартия Белоруссии использовала проверенные практикой формы учебы контролеров: семинары, лектории, совещания-семинары, теоретические конференции и другие. В Минске основной формой учебы народных контролеров были семинарские занятия. Партийные организации утверждали тематику, руководителей занятий из числа наиболее подготовленных коммунистов. Однако отдельные звенья не были охвачены учебой. Поэтому горком партии обязал райкомы КПБ, первичные парторганизации, органы народного контроля организовать учебу всех дозорных на местах, а председателей головных групп — при районных комитетах народного контроля. И к концу пятилетки было создано семь постоянно действующих семинаров для руководителей головных групп, 54 — отраслевых.

Райкомы КПБ включили председателей групп народного контроля в систему учебы партийного актива, взяли ее под свой контроль. Секретари райкомов партии и другие ответственные работники регулярно выступали перед народными контролерами. Хорошей формой учебы стал городской лекторий, созданный по решению бюро горкома партии с целью систематического информирования председателей групп народного контроля в промышленности, строительстве, в отраслях городского хозяйства, распространения положительного опыта, консультирования по отдельным вопросам. Всего в Минске к августу 1975 года были созданы 1451 школа народного контроля и 357 постоянно действующих семинаров, в которых занимались около 90 % дозорных. Партийные комитеты активно использовали такую форму учебы народных контролеров, как совещания-семинары.

В мае 1975 года в Минске состоялось двухдневное совещание-семинар работников органов народного контроля. В его работе приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров, секретари Центрального Комитета Аксенов А. Н., Смирнов А. А., Шевелуха В. С. Были подробно обсуждены задачи народных контролеров, вытекающие из решений декабрьского (1974) Пленума ЦК КПСС, выступления на нем Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, постановления XIV пленума ЦК КПБ. На совещании отмечалась положительная работа групп народного контроля Минского тракторного, Брестского электротрампового заводов, совхоза «Высогорский» Березинского района, Могилевского стройтреста № 12. Народным контролерам было предложено обратить внимание на усиление контроля за расходованием строительных материалов, за текущими сельскохозяйственными кампаниями, за использованием всех видов машин и механизмов⁹. Итоги совещания широко обсуждались в партийных организациях.

По рекомендации Лепельского райкома КПБ районный комитет народного контроля провел в сентябре 1975 года научно-практическую конференцию о работе коммунистов в органах народного контроля. С докладом «В. И. Ленин о принципах организации социалистического контроля» выступил первый секретарь райкома партии М. В. Петроченко. Народные контролеры поделились опытом, высказали пожелания по улучшению партийного руководства работой дозорных¹⁰.

Действуя под руководством партийных организаций, органы народного контроля Белоруссии в годы девятой пятилетки заметно улучшили работу по изысканию производственных резервов и укреплению государственной дисциплины. Только по вопросам освоения новых видов машин и оборудования, механизации и автоматизации производства, по внедрению передовой технологии и опыта цоваторов за пятилетку было проведено почти три тысячи рейдов-смотров с участием около 25 тыс. народных контролеров. Лишь на предприятиях, колхозах и совхозах Минской, Гомельской и Могилевской областей было внедрено 630 предложений. Их экономический эффект составил свыше 50 млн. рублей¹¹.

Активным участием в совершенствовании социалистического производства, обеспечении строяйшего режима экономии и бережливости, в улучшении работы советского и хозяйственного аппарата народные контролеры Белоруссии в годы девятой пятилетки внесли достойный вклад в борьбу за создание материально-технической базы коммунизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 97; т. 36, с. 266.

² Материалы XXIV съезда КПСС.— М., 1971, с. 78.

³ ПА Минского ОК КПБ, ф. 1, оп. 67, д. 26, л. 58; оп. 72, д. 26, л. 7—8.

⁴ См.: Коммунистическая партия Белоруссии.— Минск, 1981, с. 143.

⁵ ЦГАОР БССР, ф. 911, оп. 6, д. 642, л. 81; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 269, л. 235.

⁶ ПА Минского ОК КПБ, ф. 23, оп. 43, д. 1, л. 68.

⁷ ПА Гомельского ОК КПБ, ф. 144, оп. 144, д. 38, л. 203—205.

⁸ ПА Минского ОК КПБ, ф. 1, оп. 72, д. 26, л. 20.

⁹ См.: Советская Белоруссия, 1975, 19 августа.

¹⁰ Там же, 11 сентября.

¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 269, л. 318.

С. А. ЕЛИЗАРОВ

ИЗ ОПЫТА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КАДРОВ БЕЛОРУССИИ (1971—1980)

Курс на интенсификацию общественного производства и повышение качества работы предъявляет возросшие требования к экономическому образованию кадров. Большое значение приобретают проблемы совершенствования системы экономической подготовки трудящихся, направленной на достижение соответствия уровня экономической компетентности кадров требованиям современного производства и перспективам его развития. На качественно новую ступень пропаганда экономических знаний поднялась после XXIV съезда партии и выхода постановления ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся» (1971). ЦК партии признал экономическую подготовку важным условием повышения научного уровня хозяйствования, роста инициативы, активности трудящихся в управлении производством¹. Выполняя это постановление, партийные организации Белоруссии проделали большую работу по созданию и совершенствованию системы экономического образования. Различными формами экономической учебы в конце 70-х годов было охвачено свыше миллиона трудящихся, в том числе более 410 тыс. колхозников и рабочих совхозов, специалистов и руководителей хозяйств². Для руководства и координации деятельности государственных, хозяйственных и общественных организаций при ЦК КПБ, обкомах, горкомах, райкомах партии, в первичных парторганизациях были созданы Советы по экономическому образованию, разработаны перспективные планы экономической учебы.

Практика работы партийных организаций по экономической подготовке трудящихся стала предметом регулярного обсуждения на заседаниях обкомов, горкомов и райкомов партии. Так, бюро Минского обкома КПБ, рассмотрев вопросы о работе Смоленичского (январь 1972 года) и Клецкого (февраль 1973) райкомов партии по выполнению постановления ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся», отметило необходимость усиления контроля за работой экономического всеобуча со стороны партийных и хозяйственных органов, определило пути совершенствования подбора и подготовки пропагандистов, повышения идейно-теоретического содержания, мировоззренческого уровня учебы, укрепления учебно-материальной базы³. Эти вопросы обсуждались на пленумах райкомов партии, в первичных партийных организациях. Конкретные мероприятия позволили области так организовать массовый экономический всеобуч, что за девятую пятилетку в его системе повысили знания более 447 тыс. человек, в том числе 70 тыс. руководящих работников и специалистов, 210 тыс. рабочих, 67 тыс. колхозников и рабочих совхозов⁴.

Результативность экономического образования во многом определяется составом и подготовленностью пропагандистских кадров. Партийные организации республики в 70-х годах проделали значительную работу по обеспечению системы экономического образования знающими, авторитетными, идейно убежденными людьми. В соответствии с решениями партии к пропагандистской работе привлекались наиболее подготовленные коммунисты, руководители предприятий, колхозов и совхозов, специалисты народного хозяйства. Для повышения теоретического уровня и методического мастерства пропагандистов была создана стройная система их подготовки и переподготовки. Так, пропагандисты экономического всеобуча труженников села стали повышать свои знания на одногодичном заочном экономическом факультете при Белорусском институте механизации сельского хозяйства, на факультетах повышения квалификации четырех сельскохозяйственных вузов республики, в школах подготовки резерва агитационно-пропагандист-

ских кадров при райкомах КПБ. На курсах при домах политического просвещения, областных, районных семинарах в 1979/1980 учебном году изучали экономическую теорию и методику проведения занятий 10 926 человек⁵. Широкое распространение в республике получила практика проведения отраслевых семинаров пропагандистов экономических знаний. Такая форма учебы помогает теснее увязывать экономическую теорию с изучением отраслевого производственного опыта, добиваться высокой эффективности обучения. Интересным в этом отношении является опыт проведения таких семинаров в Гродненской области. Так, в феврале 1980 года здесь был проведен двухдневный семинар с пропагандистами экономических знаний по курсу «Социализм и труд». В первый день были прочитаны лекции о состоянии и задачах дальнейшего развития сельского хозяйства области, методике обучения в экономических школах. Второй день пропагандисты занимались по секциям первого и второго годов обучения, где рассматривались вопросы теории и методики преподавания основных тем курса⁶.

На повышение эффективности системы экономического образования оказывает все возрастающее влияние участие пропагандистов в движении «Пропагандист — пятилетке эффективности и качества». К концу десятой пятилетки в этом движении участвовало 91,5 % всех пропагандистов экономического всеобуча тружеников сельского хозяйства республики (в начале пятилетки — 80 %)⁷. От помощи слушателям в усвоении знаний пропагандисты шире переходят к освоению передовых методов труда, вскрывают и использованию резервов производства, что является новой качественной ступенью их работы. В десятой пятилетке пропагандисты системы экономического образования сельскохозяйственных кадров Белоруссии оказали помощь слушателям в обосновании более 400 тыс. социалистических обязательств, встречных планов повышения производительности труда⁸.

Для достижения целей, поставленных партией перед системой экономического образования, важное значение имеет соблюдение ленинского принципа соединения обучения с производительным трудом, умение применять полученные знания для решения задач коммунистического строительства. Одним из средств реализации этого принципа является метод практических заданий. В процессе их выполнения слушатели учатся применять теоретические знания в практической деятельности, у них вырабатывается осознанная необходимость выявлять резервы роста производительности труда, вести экономический расчет. Так, в 1976 году после изучения темы «Научная организация труда и ее влияние на производительность» (курс «Основы экономических знаний») в школе основ марксизма-ленинизма колхоза имени М. В. Фрунзе Шкловского района слушателям было поручено отыскать резервы повышения производительности труда на своих рабочих местах и экономически обосновать их. В результате творческого поиска бригадир тракторной бригады Симаньков обосновал возможность повышения производительности труда на 15 %, а животновод Е. Л. Потапова, рассчитав возможности рационального использования производственной площади свинарника, обязалась увеличить производительность труда на 15 %, получить и вырастить со своей напарницей в 1977 году 1100 поросят (на 167 больше, чем в 1976)⁹.

Овладение передовыми методами хозяйствования немислимо без соединения теории и практики. XXV съезд КПСС поставил задачу так развивать экономическое образование, чтобы оно «в максимальной степени способствовало повсеместному распространению передового опыта организации труда, внедрению в производство достижений науки и техники»¹⁰. После съезда изучение и распространение передового опыта приобрело в Белоруссии большую организованность и целеустремленность. Этому способствовали рекомендации республиканской научно-практической конференции «Экономическая учеба и воспитание — важнейший фактор формирования высоких политических и деловых качеств работников», проведенной в Минске в феврале 1977 года по инициативе ЦК КПБ и «Экономической газеты»¹¹. В 1979/1980 учебном году 134 тыс. работников сельского хозяйства Белоруссии прослушали курс «Передовой опыт повышения эффективности сельскохозяйственного производства»¹². При Министерстве сельского хозяйства республики, областных и районных Советах по экономическому образованию были созданы секции по пропаганде передового опыта, а в экономических кабинетах — специальные разделы.

Примером хорошей организации работы по изучению передовых методов хозяйствования может служить постановка дела в колхозе «Ударник»

Кричевского района Могилевской области. Здесь в 1978/1979 учебном году по теме «Передовые коллективы в борьбе за высокие урожаи» изучался ипатовский метод, опыт работы колхозов «Память Ленина» Кричевского и имени Урицкого Гомельского районов по производству мяса. Местный материал использовался на занятиях по теме «Передовые методы повышения эффективности животноводства»¹³.

Таким образом, партийные организации республики в 1971—1980 годы проделали значительную работу по совершенствованию системы экономического образования. Они заботились об использовании всех возможностей экономического всеобуча для решения задач коммунистического строительства посредством развития у слушателей экономического мышления, стремления к постоянному поиску резервов повышения производительности труда, эффективности производства и качества продукции.

¹ См.: Об идеологической работе КПСС: Сборник документов.— М., 1977, с. 321.

² Материалы XXIV съезда КПБ.— Минск, 1981, с. 39.

³ См.: Партархив Минского ОК КПБ, ф. 1, оп. 68, л. 31, л. 82—86; оп. 69, л. 30, л. 2—6.

⁴ Минская праўда, 1976, 27 жніўня.

⁵ См.: Текущий архив Министерства сельского хозяйства БССР: Справки и информации управлений сельского хозяйства облисполкомов по экономическому всеобучу. 1979—1980 гг.

⁶ Там же.

⁷ Там же: Экономическое образование в 1980/1981 учебном году.

⁸ Там же.

⁹ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1977, № 5, с. 26.

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 77.

¹¹ См.: Экономическая газета, 1977, № 11.

¹² См.: Текущий архив Министерства сельского хозяйства БССР: Экономическое образование в 1980/1981 учебном году.

¹³ См.: Текущий архив БРК работников сельского хозяйства и заготовок: Отчеты, справки и другие документы о работе школ коммунистического труда в 1978/1979 учебном году.

В. Н. БАСОВ

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ ПО РУКОВОДСТВУ КООПЕРАТИВНЫМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ПИТАНИЕМ В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Советская потребительская кооперация является важной составной частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, крупной многоотраслевой системой. Общественное питание как отрасль потребительской кооперации удовлетворяет потребности сельского населения, способствует экономии общественного труда, особенно женского.

Центральный Комитет партии Белоруссии, областные и районные комитеты уделяют этому вопросу пристальное внимание. В мае 1976 года ЦК КПБ, Совет Министров БССР и Правление Центросоюза приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию кооперативной торговли в Белорусской ССР», которое предусматривало сделать общественное питание массовым, выгодным и удобным для населения, добиться того, чтобы в каждом колхозе и совхозе имелись предприятия общественного питания, а пища в них была вкусной, разнообразной и дешевой¹. Решение этих задач в десятой пятилетке осуществлялось различными путями и методами. Важнейший из них — комплексная рационализация общественного питания, которая предусматривает организацию комбинатов общественного питания или типовых ресторанов с механизированными кондитерскими и заготовительными цехами по производству полуфабрикатов, открытие кулинарных комбинатов, магазинов кулинарии, кафетериев, баров, кафе, внедрение прогрессивных форм обслуживания населения, комплексной системы управления качеством.

Правление Белкоопсоюза утвердило конкретные мероприятия по дальнейшему совершенствованию работы предприятий общественного питания, повышению его экономической эффективности на базе комплексной рационализации. Решено построить в каждом районном центре комбинаты общественного питания или открыть заготовочные цехи по производству полуфабрикатов, открыть кафетерии в универмагах и крупных продовольственных магазинах².

Областные и районные комитеты партии взяли под усиленный контроль вопросы развития и совершенствования торговли и общественного питания. Так, благодаря повседневной работе райкомов КПБ кооператоры Петриковского района первыми в Белоруссии стали внедрять комплексную рационализацию на предприятиях общественного питания. Правление Центросоюза одобрило этот начин. В 1978 году Петриковский райком партии и исполком районного Совета народных депутатов приняли постановление «О дальнейшем внедрении комплексной рационализации в торговле и общественном питании». Претворение этого постановления в жизнь позволило району значительно увеличить количество мест в столовых, сэкономить 389 тыс. руб. капиталовложений. До 1985 года здесь откроется десять новых столовых ³.

В партийном руководстве комплексной рационализацией общественного питания используются различные методы. Важнейший из них — контроль за выполнением принятых решений. Заслушивание на бюро обкомов районных парторганизаций по руководству общественным питанием, а в райкомах партии — руководителей объединений общественного питания помогло улучшить состояние дел на местах.

Так, Пружанский райком КПБ неоднократно на своих заседаниях рассматривал положение дел с торговлей и общественным питанием в районе. Под постоянный контроль районного комитета партии были взяты подбор и расстановка кадров, рационализация и специализация общественного питания, внедрение прогрессивных методов обслуживания, социалистическое соревнование, дисциплина труда работников общественного питания, качество приготовляемой пищи и выпускаемой продукции. Введены в практику отчеты коммунистов о своей работе. В настоящее время в Пружанском районе с целью улучшения руководства объединением общественного питания вся сеть разделена на три зоны по территориальному принципу и в каждой из них создано головное предприятие, а при нем — цехи по выработке полуфабрикатов, кулинарных и кондитерских изделий. Они обеспечивают продукцией все предприятия общественного питания района. Только в 1979 году в расчете на одного жителя района продано этой продукции на 12 рублей, что почти в два раза выше среднереспубликанского уровня ⁴.

Проведение во всех районах республики общественного смотра работы столовых предприятий, строек, колхозов и совхозов сыграло положительную роль в их работе. Заметно улучшились культура обслуживания, качество пищи, санитарные условия. Ход смотра и его итоги неоднократно рассматривали все райкомы КПБ.

В районных комитетах партии республики стало правилом оценивать работу руководителей предприятий в неразрывной связи с их заботой об общественном питании. Работники общественного питания тоже находятся на ударных участках нашей экономики. «...Ведь от того, как обслуживают работников сельского хозяйства, во многом зависит настроение людей, а в конечном счете, производительность их труда. Магазины, столовая, прачечная, химчистка — здесь люди бывают каждый день. Что они могут купить? Как их встречают? Как разговаривают с ними? Сколько они тратят времени на всякого рода бытовые хлопоты? По тому, как решаются эти вопросы, люди в большой мере судят о нашей работе. Судят строго, взыскательно», — говорил с трибуны XXVI съезда КПСС Л. И. Брежнев ⁵.

Многие колхозы и совхозы республики оказывают помощь потребительской кооперации в укреплении материально-технической базы. Только за десятую пятилетку колхозы и совхозы построили и передали на баланс потребкооперации 437 различных предприятий ⁶.

Благодаря постоянной заботе местных партийных органов о развитии общественного питания планы по проведению комплексной рационализации в республике успешно выполнены. Предприятия общественного питания на селе оснащаются холодильным и подъемно-транспортным оборудованием, улучшаются архитектура и планировка зданий, расширяются производственные и бытовые помещения.

Центральный Комитет партии нацелил руководителей потребительской кооперации на наращивание темпов индустриализации общественного питания на основе перевода столовых, кафе и ресторанов на работу с полуфабрикатами. Областные и районные комитеты партии направляли усилия кооперативных организаций на строительство и реконструкцию столовых-заготовочных и комбинатов питания, чтобы перевести остальные предприятия общественного питания на централизованное снабжение полуфабрика-

тами, кулинарными и кондитерскими изделиями. Так, Могилевский ОК КПБ на заседании бюро 14 февраля 1978 года утвердил мероприятия по совершенствованию торгового обслуживания в области, в том числе и общественного питания. Мероприятиями предусматривалось в 1978—1980 годах увеличить выработку в продажу полуфабрикатов и кулинарных изделий на 20 %, кондитерских и сдобно-булочных—на 15 %. Открыть не менее пяти заготовительных цехов, расширить сеть магазинов кулинарии⁷.

Положение дел в общественном питании регулярно рассматривается во всех областных комитетах партии на заседаниях бюро, совещаниях, путем заслушивания секретарей районных комитетов партии и руководителей райпотребсоюзов. Подобная практика рассмотрения вопросов утвердилась и в районных комитетах партии, что позволило в сжатые сроки перевести районные объединения общественного питания на централизованное снабжение полуфабрикатами. Это дало возможность обеспечить высокие темпы роста выработки собственной продукции, расширить ее ассортимент, а также повысить экономическую эффективность отрасли в целом. Объем товарооборота предприятий общественного питания возрос в 1980 году по сравнению с 1975 годом в 1,36 раза, а оборот в расчете на одного человека увеличился за это же время с 32 до 46 рублей⁸. Производство собственной продукции предприятиями общественного питания в республике за пятилетие возросло на 146,2 %, в расчете на душу населения оно составило 27 руб. 95 коп. в 1980 году против 18 руб. 03 коп. в 1975 году⁹. Предприятия общественного питания посещает в настоящее время 1,3 млн. человек или каждый четвертый сельский житель¹⁰.

Партийные организации стали больше проявлять заботы о воспитании трудящихся, в том числе работников системы потребкооперации, в духе высокой ответственности за порученное дело, коммунистического отношения к труду и общественной собственности. Действенную помощь кооператорам в этих вопросах оказывают Воложинский, Гродненский, Хойникский, Петриковский, Дзержинский, Пинский райкомы КПБ. Здесь при районных комитетах партии созданы внештатные отделы торговли и бытового обслуживания, которые активно участвуют в решении проблем развития торговой сети, общественного питания и службы быта. Это позволило поднять ответственность работников за порученный участок работы и поднять дисциплину в трудовых коллективах. Основные ответственные посты в кооперации были укреплены специалистами, членами партии. Во всех райпотребсоюзах и райпо республики были созданы единые партийные организации, а в объединениях общественного питания—партийные группы.

Повышение эффективности производства неразрывно связано с проблемой улучшения качества продукции, поэтому на кооперативных предприятиях общественного питания республики внедряется система бездефектного труда. Решением бюро ЦК КП Белоруссии в республике создан совет по качеству работы общественного питания. На предприятиях общепита введены талоны качества, почти 600 работников имеют свидетельства «личного бракеража».

Таким образом, в десятой пятилетке партийные органы использовали разнообразные приемы и методы руководства объединениями общественного питания в системе потребительской кооперации республики. Одинадцатая пятилетка требует дальнейшего поднятия роли общепита «в удовлетворении потребностей населения, повышения уровня индустриализации отрасли и значительном расширении сети ее предприятий»¹².

¹ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1978, № 12, с. 42.

² См.: Там же, 1978, № 5, с. 41.

³ См.: Там же, 1980, № 6, с. 30.

⁴ См.: За высокую культуру торговли.— Минск, 1980, с. 21.

⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 4.

⁶ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1981, № 3, с. 36.

⁷ ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 19, оп. 15, д. 129, л. 6.

⁸ См.: Основные показатели хозяйственно-финансовой деятельности потребительской кооперации БССР за 1976—1980 годы.— Минск, 1981, с. 30.

⁹ Там же, с. 37.

¹⁰ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1981, № 9, с. 37.

¹¹ См.: За высокую культуру торговли.— Минск, 1980, с. 22.

¹² См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 37.

ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В ГОРОДАХ И МЕСТЕЧКАХ БЕЛОРУССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине XIX века в городах Белоруссии довольно оживленный торговый обмен происходил на многочисленных ярмарках. Развитие ярмарочной торговли свидетельствовало о росте общественного разделения труда и об укреплении «буржуазных связей», на основе которых складывался всероссийский рынок, подлинным руководителем и хозяином которого становилось купечество, что увеличивало его значение в экономической жизни страны. «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране», — указывал В. И. Ленин¹.

Всего в городах Белоруссии в середине XIX века действовало 149 ярмарок. Из них продолжительностью месяц и более — шесть, от 20 дней и до месяца — три; от 7 до 20 дней — три; от 4 до 7 дней — пять и однодневных ярмарок — 132, т. е. 88,5 %². Однако многие из них повторялись в течение года в одном и том же населенном пункте по нескольку раз, как например, в Мяделе, Косово и других местах.

В первой половине XIX века продолжали действовать многие старинные ярмарки. Крупнейшая в Белоруссии ярмарка в Зельве была открыта в 1721 году³. Новогрудская контрактная ярмарка под названием «Десятуха» была установлена привилеем короля Сигизмунда III от 22 марта 1597 года⁴. Ярмарка в Витебске учреждена была также по привилею, выданному городу на магдебургское право от 17 марта 1597 года. В начале XIX века на витебскую ярмарку съезжались купцы не только из российских губерний, но и из-за границы. Однако из-за разорения Витебска в войне 1812 года ярмарка закрылась.

Белорусское дворянство, особенно крупные магнаты, во владении которых находилось треть городов и местечек Белоруссии, широко использовало монопольное право на открытие ярмарок. В отчете гродненского губернатора за 1817 год указывалось, что почти в каждом местечке губернии учреждены ярмарки⁵.

Воссоединение Белоруссии с Россией содействовало дальнейшему расширению издавна существовавших между ними экономических связей. Складывавшийся всероссийский рынок постепенно втянул в свою орбиту и Белоруссию. Положительное значение для развития взаимовыгодной торговли, в том числе ярмарочной, имела отмена внутренних таможенных пошлин. Указом от 4 февраля 1773 года была разрешена беспошлинная торговля между Россией и Белоруссией. В 1782 году последовал указ сената об уничтожении таможен и застав на границах с Белоруссией и установлении свободной торговли. После этого русское купечество увеличило вывоз своих товаров в белорусские города, особенно в период действия ярмарок⁶.

В первой половине XIX века старый тип ярмарок, служивших транзитным пунктом, не связанным с местным производством и потреблением, постепенно отмирает. Большинство ярмарок превратилось в центры сбыта изделий местных ремесленников, сырья. Ярмарки обрастали сетью мелких местных торгов, торжков и базаров, собиравшихся один-два раза в неделю. При этом торги последовательно перемещались из города в город, из местечка в местечко. По мере специализации промышленности и сельскохозяйственного производства в Белоруссии, как части складывавшегося всероссийского рынка, складывались направления товаропотоков.

Архивные материалы позволяют определить не только количество привозимых на ярмарки товаров, но и их ассортимент, характер спроса местного населения, состав торговцев, степень их заинтересованности в той или иной ярмарке, географию поступления товаров, что характеризовало экономические возможности тех или иных районов в поставке на ярмарку определенных изделий.

На всех белорусских ярмарках 1845—1846 годов обращалось товаров ежегодно на сумму 2.339.555 руб. Самой распространенной была ярмарка с торговым оборотом в год от 1000 до 10.000 рублей⁷. Сбыт товаров на крупнейших ярмарках был не всегда стабильным. Так, например, в 1830 году на Зельвенской ярмарке было продано товаров 58 %, в 1834—49, в 1844—52 %⁸. На Свислочской в 1830 году продано товаров 48 %, в 1834—37, в 1844—34 %⁹.

Если рассматривать состояние товарооборота на крупнейших ярмарках Белоруссии в процентном отношении проданных товаров к оставшимся, то

наблюдается уменьшение процента проданных товаров. Однако на некоторых ярмарках отчетливо прослеживается возрастание абсолютной стоимости товаров как привозимых, так и проданных. Так, например, хотя на ярмарке в Любавичах в 1847 году было продано только 52 % товаров, в то время как в 1842 году — 84 %, однако поступило их в 1847 году на сумму 415.677 руб. и продано было товаров на 210.859 руб., в то время как в 1842 году поступило товаров на 228.840 руб. и было продано на 194.019 руб.¹⁰ Товарооборот Васильевской ярмарки в Гомеле в 1847 году по сравнению с 1842 годом возрос на 33.138 руб.¹¹

На крупнейшей в Белоруссии ярмарке в Зельве привоз товаров долгое время оставался почти стабильным. В 1830 году, например, их было привезено на сумму 736.249 руб., в 1844 — на 725.053 руб., в 1845 на 725.000 руб. и т. д. На Зельвенской ярмарке хороший сбыт находили сукна местных фабрик (Волковысской, Косовской, Белостокской и, считавшиеся лучшими по качеству, Слонимской). В 1830 году, например, таких сукон поступило на 80.544 руб., а продано на 60.000 руб., т. е. 74 %, в то время как сукна иностранного было привезено всего на 10.040 руб. и продано только на 6000 руб., т. е. 59 %¹². Сукна фабрик Слонима и Волковыска находили хороший сбыт и на ярмарке в Свислочи, где их закупали купцы из разных городов, в том числе и Виленской губернии. На Зельвенскую ярмарку в первой половине XIX века постоянно привозились сукна Слонимской, Волковысской и Косовской фабрик. Сукна этих фабрик находили сбыт и в Могилевской губернии, в частности на ярмарке в местечке Хальчь, где продавались также сукна местных фабрик, Климовичской и Новозыбковской. На ярмарку в Хальчь съезжалось купечество «московское, тульское, калужское и окрестных уездов Черниговской губернии»: на Петровскую — до 3650, на Михайловскую — до 1200 человек¹³. На белорусских ярмарках продавалось много товаров из России. Сюда приезжали со своим товаром купцы из Москвы, Тулы, Калуги, Вильнюса, Чернигова. В свои города они увозили промышленные изделия белорусских фабрик, что способствовало вовлечению Белоруссии в единый всероссийский рынок.

Однодневные ярмарки в Толочине, Черикове, Бобре и других местах являлись важным местом сбыта крестьянской продукции и изделий ремесленников. На подобные ярмарки собиралось от 200 до 1000 человек торговых людей¹⁴. Однако на крупные ярмарки, например, в Гомель, на Воздвиженскую, прибывало торговых людей до 8000, Васильевскую — до 9000, а на Троицкую — даже до 14 000 человек¹⁵. Крупнейшая из белорусских ярмарок в Зельве привлекала особое внимание большим стечением народа и торговым оборотом. Развитие товарно-денежных отношений, одним из путей которого являлась ярмарочная торговля, содействовало разложению натурального хозяйства и феодально-крепостнического способа производства в Белоруссии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 60.

² См.: Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 144, л. 35, 39, 50, 65, 67, 71, 79, 80, 130, 136, 138, 140, 142, 144, 147, 180, 242, 245, 248, 279, 293, 294.

³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 1314, л. 12.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 931, л. 2.

⁶ ПСЗ, 1773, № 14441; там же, 1782, № 15467.

⁷ Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 144, л. 35, 39, 50, 65, 67, 70, 79, 80, 130, 136, 138, 140, 142, 144, 147, 148, 180, 242, 246, 248, 279, 294.

⁸ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 428, л. 33—36; ед. хр. 1153, л. 47—48; оп. 27, ед. хр. 489, л. 22—23.

⁹ Там же, оп. 3, ед. хр. 428, л. 33—36; оп. 27, ед. хр. 489, л. 24—25; оп. 20, ед. хр. 1153, л. 49—50.

¹⁰ ЦГИА БССР, ф. 2001, оп. 1, ед. хр. 167, л. 160; ед. хр. 382, л. 6—7.

¹¹ Там же, ед. хр. 167, л. 52—55; ед. хр. 382, л. 2.

¹² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 428, л. 33—36; ед. хр. 1153, л. 47—48; Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 114, л. 136.

¹³ ЦГИА БССР, ф. 2001, оп. 1, ед. хр. 167, л. 61, 66, 76—79.

¹⁴ Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 114, л. 35, 50.

¹⁵ ЦГИА БССР, ф. 2001, оп. 1, ед. хр. 382, л. 2—15; ед. хр. 167, л. 52—75.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ БОГОСЛОВАМИ ВЛИЯНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Дореволюционные и современные церковные историки приписывают православию решающее влияние на изменения в семейных отношениях древнерусских людей, хотя делается это иногда и в осторожных, на первый взгляд, выражениях: оно «...способствовало смягчению нравов наших языческих предков, особенно искоренению таких пережитков родового строя, как кровная месть, многоженство, умыкание»¹. Или безоговорочно утверждается, что христианство «установило вместо языческого многоженства единоженство»². Некоторые богословы превратно объясняют изменения в семейном положении князя Владимира. По их мнению, Владимир принял христианство под влиянием бабки Ольги и жен-христианок — гречанки, чешки, болгарки³. Чешка и болгарка могли быть христианками, поскольку на родине той и другой христианство распространилось во время деятельности Кирилла и Мефодия, т. е. приблизительно на столетие раньше, чем на Руси. Значит, чешские и болгарские христиане выдавали дочерей за иноверного князя, не обращая внимания, что у него было много жен и наложниц. Они, следовательно, не руководствовались принципами моногамии, которые Владимир усвоил якобы с принятием новой религии. Чтобы приписать христианству роль фактора в ликвидации полигамии, богословам не остается ничего иного, как наделить князя исключительной святостью, которой, конечно же, другие христиане, выдававшие дочерей за него, и сами его жены не обладали.

Классическое объяснение причин возникновения моногамной семьи дано Ф. Энгельсом: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступать во владение отцовским имуществом»⁴.

Не случайно в древнейшей части устава Владимира объектом рассмотрения становятся имущественные отношения между супругами. В духе византийского номоканона русское феодальное государство передало семейное право юрисдикции церкви, установив местную систему наказаний⁵. Исполнение этой светской функции церковью послужило поводом для утверждения, будто христианской святостью создано единобрачие, в то время как оно отражало только то, что было вызвано развивающимися частнособственническими отношениями на Руси.

Моногамная семья существовала в рабовладельческих государствах Греции и Рима и освящалась местными религиями. И на Руси единобрачие складывалось до введения христианства, в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Оно продолжало существовать и позже, независимо от распространения православия, и церковь вынуждена была считаться с наличием невенчаных браков. По мнению Ф. Энгельса, М. Ковалевский доказал, что патриархальная домашняя община (вервь в «Русской Правде» Ярослава) «образовала переходную ступень от семьи, основанной на материнском праве, к отдельной семье современного типа»⁶. Надо иметь в виду, что многоженство было характерно для верхушки феодального общества. Ф. Энгельс отметил, что «многоженство — привилегия богатых и знатных... масса народа живет в моногамии»⁷. Это наблюдалось и на Руси. Ю. И. Семенов справедливо отмечает, что базирующийся на собственности брак классового общества и в форме единобрачия, и в форме многоженства был порожден экономической зависимостью жены или жен от мужа. При моногамии соблюдение супружеской верности мужем носило формальный характер⁸. В княжеском быту XII века массовым явлением было сожитительство холоповладельца с рабой, параллельно браку со свободной. По статье 98 «Пространной Правды» «рабы дети» не получали права наследства⁹. Русские помещики и в XIX веке находили способы принуждать крепостных женщин к сожительству.

Как ни стремилась православная церковь подчинить своему влиянию семейное право, ей приходилось мириться с невенчанными браками. По правилам митрополита Иоанна II (1080—1089) церковным браком венчались только бояре и князья, а простые люди обходились без «благословения и венчания», ограничиваясь плясаньем и гуденьем (музыкой). Иоанн называет такую языческую свадьбу «тайнопоиманием» и назначает за нее

епитимью¹⁰. Простые люди не могли иметь много жен по экономическим причинам.

Наиболее ранним кодексом семейного брачного права был устав Ярослава, сложившийся в XI—XII веках, но известный в поздних списках не ранее XV века, имеющий общую основу с уставом Владимира и дополняющий «Русскую Правду». Он стал церковным судебником, поскольку внутрисемейные взаимоотношения, заключение и расторжение брака были переданы феодальным государством юрисдикции церкви. Произошло разграничение судебных функций между светской и духовной властью. Церковному суду подлежали преступления, связанные с побоями между членами семьи, со сговором (помолвкой) и свадьбой.

В конце XI — середине XII века на Руси применялись нормы «распутного права», связанные с проступками мужа — измена жене, продажа ее приданого. В устав Ярослава включены основания для развода только по вине жены. Посещение зрелищ, кража имущества мужа, ограбление церкви — наиболее недостойные проступки жены. Однако развод из-за кражи имущества женой у мужа не признавался в Новгороде. Архиепископ Нифонт налагал за это только епитимью в течение трех лет. И Пространная редакция устава Ярослава, созданная в XII — первой четверти XIII века, предписывает мужу наказать жену и уплатить штраф митрополиту. Единых норм «распутного права» на всей территории Руси не было. Поскольку традиционное наследственное право не обеспечивало дочерей имуществом после смерти родителей, и дочь могла остаться «засевшей», т. е. незамужней, то устав ответственность за это возлагал на семью и карал ее штрафом. В XI веке эта забота общинной организации была передана церкви. В Пространной редакции к ведению церковной власти отнесены драки между женщинами, дела об убийствах и членовредительствах в традиционных свадебных играх и боях.

Церковь вынуждена была считаться с существованием браков, заключенных по старому обряду, и даже оберегать их своей властью и авторитетом. Ушедший муж должен был возвращаться к жене. Ушедшая от мужа к другому мужчине женщина передавалась в «дом церковный», а принявший ее платил митрополиту «продажу», т. е. штраф. Тем самым пресекалось сохранение второго брака. Оба бывших мужа, очевидно, после епитимьи могли вступать в новые церковные браки¹¹. Таким образом, церковь как исполняющая гражданские функции организации по юридическому признанию браков и освящающая браки авторитетом православия, закрепляла неравенство женщины и мужчины в семейных отношениях.

Изменения в социально-экономической жизни отразились и в брачном праве. В Пространной редакции устава Ярослава кража внутри семьи не признавалась достаточным основанием для развода. Как и в других областях жизни, в оформлении брака православная церковь признавала и подчиняла себе то, чего не могла отвергнуть. Речь идет об одном из древнейших восточнославянских обрядов — резании сыра как составной части сговора брачащихся. Этот обряд зафиксирован в «Домострое» XVI века и наблюдался даже в XIX веке у русских, украинцев, белорусов, поляков, лужицких сербов. За отказ жениха от невесты митрополиту уплачивался штраф, невесте возмещались расходы.

Невенчаные браки беспокоили служителей церкви в XIII и начале XIV веков, что, несомненно, доказывает самостоятельность возникновения единобрачия по отношению к насильно введенному сверху христианству. В 1276 году сарайский епископ Феогност задавал вопрос, может ли печь просфоры «невенчальная жена по мужни смерти аже будет чисто житие»¹². В «Заповедях ко исповедующемуся» (начало XIV века) признано достойным посвящение в поповство кандидата, имеющего детей, но живущего в невенчанном браке. Я. Н. Шапов правильно подчеркивает, что церковь, только укрепив свои позиции, перестала признавать невенчаный брак, что ярко проявилось в обличениях митрополитом Петром (1308—1326) священников, которые не соблюдали канонических правил¹³.

Клерикальный тезис о благотворном влиянии христианства на семейную жизнь не выдерживает критики при анализе подлинных причин заключения династических браков в княжеских кругах. Подобно тому, как греческие, чешские и болгарские христиане не обращали внимания на принадлежность Владимира к так называемому язычеству, выдавая за него замуж дочерей, так и после введения христианства на Руси православные русские князья продолжали заключать династические браки. Как ни третиrowала религиозная пропаганда «поганных», политические соображения требовали

заключать династические браки с дочерьми ханов. Мономах женил сына Юрия на дочери хана Аепы, внучке хана Осеня, сына Андрея — на внучке Тугорхана, князь Олег женил своего сына на другой внучке хана Осеня. Святополк женился на дочери Тугорхана (1094). Мать черниговского князя Святослава Владимировича бежала к половцам и стала женой половецкого хана Башкорда (1159). Смоленско-киевские Ростиславовичи женили Рюрика на дочери хана Белгука (1163). Владимир Игоревич женился на дочери Кончака. Суздальский князь Ярослав Всеволодович женился на дочери хана Юрия Кончаковича (1206). Галицко-волинский Мстислав Удалой — зять хана Котяна. Таким образом, династические браки в XI—начале XIII веков заключаются независимо от веры, хотя православная церковь, как и великие князья, стремится подчинить их православию.

Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что утверждение об укреплении семьи христианством противоречит евангельскому отрицанию семьи вообще, проповеди отказа от продолжения рода человеческого. По Матфею (19, 12), богоугодными признаются те, «которые сделали сами себя скопцами для царства небесного». Антигуманизм этого поучения очевиден. Вместе с тем в евангелии говорится и о запрете разводиться с женой. Евангельские поучения отразили противоречивые взгляды разных социальных групп рабовладельческого общества на семейное право.

Итак, при рассмотрении вопроса о взаимосвязи между становлением моногамной семьи и религиозной реформой, надо отметить два момента. Во-первых, возникшая до введения христианства на базе социальных изменений моногамная семья стала объектом церковного суда только тогда, когда феодальное государство передало церкви эту светскую функцию. Во-вторых, развивающиеся феодальные отношения на Руси оказывали воздействие на семейные отношения, что, в частности, отразилось на разбирательстве споров между мужем и женой по имущественным вопросам. Однако в эпоху господства церкви и религиозного мировоззрения это воздействие проявлялось в религиозной форме. Объясняя приспособление византийского православия к освящению семейных отношений, необходимо учитывать указанную классиками марксизма особенность религиозной надстройки: «...любая ступень религии застаёт уже существующим»¹⁴ материальный мир. Христианство, как и любая религия, фантастически, превратно отражающее материальную действительность, не может положительно воздействовать и на ее изменения. Византийское православие располагало для освящения семейных отношений только разработанной системой классового религиозного воздействия и организованным аппаратом священнослужителей, чего не имел даже реформированный Владимиром пантеон древнеславянских богов. Однако реальное воздействие на характер семейных отношений оказывали материальные условия развивающегося феодализма.

¹ Журнал Московской патриархии (далее — ЖМП), 1965, № 8, с. 68.

² ЖМП, 1944, № 7, с. 40.

³ См.: ЖМП, 1965, № 7, с. 64.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 65.

⁵ См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси, XI—XIV вв.— М., 1972, с. 127, 199.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 61—62.

⁷ Там же, с. 64.

⁸ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи.— М., 1974, с. 243—253.

⁹ См.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси.— Л., 1963, с. 51.

¹⁰ См.: Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 246—247.

¹¹ См.: Там же, с. 245—246.

¹² Русская историческая библиотека, изд. 2.— СПб., 1908, т. VI, стб. 137—138.

¹³ См.: Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 247.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 146.

Г. М. ТРУХНОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ ПО РЕПАРАЦИОННОМУ ВОПРОСУ (до рурского кризиса 1923 года)

Проблема германских репараций как на Версальской конференции, так и в последующие годы занимала большое место во внешней политике двух ведущих стран-победительниц. Английские правящие круги, помимо эконо-

мического фактора, рассматривали германские репарации как средство умеренного давления и метод подчинения немцев своему влиянию. Для достижения этой цели нужно было прежде всего довести репарационные платежи до пределов возможного. Поэтому «с 1920 по 1924 г. британская политика по отношению к репарациям основывалась на предположении, что экономическое восстановление Германии, следовательно, Европы станет возможным лишь при условии, если сумма финансовой задолженности Германии по репарациям будет зафиксирована раз и навсегда в пределах платежной способности Германии»¹. В свою очередь официальная политика Франции в репарационном вопросе исходила из того, что Германия в состоянии уплатить установленную сумму в 132 млрд. марок и она должна быть выплачена. Англо-французские противоречия в репарационном вопросе были использованы теми силами в Германии, которые «планомерно провоцировали новые столкновения с Францией»². Известно, что после первой мировой войны Лондон хотел стать арбитром и руководителем европейских дел, поэтому он был заинтересован в смягчении франко-германских противоречий. В то же время Англия опасалась союза Германии с Советской Россией. Еще в ходе подготовки Версальского договора Уинстон Черчилль предостерегал: «Державы Антанты должны отдать себе отчет в той огромной опасности, которая грозит человечеству, если две мощные ветви мира — славяне и немцы, доведенные до отчаяния, объединятся. Что станет с нами»³. Кошмар объединения России и Германии пугал английские правящие круги, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции. В период Ноябрьской революции империалистические круги Англии совместно с США помогли немецкой реакции разгромить революционные силы. Им нужна была милитаристская Германия для предстоящей борьбы с СССР. Кроме этого, английская промышленность нуждалась в немецком рынке сбыта. За примирение с Германией усиленно ратовал посол Англии в Германии лорд д'Абернон. В своем дневнике он записал, что «безопасность французской границы от германского нападения была действительно чрезвычайно важной для Англии. Но эта безопасность не должна покупаться ценой продолжения политики враждебных действий, так как при такой политике Германия была вынуждена обратиться за поддержкой к России, представлявшей на Востоке опасную силу. Германия должна войти в семью европейских народов на правах равноправного члена. Нужно покончить с теорией бешеной собаки Европы, нужно забыть сам термин «победитель» и «побежденный», оставшийся нам от войны. Будущему должно быть отдано предпочтение перед прошлым, должно быть покончено со взаимными обвинениями и подозрительностью»⁴.

Итак, уже в конце 1920 года, через два года после окончания первой мировой войны, Англия, возглавлявшая в период войны коалицию держав Антанты против Германии, резко повернула вспять и устами своего официального представителя заговорила, что наступило время покончить с терминами «победитель» и «побежденный». Не парадоксально ли это? Но при ближайшем рассмотрении этого вопроса не трудно будет убедиться в том, что «позиция английских правящих кругов в германском вопросе определялась в первую очередь экономическими интересами Англии»⁵. Немаловажную роль играла и политическая стратегия руководства Великобритании. Еще Пальмерстон (видный политический деятель Англии прошлого века) утверждал, когда речь заходила о союзах и союзниках: «У нас нет вечных врагов, как нет и вечных союзников». Пальмерстон часто любил повторять, что вечны только наши интересы и наш долг их защищать. Этими установками руководствовались деятели Форин Оффиса и после первой мировой войны. Так, во время пребывания французского премьера Клемансо в Лондоне глава правительства Англии Ллойд Джордж обратился к нему с вопросом: «Ну, что скажете?». «Да, я имею Вам кое-что сказать, — злобно ответил Клемансо. — На другой день после перемирия я нашел в вашем лице врага Франции». «Что ж, — ответил английский премьер, — разве это не наша традиционная политика?» Линия английских правящих кругов после войны 1914—1918 годов была направлена не только на udržание равновесия сил в Европе, они также стремились при помощи прикрепления Германии к своей колеснице занять на континенте господствующее положение. Намереваясь использовать немецкую военщину в своих целях, еще в день подписания Компьенского перемирия между союзниками и Германией Ллойд Джордж и министр военного снабжения Уинстон Черчилль в глубокой тайне обсуждали вопрос о том, какими путями сохранить военные силы Германии. В дальнейшем, на мирной конференции в Версале англий-

ская делегация еще больше усилила борьбу за сохранение немецкого военного потенциала.

В первые дни после войны Ллойд Джорж под прикрытием фраз о привлечении к ответственности бывшего кайзера и других немецких военных преступников фактически оберегал этих убийц от заслуженной кары. Германия после первой мировой войны перестала быть для Англии угрозой на море. До войны Лондон экспортировал в Германию товаров на 600 млн. рублей золотом, а импортировал — на 800 млн. руб.⁶

В послевоенные годы Англия стремилась сохранить Германию в качестве важного торгового партнера. В связи с послевоенным усилением Франции политические круги Англии не желали франко-германского сближения, в котором Германия играла бы подчиненную роль. Это должно было неминуемо привести к лидерству Франции в Европе, к фактической ее гегемонии на континенте, что шло в разрез с планами британских правящих кругов. Они не желали создания Великой Франции вместо поверженной Германии. Против планов французской гегемонии в Европе выступили также США, стремившиеся уже в 20-х годах установить свое безраздельное господство над миром. Ни Лондон, ни Вашингтон не устраивала перспектива осуществления планов французского господства в послевоенной Европе. Они отдавали себе отчет в том, что если бы верхам Франции удалось захватить немецкий Рур и установить контроль над польской и чехословацкой промышленностью, тогда Франция получила бы в Европе монополию на уголь и железо. Поэтому они стремились не допустить экономической зависимости Германии от Франции.

Когда в Лондоне стало известно, что французские и германские хозяева угля и стали договариваются о создании единого картеля, там забеспокоились. И это беспокойство не было беспредметным. Создание такого концерна явилось бы вызовом Англии. Вот почему Форин Оффис предпринял все возможное, чтобы не дать этой сделке осуществиться. Англо-французские распри по германской проблеме в целом мешали французским правящим кругам наладить деловые отношения с побежденной Германией. Нет никакого сомнения в том, что Париж тоже стремился использовать Германию для борьбы с Советской Россией. Однако Версальский договор осложнил больше франко-германские отношения, чем германо-английские. Угроза немецкого реванша была более реальной для Франции, чем для Англии. В то время как немецкие репарации имели для Великобритании второстепенное значение, для Франции они были жизненно важны. Естественно, что французским правящим кругам было гораздо труднее вести маневренную политику по отношению к Германии, чем Англии. Вместе с тем французский империализм, опираясь на свою военную мощь и право победителя, стремился настолько ослабить Германию, чтобы исключить возможность реванша с ее стороны и политически обессилить настолько, чтобы она в дальнейшем не могла играть значительной роли в Европе. Для выполнения такой задачи монополистические круги Франции в авангарде с «Комитэ де форж» пытались прибрать к своим рукам угольные богатства Германии. «Располагая рурским углем, — говорили они, — мы стали бы хозяевами значительной части европейского рынка. Будучи хозяевами Рура, мы на равной ноге с англичанами, и в свою очередь сможем диктовать им свои условия. Экономическое равновесие изменится в нашу пользу»⁷.

Немалую роль в разжигании французских аппетитов сыграла немецкая империалистическая буржуазия в лице таких ее представителей, как Стиннес. Все репарационные конференции стран Антанты, в том числе и Парижская, проходившие между 1920 и 1923 годами, стали ареной ожесточенной борьбы между Англией и Францией. Комментируя причины провала переговоров в Париже, стиннесовская газета возложила всю вину на Францию. «Парижская конференция, — писала она, — сорвана Францией. Последняя показала, что она стремится не к решению репарационной проблемы, а к удовлетворению своей империалистической жадности»⁸. Ряд буржуазных германских газет также обвинял Францию. Только Коммунистическая партия и ее пресса разоблачала козни империалистических держав в репарационном вопросе и называла вещи своими именами. Так, «Роте фане» отмечала, что «главными виновниками провала переговоров, наряду с Пуанкаре, были также руководящие круги Англии и Америки, угольные бароны Германии, которые сознательно разжигали страсти и путем закулисных махинаций подготавливали новый конфликт в центре Европы»⁹.

После краха репарационных переговоров в Париже французские монополии потребовали от главы правительства более твердой политики по от-

ношению к Германии. Французская буржуазная печать отбросила какую-либо маскировку и открыто заявила, почему нужно обострить репарационный кризис. Так, Адольф Деламер, редактор влиятельного журнала, поставив все точки над и, отмечал: «Мы заинтересованы в оккупации Рура лишь постольку, поскольку твердо решили вырвать из рук Германии гегемонию в области металлургической промышленности. Оккупация есть средство парализовать германскую промышленность, обеспечить господство нашей железодобывающей промышленности. В настоящее время Германия — самый страшный конкурент на международном рынке. Скинуть со счетов этого конкурента, поднять наши шансы, занять его место — вот ради чего стоит оккупировать Рур, если мы только ставили себе вышеуказанные задачи, и благодаря сравнительно низкой валюте мы можем успешно конкурировать с Англией, с которой в настоящее время конкурирует Германия. Пришло время занять на рынке первое место»¹⁰.

Таким образом, оккупация Рура должна была служить исходным пунктом для концентрации угольных и железных богатств у «Комите де форж» и ослабления промышленности Германии, что дало бы возможность французским капиталистам избавиться от конкурента и утвердить свою гегемонию в Европе.

¹ Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. — М., 1945, с. 45.

² Рубинштейн Е. Германская социал-демократия в революции 1923 года. — Борьба классов, 1932, с. 76.

³ Klein F. Die diplomatische Beziehungen Deutschland zur Sowjetunion. 1917—1933. — Berlin, 1953, S. 120.

⁴ Посол мира: Страницы из дневника лорда д'Абернона. — М., 1931, т. 1, с. 32.

⁵ Никонова С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. — М., 1966, с. 18.

⁶ См.: Коммунистический Интернационал, 1923, № 9, с. 81.

⁷ Красная Новь, 1923, книга 6, с. 307.

⁸ Deutsche Allgemeine Zeitung, 1923, 8. Januar.

⁹ Die Rote Fahne, 1923, 9. Januar.

¹⁰ Коммунистический Интернационал, 1923, № 26—27, с. 1248—1249.

И. И. НОВИЦКИЙ

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КУБА

До 2 декабря 1956 года, когда группа революционеров во главе с Ф. Кастро, высадившаяся на Кубе с яхты «Гранма», начала открытую вооруженную борьбу против диктаторского режима генерала Батисты, в стране насчитывалось восемь университетов: шесть государственных и два частных. Однако из шести государственных университетов три полностью находились в ведении частных лиц и опекунских организаций, не получая от государства никакой финансовой помощи.

Будучи очагами антиправительственных выступлений, государственные университеты постоянно подвергались репрессиям со стороны диктаторского режима. 27 октября 1956 года полиция и воинские подразделения по приказу Батисты учинили жестокую расправу над студентами Гаванского университета, участниками митинга, посвященного 83-й годовщине расстрела испанскими колонизаторами семи студентов медицинского факультета.

В знак протеста против зверской расправы Совет университета, состоящий в основном из революционно настроенных преподавателей и студентов, 3 декабря 1956 года принял решение о полном прекращении на неопределенный срок всякой учебной и научной деятельности. Солидаризируясь с этим решением, прекратили деятельность и два других государственных университета в Лас-Вильяс и в Сантьяго-де-Куба. Все они оставались закрытыми до победы революции 1 января 1959 года.

Закрыв государственные и функционирование в стране в течение нескольких лет только частных университетов привело к беспрецедентной коррупции среди профессорско-преподавательского состава и чиновничества системы высшего образования, к открытой купле-продаже дипломов и ученых степеней. Поэтому сразу же после победы революции, 14 января 1959 года, был принят закон о признании недействительными всех ученых званий и степеней, полученных выпускниками частных университетов в период с 3 декабря 1956 года по 1 января 1959 года. В силу этого закона

прекратили существование Беленский, Кандлерский и Массонский частные университеты. Позже в стране были закрыты все частные университеты.

В январе 1961 года Высший совет университетов страны, состоящий из преподавателей, студентов и представителей революционного правительства, приступил к разработке закона об университетской реформе. 10 января 1962 года, в день 32-й годовщины злодейского убийства вождя студенческого революционного движения, основателя Коммунистической партии Кубы Хулио Антонио Мельи новый закон был торжественно зачитан студентам и преподавателям Гаванского университета¹. В преамбуле закона отмечалась реакционная, лишенная научной основы сущность учебно-воспитательного процесса дореволюционных университетов и указывалось на настоятельную необходимость приведения всей системы высшего образования в соответствие с требованиями социально-экономического развития страны. Особое внимание обращалось на увеличение в программах высших учебных заведений удельного веса технических дисциплин, математики, химии, физики, геологии и экономики с одновременным сокращением удельного веса таких наук, как философия, право, филология, к изучению которых до революции сводилось, практически, все университетское образование.

Новый закон отменял право пожизненного назначения Министерством образования на профессорско-преподавательские должности. Основным учебно-методическим и научным подразделением университета признавался «департамент» (кафедра), несколько департаментов объединялись в «школу», несколько родственных школ составляли «факультет». Структурно каждый университет включал следующие факультеты: гуманитарный, естественный, технологический, сельскохозяйственный и медицинский. Для обеспечения широкого доступа трудящихся к высшему образованию предусматривалось открытие трехлетних рабоче-крестьянских факультетов. В 1963 году на первый курс открытого при Гаванском университете рабоче-крестьянского факультета имени Хулио Антонио Мельи было принято 750 слушателей.

Успешному проведению в жизнь университетской реформы препятствовала большая нехватка квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, многие из которых покинули страну из боязни революционных преобразований. Так, например, на технологическом факультете, преобразованном впоследствии в политехнический институт, в котором в настоящее время работает около тысячи преподавателей, более 40 из которых — кандидаты и доктора наук, в 1959 году осталось всего лишь 5 преподавателей. По конкурсу на замещение вакантных должностей на технологический факультет пришли работать еще 12 преподавателей. После этого на 2226 студентов факультета приходилось 17 преподавателей².

Примерно в таком же положении находились и другие высшие учебные заведения страны. В этих условиях Министерство образования рекомендовало шире распространять опыт преподавателей, которые привлекали студентов старших курсов для проведения лекционных и практических занятий на младших курсах. Этот опыт был тщательно изучен и распространен на все учебные заведения системы высшего образования, что вместе с приглашением преподавателей из социалистических и некоторых латиноамериканских стран способствовало решению проблемы. В последующие годы численность студентов-помощников преподавателей в высших учебных заведениях постоянно росла. К 1984 году планируется довести ее до 20 тыс. человек³.

За годы, прошедшие после принятия университетской реформы, в системе высшего образования страны произошли большие перемены. Изменился классовый состав студенчества, открыто много новых учебных заведений, постоянно совершенствуются учебные планы и программы, методика преподавания учебных дисциплин, содержание и структура учебников и учебных пособий. Однако реформа, подготовленная практически еще на антиимпериалистическом, народно-демократическом этапе кубинской революции, естественно, не могла предусмотреть многих аспектов развития высшего образования на этапе социалистического строительства. Поэтому I съезд Коммунистической партии Кубы, проходивший в конце 1973 года, указал на настоятельную необходимость скорейшего совершенствования высшего образования, его организационной структуры и управления с тем, чтобы создать гармоничную, единую систему высших учебных заведений с номенклатурой специальностей, отвечающей задачам планового развития народного хозяйства, систему, включающую университеты и университет-

ские филиалы, институты, специальные высшие школы, которые с наибольшей эффективностью обеспечили бы потребности в специалистах с высшим образованием и взаимосвязь обучения с научными исследованиями и производством⁴. Резолюция съезда «О политике партии в области образования» обязала создавать при вузах специализированные аспирантуры и разработать единую систему присвоения ученых степеней и званий.

В соответствии с указаниями I съезда 28 июня 1976 года создано Министерство высшего образования, все функции которого ранее выполняло Министерство образования Кубы. На новое министерство возложены обязанности по проведению единой политики в области высшего образования, контроля за подготовкой специалистов для народного хозяйства страны, а также единое методическое руководство всеми высшими учебными заведениями независимо от их ведомственной принадлежности. 29 июня 1976 года был принят закон «О структуре специальностей и специализаций системы высшего образования», согласно которому все специальности, с учетом потребностей развития народного хозяйства Кубы, были объединены в 15 групп.

Все высшие учебные заведения были подразделены на четыре типа: университеты (4), предназначенные для подготовки специалистов по гуманитарным и естественным наукам; политехнические институты (2)—для подготовки специалистов технического профиля; специализированные институты (24), готовящие специалистов узкого профиля для отдельных отраслей народного хозяйства, и университетские центры (4)—переходный тип высших учебных заведений, которые со временем могут получить статус самостоятельных университетов. Каждый вуз страны может открывать свои филиалы и учебно-консультационные пункты в промышленных и сельскохозяйственных центрах для предоставления трудящимся возможностей получить высшее образование без отрыва от производства, что значительно снижает стоимость обучения и укрепляет связь вузов с производством.

Закон упростил структуру высших учебных заведений. «Департамент» (кафедра) стал теперь основным подразделением высшего учебного заведения, ведущим учебно-методическую, воспитательную и научно-исследовательскую работу. В 1977 году при Министерстве высшего образования была создана Национальная аттестационная комиссия по присуждению ученых степеней и званий, что способствовало повышению уровня профессиональной подготовки научно-педагогических и научно-технических кадров страны. Придавая большое значение улучшению идейно-политического воспитания учащейся молодежи, I съезд Коммунистической партии Кубы подчеркнул, что «партия будет следить за тем, чтобы преподавание наук велось с марксистских позиций. Она обеспечит преподавание марксизма-ленинизма в учебных заведениях в качестве главной науки, определяющей развитие всех других наук»⁵. В новых учебных планах вузов в соответствии с решениями партии предусмотрено преподавание марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, политической экономии, истории рабочего движения и Кубинской революции как основных учебных дисциплин для формирования у студенческой молодежи научного, марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистического отношения к жизни.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и революционного правительства Республика Куба за исторически короткий срок добилась огромных успехов в развитии высшего образования. В стране функционируют 34 высших учебных заведения, в которых обучается около 150 тыс. студентов. Это в 10 раз больше, чем в 1959 году. К 1985 году планируется довести общую численность студентов в высших учебных заведениях республики до 300 тыс. человек, увеличив ее в два раза по сравнению с 1980 годом.

Успехи Кубы в области высшего образования убедительно подтверждают преимущества социалистической системы хозяйствования, которая позволила республике всего за 20 лет выйти на первое место среди стран Латинской Америки по количеству и уровню подготовки специалистов с высшим образованием.

¹ См.: *Bohemia*, 1978, № 10, p. 87—88.

² См.: *Nueva revista cubana*, 1960, № 1, p. 134; *Bohemia*, 1980, № 2.

³ См.: *Bohemia*, 1980, № 17, p. 41.

⁴ I съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1976, с. 524.

⁵ Там же, с. 351.

ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЬЕТНАМА
ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Вьетнам является многонациональной страной. На его территории проживает 54 национальности. Их численность, уровни хозяйственного и культурного развития различны. Наряду с крупным этносом — вьетами (45 млн. чел.) в СРВ есть несколько десятков малых народов. Численность каждого из них колеблется от нескольких сот тысяч человек (тай, мяонг, хтай, мео, зао), до нескольких десятков тысяч (банар, санти), нескольких тысяч (лати, лаху) и даже нескольких сот человек (туй, тонг, оду и др.)¹. В отличие от вьетов, населяющих преимущественно равнины, большинство малых народов живет в горах. По уровню хозяйственного и культурного развития многие малые народы Вьетнама, особенно те, которые проживают в горах, отстают от вьетов. В хозяйстве некоторых этнических групп (сать, лаху, рук и др.) до сих пор важную роль играют охота и собирательство.

Разрабатывая стратегию и тактику демократической, а затем социалистической революции, КПВ придавала и придает важное значение национальному вопросу, учитывала и учитывает особенности этнического состава страны, социально-экономического уклада различных народов Вьетнама. На этапе национально-освободительного движения КПВ стремилась сплотить трудящихся всех национальностей в революционной борьбе против колонизаторов. Майский (1941) Пленум ЦК поставил перед партией и народом задачу по национальному освобождению страны, принял решение о создании фронта Вьетминь. В эту организацию вовлекались широкие слои трудящихся различных национальностей. Революционное движение быстро разрасталось, особенно в области Вьетбак. В нем активно участвовали трудящиеся малых национальностей тай, нунг, мяо, зао. В августе 1945 года Вьетнамская революция победила. Она освободила народы Вьетнама от колониализма и открыла перед ними перспективы экономического, социального и культурного прогресса. Однако империалисты снова захватили страну. На борьбу против захватчиков поднялись все народы Вьетнама, в том числе и малые. Освободительная война продолжалась восемь лет, до полного освобождения в 1954 году Северного Вьетнама.

Состоявшийся в сентябре 1960 года III съезд партии трудящихся Вьетнама (ныне КПВ) поставил задачу строить социализм на севере страны и бороться за освобождение юга. В решении по национальному вопросу съезд назвал главными принципами национальной политики партии равноправие, сплоченность и взаимопомощь народов в ускоренном развитии экономики и культуры малых народов Вьетнама на основе перспективного плана².

Решения съезда активно проводились в жизнь. Был разработан долгосрочный план экономического и культурного развития горных районов. Особое внимание обращалось на создание промышленных комплексов, подъем сельского хозяйства, развитие транспортной системы, расширение сети предприятий социалистической торговли³. В годы первой пятилетки (1961—1965) в горных районах ДРВ под руководством КПВ развернулось «движение за демократические преобразования и кооперацию сельского хозяйства». Оно ставило своей целью устранение в горных районах остатков эксплуатации труда, преодоление вредных традиций и обычаев. Движение имело большой успех. Только за первые три года пятилетки более половины всех семей объединилось в кооперативы⁴. Для успешного осуществления кооперации в горных районах необходимо было перевести группы населения, сильно отстававшие в социально-экономическом развитии, образе жизни, на постоянное местожительство. Чтобы решить эту трудную проблему, Совет Министров ДРВ в 1968 году принял специальное постановление, в котором указывалось, что только таким путем можно улучшить условия жизни этих групп населения, поднять их социально-экономический и культурный уровень⁵. Выполнение постановления способствовало ускорению кооперации в горных районах, росту благосостояния населения. Важным фактором развития экономики в этих районах было привлечение в местные госхозы и лесхозы рабочих, проживавших на равнинах. Постоянная забота партии и правительства о развитии горных районов позволила быстро поднять их экономику, увеличить производство сельскохозяйственных культур. Благодаря этому горное население не только обеспечило себя продовольствием, но и создало некоторый запас его.

Особое внимание КПВ уделяла развитию народного образования в горных районах. Постепенно была ликвидирована неграмотность. Десятки тысяч детей национальных меньшинств стали учиться в средних школах, интернатах. Социалистическое государство оказывает молодежи горных районов содействие в подготовке для поступления в высшие учебные заведения. Для этой цели в 1975 году в городе Вьетчи было открыто специальное учебное заведение. Национальные кадры для малых народов ДРВ стали готовить педагогический институт «Вьетбак», медицинский институт и институт механизации сельского хозяйства в Тхайнгуене. Подготовка национальных кадров — один из эффективных путей претворения в жизнь национальной политики КПВ.

С апреля 1975 года, после освобождения южного Вьетнама, перед страной встали новые задачи, в том числе и по национальному вопросу. IV съезд КПВ (декабрь 1976 года) разъяснил, что решение национального вопроса является одной из стратегических задач вьетнамской революции наряду с индустриализацией страны, созданием крупного социалистического производства и новой культуры⁶.

Необходимо и дальше развивать дружбу между народами страны, поднимать революционный энтузиазм и творческие возможности малых народов в строительстве социалистического общества, стремиться к достигнутому фактического равенства, к полной ликвидации различий в уровне экономического и культурного развития малых народов и вьетов, крепить их сплоченность, расширять взаимопомощь. Съезд акцентировал внимание партии на необходимости строжайшего соблюдения главных принципов национальной политики — равноправия народов, их сплоченности и взаимопомощи. Были намечены и пути претворения в жизнь национальной политики партии: продолжать более быстрыми темпами развивать экономику и культуру малых народов, готовить национальные кадры⁷.

После IV съезда КПВ начался новый этап социально-экономического, политического и национального развития Вьетнама. Общими усилиями всех народов восстанавливалась разрушенная во время войны экономика. В горных районах юга успешно осуществлялась кооперация сельского хозяйства, создавались госхозы и лесхозы. Развитие транспорта способствовало укреплению экономических и культурных связей горных районов с равнинами. Повысилось благосостояние населения страны. На юге Вьетнама были проведены крупные преобразования и в области просвещения, здравоохранения и культуры. Значительную помощь малым народам в проведении этих преобразований оказали вьеты. Они направлялись работать в горные районы учителями, врачами, культработниками. В горных районах на юге Вьетнама открывались школы, медпункты, больницы. К 1981 году здесь ликвидирована неграмотность, началась плановая подготовка национальных кадров в высших учебных заведениях — институте Тэйнгун, который готовит учителей средних школ (филологов, историков, географов), а также врачей и специалистов сельского хозяйства. В преобразованном вузе «Далат» созданы специальные группы из представителей малых народов для подготовки преподавателей высшей школы, а также специалистов для работы в научных учреждениях.

После IV съезда КПВ продолжалась также работа по дальнейшему развитию экономики и культуры на севере страны. Здесь началось строительство крупной гидроэлектростанции на Черной реке. Новые успехи достигнуты в кооперации сельского хозяйства, в подъеме культуры малых народов. Выполнение решений IV съезда по национальному вопросу, подъему экономики и культуры малых народов было осложнено новой агрессией на севере и юге страны. В отражении этой агрессии активное участие принимали все народы Вьетнама, в том числе и малые.

Состоявшийся в марте 1982 года V съезд КПВ, определил новые рубежи в строительстве социалистического общества и отметил, что национальная политика партии, направленная на укрепление сплоченности и солидарности всех народов Вьетнама, подъем их экономики и культуры, выдержала испытание в совместной борьбе за независимость и территориальную целостность страны, в строительстве новой жизни. В этой борьбе еще более окрепли любовь народов Вьетнама к своей Родине, их приверженность социализму. V съезд КПВ, подтвердив важное значение решений предыдущего съезда по национальному вопросу, подчеркнул, что главной задачей в области национальных отношений является постепенное преодоление еще имеющихся различий в уровне экономического и культурного развития народов Вьетнама. Все звенья государственного аппарата долж-

энергично воплощать в жизнь национальную политику КПВ. Важной неотложной задачей партии в области национальной политики V съезд призвал подготовку кадров из национальных меньшинств для народного хозяйства, науки, государственного аппарата, особенно его уездного звена⁸.

Генеральная линия КПВ в решении национального вопроса является творческим применением принципов марксизма-ленинизма в конкретных условиях Вьетнама. Правильность этой линии подтверждена многолетней совместной борьбой народов страны за свободу, демократию и социализм. Успехи в строительстве социализма во Вьетнаме—яркое свидетельство великой силы дружбы его народов, торжества национальной политики КПВ.

¹ См.: Брук С. И. Население мира.— М., 1981, с. 402—403.

² См.: Материалы о политике КПВ и правительства Вьетнама по национальному вопросу.— Ханой, 1978, с. 9 (на вьетнамском языке).

³ Там же, с. 14—17.

⁴ Там же, с. 65.

⁵ Там же, с. 163—164.

⁶ См.: Решения IV съезда КПВ.— Ханой, 1977, с. 14 (на вьетнамском языке).

⁷ Там же, с. 75.

⁸ См.: Материалы V съезда КПВ.— Ханой, 1982, т. 1, с. 42, 121, 133, 134 (на вьетнамском языке).

Г. Д. ГРУДНИЦКИЙ

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сложность просветительской культуры, наличие в ней разнородных тенденций очевидны. Это объясняется уже тем, что социокультурная жизнь этой эпохи осуществляется в рамках исторического противоречия между вступившей в глубокий кризис абсолютистской культурой и бурно развивающейся культурой буржуазно-демократической. Но в философском мировоззрении немецкого Просвещения, несмотря на пестроту социокультурного фона, на котором оно формируется, прослеживается некое принципиальное единство. Сказать, что это единство заключено в так характерном для всей просветительской мысли стремлении к рационализации мира, значит дать верную, но неполную характеристику философии немецкого Просвещения. Ибо в еще большей степени для нее характерна попытка достижения все более полного и адекватного самопознания человека в его многозначном культурно-творческом отношении к миру. Поэтому для просветительской мысли человек — это не только тот, кто с помощью философии рационализирует мир в разумных формах собственных законов и целей. В философии человек осознает себя в качестве субъекта этой формирующей деятельности.

В связи с этим происходит своеобразная переориентация статуса философии: из формы познания мира она как бы превращается в средство самопознания человека. Философия Просвещения — это сфера, в которой человек открывает себя как активное творческое существо. Открытая как изначальная антропологическая основа, субъективность исследуется здесь в двух направлениях.

I. Философская рефлексия пытается определить субъективность посредством все более полного отделения ее от сферы объективного бытия. Субъективность с этой точки зрения выступает как «разум», под которым понимается активная и самосуцная конституирующая основа, организующая случайное эмпирическое многообразие в рациональный порядок человеческого мира. Это направление носит рационалистический характер и инспирировано лейбнице-вольфовской традицией. Сущность этой традиции состоит в том, что реальное существование здесь рассматривается как логическая категория, подчиненная более общему понятию «возможности», как возможности мышления чего-либо. С этой точки зрения реальность — это осуществление логической возможности, а условия мышления становятся одновременно и условиями существования. Вольфовская метафизика представляет мир как субстанциализированное содержание «первичных принципов» разума. Поэтому логическая структура мышления здесь выступает в качестве онтологической структуры мира. Мышление же рассматривается не как субъективная активность, а как элемент метафизического мира, в котором оно функционирует и в котором находит свою всеобщность. Поэтому можно сказать, что для Вольфа главным является не исследование активной способности мышления, а построение метафизической модели мира на основе «первичных принципов» разума.

Но просветительский рационализм рассматривает разум не как «натуральный» элемент, а как спонтанную активность, направленную на рационализацию мира. Такой подход предполагает с самого начала ответ на во-

прос о способах и степени согласованности «первичных принципов» разума с реальной действительностью. Необходимость исходных понятий философии как содержательной науки должна быть дополнена их объективной значимостью. Знание как результат активной субъективной деятельности должно «объективироваться» в процессе самой этой деятельности, иначе оно будет «пустым» знанием ни о чем. Априорно-конституирующую деятельность мышления нужно дополнять эмпирически-содержательными элементами, которые невозможно сконструировать из чистых понятий. Так обнаруживается различие между «реальным основанием» бытия и «познавательным основанием» мышления (Крузиус). Несовпадение оснований бытия и мышления со всей остротой поставило вопрос о «подлинном методе метафизики», который по примеру естествознания позволил бы преодолеть те скептические тенденции, которые зарождались в процессе исследования активной деятельности субъекта¹.

Принятая в просветительском рационализме трактовка субъективности определяла и характер идеальной модели науки, в качестве которой выступала система априорных знаний. Такая наука ограничивалась сферой априорных формально-логических структур. Познающий субъект в данном ему эмпирическом материале всегда обнаруживал именно эти структуры (отношения, связи и т. д.), созданные его собственной субъективной деятельностью. Сама реальность как бы оставалась вне поля зрения субъекта. Вопрос же о «непустоте» априорных положений, о способах и степени их связи с действительностью оставался открытым и, более того, оказывался принципиально неразрешимым. Это приводило к выводу о необходимости различения «реальной науки об истине» от «формальной науки о мышлении», логики. Обе они являются «чистыми и априорными», поскольку исследуют свои понятия только в их формальных связях и отношениях. Но если логика конструирует свои понятия из «принципов чистого разума», то «наука об истине» создает их на основе анализа эмпирических данных. Метафизика как чисто априорная наука, конструирующая свои понятия из «первичных принципов» разума, невозможна. Ее априорные конструкции должны быть дополнены эмпирическим содержанием (Ламберт)². Но как возникают сами эти конструкции: происходят ли они из опыта или являются результатом автономной деятельности мышления?

«Разрешение этой проблемы видели в допущении некоторой разновидности относительно аргюи, противопоставлявшегося «укорененному предрассудку» эмпиризма, согласно которому кругозор познания ограничен лишь тем, что мы испытываем непосредственно... Эта идея «относительно-априоризма» ярко выражена Ламбертом — одним из ближайших предшественников Канта. По его мнению, опыт лишь дает повод (Anlass) для простых основных понятий, которые в остальном совершенно независимы от опыта»³.

Таким образом, результаты исследований субъективной деятельности разума оказывались разрушительными для вольфовской метафизики и приводили к следующим выводам: 1) разум — это не «натуральный» элемент метафизического мира, а субъективная спонтанно конструирующая деятельность; 2) граница, отделяющая только «идеальную» необходимость субъективных законов и целей человека от объективной реальности эмпирического существования, требует различения «познавательных оснований» мышления и «реальных оснований» бытия; 3) связь рассудочных принципов и эмпирического материала, на упорядочение которого они направлены, обеспечивается врожденностью априорных форм и основывается на «предшествующей божественной «*suppositum intelligens*», благодаря которой объективность связывается и с «самими вещами», и с «логической истинностью» познания как отрицанием объективности»⁴; 4) все это делает невозможной метафизику как чисто априорную науку, замкнутую лишь в сфере чистого разума (окончательное оформление этот вывод нашел у Канта в работах 60-х годов).

II. Затруднения просветительского рационализма в вопросе о сущности познания вызвали оживление антиметафизической тенденции, которое начинается с середины XVIII века и наиболее полное выражение находит в «популярной философии». И хотя эмпирический характер и антивольфовская направленность этого течения очевидны, все же не следует упускать из виду тот факт, что «популярная философия» нигде не порывает окончательно с вольфовской традицией. Это обусловлено и национальными особенностями немецкого Просвещения, и главной идеологической ориентацией просветительского движения, и общим для всей просветительской

культуры стремлением к обоснованию духовной самостоятельности человека. И здесь, как и в рационализме, присутствует неизбежная уверенность в могуществе разума, и здесь, как и там, очевидно стремление определить человека как автономную самостоятельность. Но если главная задача рационализма — определение характера и границ субъективной активности человека как «чистого мышления», то «популярная философия» стремится к анализу мыслительной активности «разумного человека». Идеал разума здесь совпадает с идеалом человека. Поэтому объектом исследования здесь становятся те характеристики человека, которые игнорировались рационализмом: чувственность и чувственная жизнь. При этом своеобразной трансформации подвергается вся теоретико-познавательная проблематика: она была сведена к психологическому анализу и ограничена исследованием различных «способностей» человеческой души, участвующих в познании.

Объектом особого внимания становятся те способности, которые относятся к чувственно-эмоциональному уровню и в рационалистической модели познания занимают место «низших» или «промежуточных» способностей. Чувство здесь подвергается эмансипации и рассматривается как третья — и равнопорядковая — способность души наряду с разумом и волей. Человек — это гармоническое психо-физическое единство, в котором разумный дух согласуется с чувственной природой посредством ощущения. Наиболее полное выражение эти идеи получили у Тетенса в его философских очерках о природе человека⁵. Единственным источником познания Тетенс считает «первичные представления», которые имеют характер чувственных впечатлений и оставляют в разуме более или менее отчетливые следы в виде ощущений. Все другие представления являются вторичными и возникают путем сочетания первичных представлений по принципу подобия. И хотя для Тетенса характерно стремление довести философию до уровня «развитого разумного познания», но именно у него наиболее отчетливо выражена частая для просветительского эмпиризма попытка интерпретации познания в категориях адаптивно-биологических функций человеческого организма. Познание здесь рассматривается как опыт, сведенный к имманентной сфере субъективных ощущений. Такой подход к познанию позволял преодолеть метафизическое представление об интеллигибельности бытия, которая и делает его доступным для познания. Но он же замыкал познание в узких рамках субъективных переживаний и оценок и делал тщетными попытки обоснования истинности и объективной значимости знания.

Этот субъективизм и вытекающий из него релятивизм пытаются преодолеть путем введения в схему познания дополнительной способности — «творческой силы» (Тетенс). С одной стороны, она противопоставляется перцепции, пассивно принимающей впечатления, с другой — воображению, воспроизводящему впечатления на основе ассоциации. Эта творческая сила и определяет способность субъекта к самопроизвольному конструированию универсальных понятий. «Материя» этих понятий генетически всегда выводится из эмпирического опыта, но их всеобщее-необходимая форма ни из какой эмпирии не может быть выведена. Но сама природа этой «творческой силы», как и ее синтезирующие способности, здесь не объясняются. В результате целостное поле жизнедеятельности человека распадается на три самостоятельные сферы: сферу искусства, где она проявляется как способность поэтического творчества; сферу теории, где она выступает в качестве «силы мышления», конструирующей общие понятия; сферу нравственности, где она выражается как «самодетельность» души, позволяющая свободно выбирать направление деятельности и обосновывать объективность этого выбора. «Сила мышления» здесь только лишь декларируется, так как вопрос о ее конструктивных способностях, а тем более об источнике происхождения и условиях истинности общих понятий не находит ответа. Анализ же этих трех сфер, осуществленный эмпиризмом, привел философское исследование к следующим выводам: 1) единственным источником познания является опыт как сфера субъективных ощущений; 2) природа реальных предметов обусловлена их чувственной данностью и доступна познанию лишь в алогичной сфере переживаний и не поддается понятийной обработке; 3) поскольку единственным отношением науки к действительности является непознавательное отношение в сфере чувственной жизни, то научное познание в собственном смысле слова невозможно.

Таким образом, анализ познания, осуществленный немецкой просвети-

тельской философией, привел к выводам, разрушившим ее собственные исходные принципы и обнаружившим несостоятельность ее первичных гносеологических установок. Но в этих исследованиях содержится и нечто более существенное, чем эти, хотя и значительные по своей важности, но лишь только негативные выводы: они подготовили ту интеллектуальную основу, которая обеспечила бурное развитие философии будущего. Это относится ко всей немецкой классической философии, но прежде всего к Канту как к ближайшему продолжателю просветительской традиции. В философии Канта культура Просвещения находит свое самопознание и самосознание.

¹ См.: Липерт Анита. Кант и теория познания немецкого Просвещения.— Философские науки, 1976, № 3, с. 120.

² См.: Lambert J. H. Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrtum und Schein. Bd. I.— Leipzig, 1964, S. 346—357.

³ Липерт Анита. Кант и теория познания немецкого Просвещения, с. 119.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ См.: Tetens J. N. Philosophische Versuch über die menschliche Natur und ihre Entwicklung.— Berlin, 1913.

Н. А. СМИРНОВ

МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА АТЕИЗМА ДИДРО

Одним из ярких представителей французского материализма XVIII века был Дидро. Он критиковал идеализм и религию с позиций научных достижений того времени, развивал материалистическое, антирелигиозное мировоззрение, которое объясняло природу из нее самой, а человека рассматривало как часть этой природы. В то время «материализм во Франции существовал в двух формах: деистической, недостаточно последовательной, ибо она допускала бытие бога, хотя и лишала его значительной части прерогатив, традиционно приписываемых ему религиозным сознанием, и атеистической, которая полностью реализовала тенденцию материализма объяснять природу из нее самой, не только не прибегая к сверхъестественным силам, но и аргументированно отрицая их реальность»¹. Обе формы французского материализма XVIII века развивались не изолированно друг от друга, а в тесном взаимодействии.

Дидро отстаивает мысль о материальности мира. Он замечает: «Я, физик и химик, который берет тела такими, как они бывают в природе, а не в моей голове,—я вижу их жизнедеятельными во всем их разнообразии»². Следовательно, исходным пунктом философии Дидро является признание материальности мира.

Философ считает, что материя состоит из молекул, которые разнообразны по качеству, являются неделимыми, обладают внутренней активностью и чувствительностью. «Молекула, одаренная присущим ей свойством, сама по себе есть сила активная. Она воздействует на другую молекулу, которая, в свою очередь, воздействует на первую»³. Мыслитель признавал материю единственной субстанцией. Он полностью отрицал существование божественной или духовной субстанции. Материя существует вечно, утверждал он, из нее образуется все многообразие предметов и явлений. Время и пространство Дидро рассматривает как объективные формы существования материи.

Неотделимым от материи французский материалист считал и движение. «В природе все обладает движением... Абсолютный покой — абстрактное понятие, не существующее в природе; движение же есть такое же реальное свойство, как длина, ширина, глубина». Движение является необходимым свойством, сущностью материи. «Я не знаю, какой смысл придавать предположению философов о том, что материя индифферентна к движению и покою. Несомненно, что все тела тяготеют друг к другу, что все в этой вселенной находится в состоянии перемещения, или *in situ*, или одновременно и в том и в другом состоянии».

Интересна мысль философа о внутренней активности материи. «Само по себе, по природе присущих ему свойств тело полно действия и силы, будете ли вы рассматривать его в молекулах или в массе». Далее он поясняет: «Чтобы материю привести в движение, говорят еще, нужно дейст-

вие, нужна сила. Да, или сила внешняя по отношению к молекуле, или внутренняя, интимная, присущая молекуле, конституирующая ее природу»⁴. Дидро показывает, что источником движения материи является не идея, не дух, не божественный первотолчок, а сама материя. Он доказывает, что нет материи без движения, что она действует по присущим ей внутренним силам и не нуждается ни в каком внешнем толчке, абсолютный покой ей совершенно чужд.

В многообразии форм движения материи Дидро видит ее гетерогенность. «Все гибнет в одной форме и восстанавливается в другой, повсюду — всевозможные сублимации, диссоляции, комбинации, — явления, несовместимые с гомогенностью материи. Отсюда я делаю вывод, что материя гетерогенна; что существует в природе бесконечное количество разнообразных элементов; что у каждого из этих элементов, благодаря его разнообразию, имеется своя особая, внутренняя, непреложная, вечная, неразрушимая сила и что эти присущие телу силы имеют свои действия вне тела; отсюда рождается движение или всеобщее брожение во вселенной»⁵. Можно сказать, что философ нащупал диалектическую идею единства материи и движения, считая движение атрибутом материи. Дидро уже видел внутренний источник движения во взаимодействии противоположностей. «Когда рассматривают тело, то в нем уже признают присутствие силы, собственного и присущего ему действия; но есть много других сил и действий, из которых одни оказывают всестороннее воздействие, а другие имеют особые направления»⁶. Идея о гетерогенной, самодвижущейся материи является сильным аргументом против религиозного признания нематериального, стоящего вне природы творца. Французский материалист утверждает, что вне материальной вселенной, вне природы ничего нет. Он пишет: «Предположение о каком-нибудь существе, стоящем вне материальной вселенной, невозможно. Никогда не следует делать подобных предположений, потому что из них никогда нельзя сделать никакого вывода»⁷.

Обосновав субстанциональный характер материи, Дидро наносит новый удар церкви, отвергая субстанциональность души. Религиозному догмату о том, что душа бессмертна, он противопоставил материалистическое понимание сознания. Сознание определяется им как свойство материи. Дидро выдвигал предположение о всеобщей чувствительности материи, считал ее одушевленной. Наделяя чувствительностью живую и неживую природу, он полагал, что наиболее определенно чувствительность проявляется только в живой природе, только у определенно организованной материи⁸. Нет сомнения в том, что мысль ученого о чувствительной материи была направлена против религиозного толкования сознания как божественного дара.

В теории познания Дидро исходил из материалистического тезиса о первичности материи и вторичности сознания. Он считал, что внешний материальный мир, существующий независимо от человека, должен быть объектом познания. «Мы — инструменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто ударяют сами себя; вот что, по моему мнению, происходит в музыкальном инструменте, организованном так, как вы и я»⁹. Философ говорит о том, что внешний мир, воздействующий на наши органы чувств, является источником ощущений, а ощущения в свою очередь являются источником наших знаний об этом мире. Таким образом, французский материалист правильно утверждал, что человеческие знания об окружающем мире есть результат отражения самой действительности в голове человека. Этим утверждением он наносил еще один удар по идеалистическому и религиозному пониманию природы и психики человека.

Дидро приложил немало усилий, чтобы выяснить действительный механизм человеческого познания, вскрыть основные его моменты и вымыслам идеалистов и теологов о познании, как о якобы божественном открытии, противопоставить материалистическое учение. «В нашем распоряжении имеются три главных способа изучения: наблюдение природы, размышление и опыт. Наблюдение собирает факты, размышление комбинирует их, опыт проверяет результат комбинаций». «Истинный прием философствования заключается в том, чтобы приходить на помощь разумом разуму, разумом и опытом — чувствам, приспосабливать чувства к природе, пользоваться природой для изобретения инструментов, инструментами — для исследований и усовершенствования ремесел, которые не-

обходимо предоставлять народу, чтобы научить его уважать философию»¹⁰.

Несомненно, Дидро видит связь религии с идеализмом, поэтому стремится показать несостоятельность идеалистической философии, подрывая тем самым и позиции религии. Идеалистами он называет тех философов, «которые, ссылаясь на то, что они обладают лишь сознанием своего существования и сменяющихся внутри них ощущений, не допускают ничего другого... Они признают бытие лишь одного существа; но это мыслящее существо и есть они сами. Так как все, что происходит в жизни, сводится к впечатлениям, то они заключают отсюда, что нет ничего, кроме них и этих впечатлений; таким образом, каждый из них есть одновременно и любовник и возлюбленная, отец и ребенок, цветочная грядка и тот, кто ее топчет»¹¹. Отрицая существование материи вне и независимо от сознания, субъективные идеалисты, по утверждению Дидро, «настолько изоцряли свой мозг метафизическими возможностями, что решительно сомневаются в существовании тел. Все, что можно сказать об этих созерцателях, сводится к тому, что благодаря своим размышлениям они утратили здравый рассудок, отрицая основную истину»¹².

В. И. Ленин высоко оценивал роль французского материализма в его борьбе с идеалистической философией. Он отмечал историческую связь материализма Маркса и Энгельса с французским материализмом XVIII века. Философский материализм Дени Дидро своим острием был направлен прежде всего против религии и церкви, которые отупляли людей, насаждали невежество, приучали человека к рабской покорности.

¹ Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века.— М., 1982, с. 3.

² Дидро Д. Избранные атеистические произведения.— М., 1956, с. 170.

³ Дидро Д. Собр. соч. в 10 томах.— М.—Л., 1935, т. 1, с. 358.

⁴ Там же, с. 358, 357, 358, 359.

⁵ Там же, с. 361.

⁶ Там же, с. 362.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 367—369.

⁹ Там же, с. 375.

¹⁰ Там же, с. 308, 309.

¹¹ Там же, с. 248, 181.

¹² Там же, т. 7, с. 160.

Н. А. КАНДРИЧИН

КАТЕГОРИИ «ТРАДИЦИИ» И «НОВАТОРСТВО» КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Одной из важнейших проблем марксистской теории культуры является задача построения динамической модели культуры, способной выразить ее в качестве реального функционирующего образования в единстве присутствующих ей основных измерений, вычленив сущностные характеристики культурно-исторического процесса.

Плодотворным подходом к решению данной проблемы представляется анализ культурно-исторического процесса через призму категорий «традиции» и «новаторство». На это обращают внимание такие исследователи культуры, как Г. П. Щедровицкий, Г. С. Кнабе, В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов, Н. С. Злобин¹.

Проблема традиций и новаторства теснейшим образом связана с проблемой преемственности, аккумуляции и трансляции социокультурной информации. Поэтому необходимо проанализировать феномены традиций и новаторства в контексте социокультурных процессов, выявить их роль и функции, т. е. рассмотреть их на предельном уровне абстракции, как инманентные характеристики культурно-исторического процесса в целом. Исследование роли и функций данных феноменов в реальном культурно-историческом процессе предполагает их гипотетическую модель. Построить ее — задача данной статьи.

В этой перспективе целесообразно рассмотреть культурно-исторический процесс в единстве его функционирования и развития, вычленив в нем момент устойчивости, стабильности, присущий всем элементам социальной системы и момент изменчивости, прерывности, присущий социуму в целом и его отдельным подсистемам. Диалектико-материалистический

подход к анализу любой сферы общественной жизни, как известно, исходит из сложного диалектического единства данных аспектов.

В процессе коллективной жизнедеятельности людьми вырабатывались определенные навыки, способы воздействия на предметы, соответствующие конкретным ситуациям, которые закреплялись в орудиях труда и определенных социальных нормах. Возникновение и развитие общества, рассматриваемое в марксизме как естественно-исторический процесс, предстает здесь и как процесс культурно-исторический, в ходе которого накапливается социальный опыт, необходимый для осуществления и регуляции человеческой деятельности и общения. Накопленный человечеством в процессе общественно-исторической практики социальный опыт фиксируется и хранится в культуре в виде различных семиотических систем, которые «играют роль своеобразных программ деятельности людей»².

Человек — существо биосоциальное и взаимодействие биологического и социального в нем чрезвычайно сложно и многопланово. Однако в современной науке неоспорим очень важный для понимания соотношения социального и биологического факт: навыки и итоги общественно-трудовой деятельности, уровень духовного развития не являются субъектом биологической эволюции. Социальный опыт не передается биологическими средствами. «Уникальность вида *Homo sapiens* обусловлена тем, что в отличие от животных этот вид наряду с генетической программой имеет благодаря сознанию вторую программу, определяющую его развитие в каждом последующем поколении. Эту вторую программу можно назвать программой социального наследования»³. Таким образом, культура не становится субъектом биологической эволюции. Между тем потребности воспроизводства человеческой деятельности диктуют необходимость как аккумуляции программ деятельности, так и трансляции их в пределах одного поколения и от поколения к поколению, поскольку без этого невозможны осуществление и регуляция деятельности. Вследствие этого возникает потребность в носителе социокультурной информации, механизме аккумуляции и трансляции опыта.

Данный механизм кроме функции отбора из всей сокровищницы накопленного опыта наиболее продуктивных приемов воздействия на предметы осуществляет стереотипизацию, т. е. обеспечивает принятие их определенным коллективом, посредством придания этим приемам нормативного характера и доступной формы. И наконец, он призван осуществлять трансляцию закрепленных в культуре программ деятельности.

Потребности воспроизводства и регуляции деятельности ассоциированных индивидов приводят к формированию универсального компонента культуры, который обеспечивает не только постоянное накопление и пополнение социальной информации, но и трансляцию ее, внедрение в сознание индивидов. Таким механизмом является культурная традиция. От механизмов биологического наследования она коренным образом отличается прежде всего своей социальной природой. «Культурная традиция есть специфический для общества селективный стабилизирующий, гомеостатический механизм, который благодаря стереотипизации социально организованного опыта и его пространственно-временной трансмиссии воспроизводит прошедший испытание способ человеческого существования»⁴.

Специфическими чертами культурной традиции являются: социальная природа (надбиологичность), наиндивидуальность, устойчивость, нормативность, универсальность. Действие механизма традиции обеспечивает включение субъектов в опробованные на практике формы деятельности, регулирование этой деятельности, а следовательно — обеспечивает преемственность в развитии культуры, целостность и глубокую внутреннюю связь между различными ее слоями и типами. Следовательно, категория «культурная традиция» характеризует культурно-исторический процесс со стороны его устойчивости, непрерывности, отражая определенную качественную ступень бытия культуры.

Однако видение культурно-исторического процесса только через призму содержания категории «культурная традиция», принятие функции стабилизации в качестве определяющей характеристики культуры отражает лишь момент воспроизводства деятельности, ее продолжения по заданным основаниям. Если на этом остановиться, то вся культура предстанет как монотонный процесс воспроизведения наличных форм, деятельность человека получит одностороннюю характеристику, абсолютизирующую ее репродуктивный аспект, да и сам факт возникновения традиций, как и любо-

го другого феномена культуры, не получит удовлетворительного объяснения.

Необходимо учитывать, что программы деятельности, которые транслируются в механизме традиции, не являются универсальными. «История — есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁵.

Информационные программы деятельности жестко коррелируются с объектом, на который направлена деятельность и с условиями, в которых она осуществляется. В процессе жизнедеятельности общества все новые объекты вовлекаются в орбиту предметно-практической деятельности людей, изменяются также условия существования общества. Сложившиеся на определенном этапе функционирования общества традиции ограничены рамками прошлой предметно-практической деятельности. Но эти границы программы деятельности исчерпывают продуктивные возможности, перестают обеспечивать осуществление и регуляцию жизнедеятельности социальной системы. Тогда потребность самоподдержания социальной организации с неизбежностью выдвигает на первый план продуктивный, созидательный аспект культуры, который находит свое воплощение в новаторской деятельности⁶.

Потребность в новаторстве возникает тогда, когда невозможно решить возникшую задачу наличными средствами. Его суть заключается в выработке таких средств, способов деятельности, которые позволили бы адаптироваться к непредвиденной традицией ситуации, освоить те объекты, способы оперирования с которыми отсутствуют в фонде культурной традиции. Результат новаторской деятельности существует вначале как единичный прием действия в конкретном объектом. Впоследствии он обобщается и фиксируется в виде информационной модели, несущей информацию о «технологии» деятельности с данным классом объектов. Новаторство обеспечивает модификацию традиционных, либо создание оригинальных программ деятельности. Главным, определяющим признаком новаторства является, вероятно, преодоление сложившихся стереотипизированных программ и создание оригинальных культурных форм в процессе как индивидуального, так и коллективного творчества.

Новаторство можно определить как категорию, отражающую специфический вид человеческой деятельности, обеспечивающей адаптацию к непредвиденным традицией ситуациям путем модификации традиционных или создания оригинальных социокультурных программ, призванных регулировать и целенаправленно общественную практику в принципиально новом направлении. История науки свидетельствует, что одним из факторов прогресса в данной области является возникновение новых методов исследования. В частности, создание и применение Галилеем экспериментального метода позволило преодолеть спекулятивно-схоластическую традицию, что открыло простор для развития естествознания.

Таким образом, категория «новаторство» характеризует культурно-исторический процесс с точки зрения его изменчивости, прерывности, развития. В содержании данной категории четко выражается динамика культуры, подчеркивается ее продуктивный, творческий аспект. Однако следует иметь в виду, что диалектическое понимание развития несовместимо с абсолютизацией отдельных сторон, аспектов этого процесса. Поэтому культурно-исторический процесс нельзя сводить ни к монотонному следованию стереотипу, ни к совокупности непрерывных изменений. Момент устойчивости, стереотипности и момент изменчивости, креативности культуры находятся в диалектическом единстве.

Традиции, с одной стороны, противоречат новаторству, так как стереотип всегда подчиняет поведение субъекта определенным нормативам, стандартизирует его. Однако в традиции закрепляются не только стереотипизированные программы, выполняющие временную нормативно-регулятивную функцию, но и эталоны творчества, призванные «программировать деятельность в качественно новом прогрессивном направлении с долгосрочной исторической перспективой»⁷. И если стереотипизированные программы неизбежно исчерпывают свои продуктивные возможности, порождая тем самым необходимость собственной модификации или уничтожения и выработки качественно новых программ деятельности, то эталоны творче-

ства сохраняются в памяти человечества на протяжении всей его истории⁸. Обеспечивая трансляцию и включение субъектов в исторически сложившиеся формы деятельности, традиция тем самым создает предпосылки для новаторства, так как без овладения опытом предметно-практического и духовного освоения мира невозможна никакая деятельность, в том числе и новаторская. Осуществляя отбор социокультурных программ и их трансляцию, традиции тем самым во многом задают общую направленность предметно-практического и духовного освоения мира, а значит, и общественного прогресса.

Кроме того, результаты новаторской деятельности не сразу становятся общедоступными и общезначимыми. Они становятся элементами культуры только посредством традиции. Истории известны примеры, когда новизна и оригинальность не принимались и не оказывали существенного влияния на общество и культуру. «Описанный Филоном Александрийским способ использования механической силы пара (первый «паровой котел») применялся в механических игрушках и служил в Древней Греции лишь средством развлечения. Только спустя много столетий изобретение Папена превратило открытие механической силы пара в важнейший фактор культуры»⁹. Можно привести множество аналогичных примеров. И наоборот, благодаря народной традиции не имевший письменности киргизский народ создал и донес до наших дней одно из крупнейших в мире произведений устной поэзии — знаменитый эпос «Манас», который вошел в сокровищницу мировой культуры.

Следовательно, результат новаторской деятельности становится феноменом культуры, только превращаясь в свою противоположность — традицию. Это непрерывное превращение новаций в традиции, модификация заключенных в традиции программ деятельности и обеспечивает оптимальное протекание культурно-исторического процесса. В реальном культурно-историческом процессе имеют место также острые столкновения традиций и новаций. Устаревшие, исторически бесперспективные традиции, лишившиеся реальной почвы в развивающемся социуме, но искусственно сохраняемые общественными силами, нисходящими с исторической арены, или инертностью общественного сознания превращаются в консервативную и даже реакционную силу. Таковы, например, религиозные и националистические традиции, превратившиеся в предрассудки. Однако не только религиозные и идеологические, но и научные традиции могут превратиться в консервативную силу, будучи догматизированы. Например, традиционный взгляд естествоиспытателей XVIII века на мир как неизменный, от века данный, помешал даже выдающимся ученым того времени осознать противоречие такого видения мира с данными специальных наук, позволявшими сделать эволюционистские выводы. Известны также попытки под флагом новаторства гальванизировать старые реакционные взгляды и представления, возродить изжившие себя традиции. Такого рода «псевдоноваторство» особенно характерно для большинства школ современной буржуазной философии (эмпириокритицизм Маха и Авенарнуса, к примеру).

Итак, в рамках культурно-исторического процесса роль и функции традиций и новаторства определяются конкретно-историческими условиями функционирования общества. Факторы, обуславливающие новаторски-творческую ориентацию культуры, не отменяют действие культурной традиции, хотя и существенным образом изменяют характер ее функционирования. Это выражается в сокращении временных интервалов действия отдельных традиций, усложнении системы зафиксированных в них программ деятельности, изменении сферы регулируемых данным механизмом явлений. Сама новаторская деятельность превращается в настоящее время в доминирующую традицию общества, строящего коммунизм.

Категории «традиции» и «новаторство», отражая два противоположных аспекта органически целостного образования, которым является культура, позволяют представить бытие культуры как целостный культурно-исторический процесс, характеризуя его с точки зрения функционирования и развития.

¹ См.: Шедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем. — В сб.: Семиотика и восточные языки. М., 1967; Кнабе Г. С. Понимание культуры в Древнем Риме и ранний Тацит. — В сб.: История философии и вопросы культуры. М., 1975; Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону, 1979; Злобина Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980.

² Степин В. С. Социальная детерминация научного познания.— В тез. лекций: Диалектический материализм как методология естественных наук. Минск, 1972, с. 17.

³ Дубинин В. П. Философские и социологические аспекты генетики человека.— Вопросы философии, 1971, № 1, с. 36.

⁴ Маркарян Э. С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук.— Ереван, 1977, с. 194.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44—45.

⁶ См.: Шедровицкий Г. П. Указ. работа.

⁷ Ширшов И. Е. Динамика культуры.— Минск, 1980, с. 22.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ Злобин Н. С. Указ. работа, с. 36.

П. С. КАРАКО

ВЗАИМОСВЯЗЬ БИОЛОГИИ И ПРАВА В ВОПРОСАХ ОХРАНЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

В эпоху современной научно-технической революции все большую актуальность приобретает проблема охраны растительного и животного мира. Это проблема комплексная. Она не может решаться без учета данных биологической науки, промышленной технологии, экономики и других научных дисциплин естественного, технического и гуманитарного профиля. При этом все большую очевидность обнаруживает и тот факт, что в решении данной проблемы важная роль принадлежит праву. В комплексном подходе к решению задач охраны живой природы ее правовые аспекты составляют основу, на которой должна строиться вся система природоохранных мероприятий. Вот почему многие биологи нашей страны эффективность мер по охране флоры и фауны связывают с совершенствованием ее правовой основы¹. Организация мероприятий по охране живой природы должна строиться с учетом взаимосвязи биологии и права.

Специфической особенностью правовых мер охраны природы является то, что их осуществление связано с задачами формирования правового сознания людей, уровнем его развития. Для осуществления правовой охраны природы государство в лице своих органов издает общеобязательные правила поведения (правовые нормы), в которых отражено отношение человека к природным объектам. Правовые методы охраны природы своим предметом имеют не сами объекты природы, не окружающую природную среду, а «социалистические общественные отношения, возникающие и изменяющиеся в процессе реализации природообразовательной программы социалистического государства»². При помощи правовых методов государство оказывает воздействие на поступки и поведение членов общества по отношению к объектам природы:

Эти особенности правовой охраны природы выражаются самим содержанием природоохранительных законов. Так, в ст. 1 Закона об охране и использовании животного мира подчеркивается, что «задачами советского законодательства об охране и использовании животного мира являются регулирование общественных отношений в области охраны и использования диких животных в целях обеспечения условий их существования в состоянии естественной свободы, сохранения целостности естественных сообществ и рационального использования, а также укрепление законности в этой области»³.

Существенной стороной правовой охраны природы является и то, что она строится в соответствии с экологическими требованиями. Последние вытекают из объективных законов природы. «Совокупность таких требований составляет экологическую сущность права»⁴. Экологические требования определяют и соответствующие варианты поведения человека в природной среде. Марксистско-ленинская концепция взаимодействия общества и природы обращает внимание на необходимость соответствия поведения человека законам природы. «...Необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...»⁵

Поведение людей, согласованное с экологическими требованиями, можно считать как экологически правильное. Такое поведение обеспечивает право. «Провозглашая обязательные юридические принципы и предписания, возлагая определенные обязанности и предоставляя субъектам соответствующие права и полномочия, устанавливая запреты и дозволения, оно (право — П. К.) способно создать и создает такой режим всех видов чело-

веческой деятельности в современных условиях, при котором будет гарантировано экологическое благополучие общества»⁶. В СССР правовые меры охраны природы осуществляются в соответствии с государственными планами экономического и социального развития, при активном участии государственных, общественных организаций и граждан. XXVI съезд КПСС указал на необходимость «совершенствовать государственное управление и усилить контроль в области природопользования и охраны окружающей среды. Шире привлекать общественность к охране природы»⁷.

Советское законодательство призвано способствовать эффективной охране и рациональному использованию природных ресурсов, воспитанию советских людей в духе хозяйского, бережливого и гуманного отношения к природе. «Правовая охрана природы в СССР представляет собой закрепленную в советском законодательстве систему государственных мероприятий, обеспечивающих на основе государственных планов развития народного хозяйства СССР сохранение, улучшение и воспроизводство окружающей природной среды, организацию рационального использования природных ресурсов, оздоровление окружающей человека среды его жизни во имя настоящего и будущих поколений советских людей»⁸. В правовых мерах по охране природы существенным является установление круга объектов, охраняемых законом. Такими природными объектами в СССР являются земля и ее недра, вода, атмосферный воздух, растительный и животный мир. Необходимость правовой охраны обусловлена их исключительным значением для жизни человека, создания нормальных условий его существования.

Животный и растительный мир в СССР являются государственной собственностью — общим достоянием всего советского народа. Вот почему советское право призвано не только его охранять, но и предусмотреть все необходимые меры его бережливого использования. В этом отношении оно является одним из важных средств коммунистического воспитания. Так, в Законе об охране и использовании животного мира последовательно проводится мысль о необходимости воспитания советских людей в духе гуманного отношения к животному миру страны, повышения их активности в осуществлении государственных мер по его охране и рациональному использованию.

Но сохранение и использование животного и растительного мира не может быть осуществлено без знания естественнонаучных основ их функционирования, динамики связей со всеми другими элементами биосферы, изменений биосферы, происходящих под воздействием людей. От уровня естественнонаучных (в данном случае биологических, экологических) знаний зависит степень научной обоснованности природоохранительных предписаний закона. В юридических законах закрепляются научно обоснованные меры охраны природы. Причем эти меры выступают в качестве главных требований закона.

Проблемы правовой охраны живой природы решаются совместными усилиями биологов и юристов. В нашей стране биологами прилагаются «немалые усилия для разработки терминологии и аксиоматики в области охраны природы, упорядочения классификации и номенклатуры охраняемых территорий и объектов. Это не только вклад в природоохранное просвещение, но и необходимая акция, облегчающая подготовку и юридическую разработку соответствующего законодательства»⁹. Активное участие в разработке научных основ Закона об охране и использовании животного мира приняли ученые-биологи. По их инициативе в содержание данного закона было внесено положение о признании животного мира государственной собственностью. В ст. 8 закона к основным требованиям по охране и использованию животного мира отнесены: «сохранение видового многообразия животных в состоянии естественной свободы», «сохранение целостности естественных сообществ животных», «научно обоснованное, рациональное использование и воспроизводство животного мира», «регулирование численности», «охрана среды обитания» и др.

Объявление таких положений в качестве естественнонаучной базы закона ставит перед биологами новые исследовательские задачи. О них говорится, в частности, в ст. 21 п. 10, где указывается на важность «организации научных исследований, направленных на обоснование мер по охране животного мира».

Между биологией и правом в решении проблем охраны живой природы имеется диалектическая взаимосвязь. С одной стороны, юридические за-

коны вырабатываются с учетом данных биологии. Они должны учитывать научно обоснованные биологией меры по охране живой природы. С другой стороны, право создает благоприятные условия для реализации научных положений об охране природы.

Осуществление предусмотренных законодательством мер по охране живой природы не может быть успешным без опоры на экологические знания. Будучи естественнонаучной основой правовых мер охраны, экология в свою очередь получает новые задачи в связи с принятием и исполнением законов по охране живой природы. При обсуждении проекта Закона об охране и использовании животного мира на сессии Верховного Совета СССР президент ВАСХНИЛ имени В. И. Ленина П. П. Вавилов указывал, что «под каждое положение Закона должно быть подведено фундаментальное экологическое обоснование»¹⁰. Направления основных экологических исследований определены статьями данного закона. Для их реализации потребуются усилия многих научных коллективов.

Экологические проблемы наших дней становятся одним из факторов, оказывающих существенное влияние и на развитие права. Так, Закон об охране и использовании животного мира предусматривает дальнейшее развитие законодательства по охране животных. Подчеркивается необходимость разработки законодательных актов и законов союзных республик по охране животных, положения о Красной книге СССР и ее юридическом статусе и ряде других.

Проблемы охраны природы обусловили появление и новых тенденций в правовой идеологии. Выражением последних является попытка обосновать «экологическое» направление в теории права. В дискуссии по этой проблеме некоторыми юристами предлагается выделить в особую отрасль экологическое право¹¹, которое будет регулировать взаимоотношения членов общества по охране и использованию всех видов природных богатств. «Применительно к условиям отдаленной перспективы можно предположить, — пишет О. С. Колбасов, — что исторически сложившееся раздельное правовое регулирование лесных отношений и отношений по использованию и охране внелесной естественной растительности перестанет быть необходимостью. Потребуется реальная интеграция правовых норм в этой области, в результате чего возникнет флористическое право как единство, охватывающее регулирование всех отношений по использованию, охране и воспроизводству всей естественной растительности в стране — как лесной, так и внелесной»¹².

Правовые меры охраны растительного мира могут разрабатываться только с учетом современных представлений о сложности структуры охраняемых видов, их потенциальных возможностей дальнейшего существования. Важно определить естественные популяции, особенно популяции редких растений с тем, чтобы взять их под охрану. Задачами охраны таких видов является устранение причин, вызывающих их выпадение из состава растительных сообществ. Ведь иногда даже самого слабого изменения экологической обстановки бывает достаточно для нарушения динамического равновесия между видами, которое приводит к падению численности некоторых из них. Но «связь этих явлений нельзя понять без знания биологии, экологических потребностей и конкурентной способности растений. Поэтому наряду с работами регистрационного характера большое значение имеет постановка исследований по экологии редких видов. Подобные исследования особенно важны для разработки приемов выращивания редких видов, так как они в большинстве своем характеризуются узкой амплитудой адаптации или затрудненным возобновлением»¹³. Такие исследования крайне необходимы и для разработки соответствующих правовых мер охраны растительного мира.

¹ См.: Гиляров М. С., Яблоков А. В. Закон СССР «Об охране и использовании животного мира» и задачи Академии наук СССР. — Вест. АН СССР, 1981, № 2; Лапин П. И. Пути охраны и обогащения растительности. — М., 1978; Яблоков А. В., Остроумов С. А. Охрана животного мира: проблемы и перспективы. — М., 1979.

² Проблемы правовой охраны окружающей среды в СССР. — Л., 1979, с. 39.

³ Правда, 1980, 28 июня.

⁴ Колбасов О. С. Роль государства и права в решении экологических проблем современного общества. — В сб.: Общество и природная среда. М., 1980, с. 196.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 196.

⁶ Социализм и охрана окружающей среды. — М., 1979, с. 25.

⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 184.

⁸ Гусев Р. К., Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР.—М., 1979, с. 16.

⁹ Тихомиров В. Н. Организационные проблемы научных исследований по охране растительного мира.— Вест. АН СССР, 1980, № 3, с. 43.

¹⁰ Правда, 1980, 26 июня.

¹¹ Колбасов О. С. Экология: политика — право.— М., 1976, с. 156.

¹² Колбасов О. С. Основные направления правотворчества в области охраны окружающей среды.— Советское государство и право, 1980, № 3, с. 72.

¹³ Лапин П. И. Пути охраны и обогащения растительности, с. 31.

Н. В. РЯБОКОНЬ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социальное действие в философской литературе рассматривается как специфическая форма обнаружения деятельности людей, как способ функционирования и существования тех или иных социальных субъектов и институтов¹. Определяющими детерминантами социального действия являются общесоциологические и социально-философские регулятивы: законы, потребности, интересы, цели. Непосредственная же направленность социального действия осуществляется через внутренние побуждения людей к деятельности. Рефлектирование причин внешней детерминации в конкретных актах действия происходит через научное мировоззрение. Характернейшей его чертой как феномена, концентрирующего все линии детерминантных связей, является ориентация социального действия на реализацию назревших потребностей общества. Выступая теоретическим обоснованием закономерных тенденций общественного развития, научное мировоззрение прогнозирует конечный результат массового социального действия и направляет деятельность людей на достижение сориентированных целей. В этом заключается его практическая значимость.

В настоящее время философы обращают большое внимание на регулятивную функцию научного мировоззрения, т. е. связь его с социальным действием. «От характера мировоззрения,— пишет В. Д. Печников,— во многом зависит жизненная ориентация человека, направленность его социальной деятельности»². Аналогичные подходы к анализу научного мировоззрения как предпосылки социального действия прослеживаются и у других авторов. Однако, хотя эта проблема и вызывает живой интерес, исследование ее, к сожалению, ограничивается только постановкой вопроса, без углубленного научного анализа механизма взаимосвязи мировоззрения и социального действия. Трудности решения этой проблемы, на наш взгляд, связаны с нечеткостью определения понятия научного мировоззрения, его структуры, механизма и детерминирующих функций. За последние годы развитие дефиниции научного мировоззрения не претерпело серьезных изменений и по существу осталось традиционным.

Общим и весьма распространенным определением мировоззрения является представление о нем как обобщенном, интегральном отражении мира в сознании человека. Мировоззрение, подчеркивается многими исследователями, есть отношение человека к миру и самому себе. Имеются и другие определения. Большинство из них связано с различным пониманием основ, определяющих статус мировоззрения. В качестве таких выдвигается марксистско-ленинская философия. В другом случае рассматривается марксизм-ленинизм в целом, а философия трактуется как его основная часть, ядро. Многие из исследователей под мировоззрением понимают систему философских, экономических и общественно-политических взглядов марксизма, опирающихся на обобщение данных общественных и естественных наук, важнейших выводов из революционной практики. Не вдаваясь в критический анализ разнообразных подходов к определению мировоззрения, остановимся на рассмотрении дефиниции мировоззрения, отличающейся от всех предыдущих точек зрения.

«Мировоззрение,— пишет М. Г. Ашманис,— есть определяющая все поведение человека форма сознания, посредством убеждений отражающая сущность совокупных общественных отношений, в которые включен человек»³. Действительно, на уровне социальной формы движения материи в качестве регулятора мировоззренческого взгляда личности выступают трансформированные в убеждения общественные отношения. Включаясь в структуру научного мировоззрения, они раскрывают его общественную природу, связь с социальным действием. Однако вряд ли можно

категорически утверждать, что мировоззрение есть определяющая все поведение человека форма сознания. Мировоззрение, конечно, имеет связь с сознанием, ибо, прежде чем сформулируются регулятивные принципы поведения личности, материальный мир и заложенные в нем объективные детерминанты действия должны быть отражены в сознании субъекта. В общефилософском аспекте, т. е. в процессе отражения действительного мира в сознании человека, мировоззрение выступает идентичным сознанию понятием. Здесь, однако, нет абсолютного тождества. Настоятельная необходимость различия этих понятий неоднократно подчеркивалась в философской литературе⁴. Мировоззрение не только отражает реальный мир, но и формирует, сообразно развитию его объективных тенденций, регулятивные принципы поведения. Мировоззренческая позиция личности проявляется только в ее конкретном социальном действии. О мировоззрении следует судить не по тому, каким представляется мир в сознании человека, а по направленности его действий и поступков.

Регуляция социального действия личности с ориентацией ее деятельности на реализацию общезначимых целей составляют суть научного мировоззрения. Следовательно, мировоззрение совпадает с сознанием, когда отражает мир, но вместе с тем и отличается от него, регулируя социальное действие личности. В данной связи правомерна постановка вопроса о различии общефилософского и социально-философского аспектов мировоззрения. Заслуживает внимания и общесоциологический подход к определению мировоззрения как «состояния сознания общества»⁵. При самом общем подходе мировоззрение можно рассматривать как целостное воспроизведение в сознании человека реального мира. Отражение материи (природной и социальной среды) в сознании субъекта составляет его основное содержание. Однако отношение человека к миру не является пассивным. Оно всегда активно и предметно, так как опосредуется общественно-исторической практикой. Включение практики в отношение человека к окружающему миру определяет содержание социально-философского аспекта мировоззрения. Вне практической деятельности мировоззрение не в состоянии определить направленность социального действия.

Формирование мировоззренческих регулятивов социального действия есть процесс взаимодействия субъекта с объектом. Он выражает внутреннее осознание субъектом внешних факторов, стимулирующих его деятельность. О мировоззренческой зрелости личности мы можем говорить в том случае, когда объективные детерминанты социального развития воспринимаются ею как внутренние побудители действия, закрепленные в системе мотивационных регулятивов. В качестве механизма перевода мировоззрения в действие выступают: знания, убеждения, ценностные ориентации (ценности, оценки), установки, принципы, идеалы, социальные нормы. Эмоционально-психологическая оценка личностью знаний как побудителя действий составляет исходный элемент формирования научного мировоззрения. Но истинное знание, воспринятое субъектом; еще не есть его мировоззрение. Им оно становится в том случае, когда превращается в убеждение. Научным убеждением, следовательно, является не всякое, а только чувственным образом воспринятое и пережитое субъектом знание, ставшее побудителем его действий и поступков.

Знание, в частности социологическое, представляет собой идеальное воспроизведение в сознании субъекта закономерных тенденций общественного развития. В отличие от убеждения оно не регулирует конкретное социальное действие, а создает его идеальную схему. Строго нормативную роль регулятора мировоззренческого взгляда личности знание приобретает после проверки практикой, становясь убеждением. Мотивация мировоззренческого взгляда личности осуществляется посредством ориентации ее деятельности на освоение ценностей реального мира. В наиболее общей формулировке категория ценности выражает специфическое отношение между объектом и субъектом формирования научного мировоззрения, когда значимые черты и свойства реальности обуславливают направленность действий людей.

Оценка есть способ определения ценности конкретным субъектом (классом, группой, личностью). В отличие от ценности, которая носит объективный характер, оценка представляет собой явление субъективное, устанавливающее меру соответствия отражаемых в объекте свойств потребностям и интересам субъекта. При оценке происходит осознание субъектом объективных детерминант социального действия, субъективное установление их регулятивной ценности. В процессе оценки факторы внешней

детерминации соотносятся с механизмом внутренних побуждений личности, формируя у нее определенную установку на освоение ценностей и тем самым побуждая к практическому социальному действию. Строго фиксируемые и жизненно важные, неоднократно повторяющиеся в поведении субъекта установки формируют его ценностные ориентации, которые выражают направленность социального действия, детерминированного регулятивами, опосредованными внутренним содержанием субъекта. В ценностной ориентации непосредственным регулятивом социального действия выступает научное мировоззрение личности, социальной группы, класса. Специфической особенностью ее является также оценочно-нормативный характер. Оптимальный вариант поведения личности, выработанный в ценностной ориентации установками, закрепляется в социальных нормах, регулирующих массовые действия людей. Последнее обстоятельство не только конституирует понятие нормы, но и отличает ее от оценки.

Социальная норма, обладая свойством императивности, обуславливает действие, предписанное обществом для социальных общностей. Субъектом нормативного действия являются группы, классы, коллективы. В оценочном отношении жесткость императивного признака снимается индивидуальным поведением личности, свободной в выборе ценностей. Субъектом оценочного действия могут выступать не только социальные общности, но и конкретные личности. Отличие здесь состоит еще и в том, что в социальной норме действие представляется как модель должного поведения личности, а в оценке лишь мысленно конструируется его возможный вариант. Оценка направлена на выявление в реальной действительности регулятивных ценностей. Иначе говоря, оценка формирует действие, норма фиксирует его как необходимое для большинства людей. Выработанные нормами эталоны поведения личности трансформируются в принципах социального действия.

Различие между нормами и принципами условно. Принципы обладают большей общностью и силой выражения требований, регулирующих поведение личности. Они устойчивы и охватывают строго регламентированные, выработанные в общении между людьми, общие правила деятельности. Нормы более подвижны и фиксируют ситуационные, меняющиеся в соответствии с обстановкой требования. Любой принцип может выступать в виде социальной нормы, но не всякая норма может быть принципом. Принцип выражает основное содержание ценностного отношения, его смысловое значение, а норма — практическую реализацию его. Например, основной принцип социализма «Все для блага человека» предполагает соответствующие формы деятельности, направленные на его реализацию. Высшей целью общественного производства, отмечалось в материалах XXVI съезда КПСС, является неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. На осуществление этой долговременной цели направлены средства и пути ее достижения: ускорение научно-технического прогресса, рациональное использование производственного потенциала, экономия всех видов ресурсов, улучшение качества работы⁶. В принципах норма обеспечивает оптимальный выбор социального действия личностью, закладывает предпосылки для ее активной, созидательной деятельности. В то же время она нейтрализует негативные стороны поведения людей, направляет их усилия на решение общегосударственных целей. Особенностью социальной нормы является то, что в ней вырабатывается программа достижения конечного результата социального действия в будущем. В данном контексте норма выступает как мировоззренческий идеал.

В отличие от принципов идеал содержит в себе рекомендацию сверхдолжного поведения. Он является образцом социального действия личности в конкретной обстановке и желаемой нормой ее поведения в будущем. «Идеал — это мысленный образец совершенства, норма, к которой следует стремиться как конечной цели деятельности»⁷. Для идеала характерно «сопряжение» обобщенного образа действительности, выступающего в виде взглядов, идей, принципов, с идеальным образом, опережающим действительность. Идеал — это не только отражение реальных черт предметов, но и мысленное воспроизведение действительности, которой еще нет. В нем окружающий мир представляется таким, каким его хотел бы видеть субъект. Характернейшей чертой идеала является сочетание в социальном действии опережающего отражения с предвидением будущего. В идеале «заложена» перспективная цель, направляющая социальные действия субъекта на решение задач, совпадающих с объективным ходом историче-

ского развития. В этом заключается его ценность и практическая значимость.

¹ См.: Социальное действие / Под ред. Ю. А. Харина.— Минск, 1980, с. 18, 23.

² Печников В. Д. Социальная активность и мировоззрение личности.— М., 1978, с. 4.

³ Ашманис М. Г. Мировоззрение и условия его формирования.— Рига, 1977, с. 34.

⁴ См.: Евтушенко А. И. Философия и коммунистическое мировоззрение.— Киев, 1980.

⁵ См.: Уледов А. К. Духовная жизнь общества.— М., 1980, с. 208.

⁶ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 38.

⁷ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы.— Киев, 1977, с. 153.

Г. Г. АНУФРИЕВ

О ВЗАИМОСВЯЗИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА

Творческий метод—это исторически сложившиеся приемы создания произведений, принципы идейно-эстетической оценки, отбора, обобщения и художественного выражения жизненного материала. Эти принципы органично входят в мировоззрение художника (которое, как уже не раз подчеркивалось в литературе, не сводится к системе социально-философских взглядов), являясь одним из важнейших его элементов, и в совокупности определяют мировоззрение как высшую форму отражения и оценки объективной реальности. Соотношение мировоззрения и творческого метода художника есть соотношение общего и частного. В строгом смысле слова следует говорить о диалектике мировоззрения и творческого метода как диалектике принципов отбора, обобщения и художественного отображения действительности и социально-политических, философских, нравственных и других взглядов художника. Чтобы метод способствовал выявлению творческой потенции художника, а не препятствовал этому, он не должен быть чем-то чисто «внешним» по отношению к его творчеству. Вспомним, как жесткие рамки классицизма не позволяли многим талантливым художникам создавать глубокие произведения. Если под воздействием передового мировоззрения художник осознает ограниченность метода, он прорывает с ним (как, например, это сделал Луи Арагон, порвавший с сюрреализмом). Метод должен быть органичным элементом его мировоззрения как «интеллектуально-эмоционального» целого.

Можно говорить об однородности или неоднородности элементов мировоззрения, т. е. соответствии или несоответствии их идейной основе. Сочетание утопических, иллюзорных и т. п. элементов с реалистическим взглядом на мир, эклектическое соединение различных философских, политических и др. воззрений, принципов отрицательно сказывается на творчестве. Реалистический метод в этом случае неизбежно вступает в противоречие с идейной основой мировоззрения. Например, увлеченность И. С. Тургенева в 60-х годах философией Шопенгауэра сказалась на некоторых его произведениях, вступив в противоречие с реалистической направленностью его творчества.

Научное, коммунистическое мировоззрение можно характеризовать как целостное, где составляющие его элементы соответствуют идейной основе—марксизму-ленинизму. Важнейшим условием формирования единого, последовательного, научного мировоззрения, служащего руководством к действию, обуславливающего активную жизненную позицию художника, является превращение знаний в коммунистические убеждения, единство интеллектуальной и эмоциональной сфер сознания. Убеждение, будучи «прочувствованным», истинным для субъекта знанием, является скрепляющим структуру мировоззрения элементом. Цельность мировоззрения как необходимой стороны духовного мира личности—залог успешной творческой деятельности.

Поскольку формирование убеждений имеет чувственно-эмоциональную основу, в процессе этого формирования укрепляются чувства гуманизма, патриотизма, интернационализма, оптимизма и др., сопутствующие ему и имеющие «прямой выход» в творческую практику.

Иногда художник, будучи недостаточно мировоззренчески подготовленным для верного понимания сложных явлений действительности, не в

силах проникнуть в их сущность, обращает внимание на отдельные внешние черты их проявления. Такой подход будет односторонним, а художественное отображение — неполным, обедненным. Талантливому художнику здесь помогает все более глубокое познание жизни, творческая учеба и, как результат, идейно-художественный рост. Например, К. Чорный, преодолев в процессе сознательного и напряженного творческого поиска, учебы характерные для некоторых его ранних произведений натурализм, поверхностное отображение малозначительных событий, «детализм», приходит к выводу, что художник не должен быть сторонним наблюдателем, а должен жить единой жизнью с народом и раскрывать ее «со всей глубиной наших радостей и страданий»¹.

У художников, живущих в социалистическом обществе, отсутствуют социальные основы противоречивости мировоззрения, которые имеются, скажем, у прогрессивных художников Запада, на чье творчество не могут не наложить отпечаток классовые антагонизмы, зависимость от денежного мешка, реакционная идеология правящей верхушки. Конечно, такая связь не всегда просматривается достаточно явно, сказывается относительная самостоятельность развития литературы и искусства. Однако противоречивость общественных отношений влияет на формирование личности художника. Важно, какие стороны его мировоззрения возьмут верх, явятся определяющими. И если это будут сильные стороны, художник в своем творчестве правдиво отразит те или иные существенные моменты действительности. Талантливые художники капиталистического мира создают высокохудожественные произведения, влияние которых не исчерпывается ограниченной классовой идеологией их авторов. Разумеется, здесь не возникает некая диффузия реализма в искусство. Подобные утверждения являются не чем иным, как попыткой смешать реализм с другими категориями и тем самым исказить его сущность («реализм без берегов» Р. Гароди).

В то же время в буржуазном искусстве реакционные идеи агностицизма, фрейдистские и экзистенциалистские теории разрушают таланты, направляя их на путь натуралистических или формалистических «изысканий». Что берут на вооружение такие художники? «Параноический метод» (изобретение С. Дали), элементарные технические приемы, к которым сводится все творчество (Дж. Поллок), «инженерные достижения» Р. Раушенберга, бесцельное экспериментаторство и алогизм, нередко просто вызов здравому смыслу. Такая «техника» творчества не может породить того вдохновения, которое приходит в процессе работы к художнику, со знающему высокие гуманистические цели своего творчества.

Художник может иметь прогрессивные политические, философские взгляды, но находиться в плену формализма. Его передовые воззрения еще не нашли воплощения в эстетическом идеале. Такие противоречия обычно преодолеваются. Иногда же художник, обладающий передовыми взглядами, избирает настолько животрепещущую, злободневную тему, что даже формалистическими средствами ему удается создать произведения большого социального и гуманистического звучания («Герника» Пикассо). В связи с этим заметим, что, по-видимому, особенности мировоззрения различным образом проявляются в творчестве и в зависимости от характера тематики. Скажем, объяснить и достоверно художественно отобразить поведение человека в критической ситуации — сложная для художника задача, и в ее художественном решении могут ярко проявиться особенности его мировоззрения. Например, четкие классовые и гражданские позиции, т. е. партийность и народность творчества, ясный эстетический идеал, в конечном счете — диалектико-материалистическое мировоззрение, помогают В. Быкову верно показывать соотношение между воинским долгом и гуманизмом, воссоздавать правду жизни.

Буржуазные идеологи утверждают, что если художественное творчество партийно, имеет классовый характер, тенденциозно, то оно не может быть объективно правдивым. Однако все дело в том, о какой партийности идет речь. Партийность буржуазного искусства действительно искажает, деформирует художественное отражение, так как господствующий класс заинтересован в сокрытии жизненной правды. Коммунистическая партийность не только не противоречит, а, напротив, в наибольшей мере способствует художественному раскрытию сущности происходящих процессов. Это соответствует интересам революционного класса, а в социалистическом обществе — всего народа. Не случайно В. И. Ленин определил партийность как высшее выражение классовости².

Политические идеи оказывают огромное влияние на художественное творчество, так как прежде всего они отражают жизненные интересы классов. И если они реакционны, антинародны, это закономерно приводит к творческому краху. Блок и Брюсов, порвав с символизмом, создали талантливейшие произведения; сочинения Мережковского и Гиппиус, которых обуревали идеи борьбы с «грядущим хамом» — народом, преданы забвению.

Точка соприкосновения художественного метода и других элементов мировоззрения — эстетический идеал. Через него происходит идейно-эстетическая оценка жизни. Опираясь категориями «прекрасное и безобразное», «возвышенное и низменное», «трагическое и комическое», художник обращается к действительности через конкретно-индивидуальное восприятие и эстетический идеал, на который оказывают то или иное воздействие, преломляясь в нем, все компоненты мировоззрения. Причем «идеал не может механически налагаться на взятый из жизни и художественно переосмысленный материал... а органически формируется, вырастает из их (художественных явлений — Г. А.) жизненной сущности...»³

Создаваемые художником образы — не результат неких чисто эстетических соображений. Когда субъективные стремления художника «вписываются» в реалистический метод, когда передовые идеи органично входят в художественную ткань произведения — мы вправе ожидать встречи с подлинным, глубоким, правдивым искусством. А сознательное владение методом социалистического реализма, предупреждающее и в значительной степени снимающее возникновение противоречий между ним и другими компонентами мировоззрения, — одно из условий творческой свободы художника. У К. Маркса есть высказывание: «...идеи... которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»⁴. Это «подчинение», — т. е. усвоение передового мировоззрения своего времени, превращение его в «свое органическое достояние» (И. Бехер) — необходимое условие предотвращения коллизии разума и сердца художника, определяющее развитие творческой индивидуальности.

Произведение подлинного искусства хорошо осознано и понимается, волнует, чего нельзя сказать о «массовом» искусстве, модернизме, которые в лучшем случае вызывают цепь неявных ассоциаций или просто любопытство; понять авторский замысел невозможно. Такие произведения почти всегда оставляют бесстрастными (если не вызывают раздражения). Рассматривая картину С. Дали «Предчувствие гражданской войны» (где на фоне голубого неба изображены натуралистически выписанные части человеческого тела, растянутое в страшной гримасе лицо, рука, сжимающая женскую грудь), можно лишь **угадывать**, что автор хочет убедить нас в жестокости, антигуманности войны. Картины же народного художника СССР М. А. Савицкого на военную тему не оставляют сомнений в гражданской позиции их создателя. Каждая картина этого грандиозного цикла — обобщение, сила ее эмоционального воздействия определена ясностью и четкостью смысла: фашизм уничтожает человека, а значит — прекрасное. Воплощая свой замысел в материале, художник действует прежде всего как сознательный творец, хотя ему и кажется иногда, что решение приходит само собой. М. А. Савицкий пишет: «Стремлюсь увидеть мысленно всю картину, ясно представить ее в деталях, осознать все, что я хочу сказать... Наверно, как это ни тяжело, нужно сразу же стремиться к большим обобщениям, сразу же определить эмоциональное значение картины, ее смысл»⁵.

Многообразие форм художественного выражения практически беспредельно, но в конечном счете именно сознание творца, его мировоззрение является стержнем, связующим воедино богатство форм. Диалектико-материалистическое мировоззрение, реалистический метод позволяют творчески овладеть этим богатством, плодотворно использовать его для достижения гуманистических целей.

¹ Чорны К. Збор твораў у васьмі тамах.— Мінск, 1972—1975, т. 8, с. 65.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 548.

³ Гуцаленко Л. А. Диалектика воплощения прекрасного.— Мінск, 1973, с. 52.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.

⁵ Савіцкі М. Стварыць карціну... гэта — цяжка.— В кн.: Мастак і сучаснасць. Мінск, 1975, с. 183.

Навуковы камунізм

А. В. ЖЕМАЙТАЙТИС

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ НАУКИ

Наука в условиях развитого социалистического общества является не только одним из главных факторов развития производительных сил, но и важным средством совершенствования общественных отношений, создания передовой культуры, воспитания нового человека, теоретической основой управления обществом.

Политика в области науки означает не только разработку и осуществление государством экономических, административных и других мероприятий, стимулирующих развитие и формирование определенной ценностной ориентации науки, общей социальной перспективы, а это возможно только на основе определенных принципов. Буржуазные идеологи в искаженном виде изображают политику КПСС и советского государства в области науки, фальсифицируют ее цели, выдавая за образец мероприятия современного буржуазного государства по управлению научной деятельностью. Все это вызывает необходимость четко сформулировать и теоретически обосновать принципы политики советского государства, выражающие в концентрированном виде его отношение к развитию науки и учитывающие как потребности общественного развития, так и внутренние закономерности и запросы самой науки.

Наука как социальный институт подчиняется не только своим внутренним, но и общим закономерностям развития общества. Они-то и должны в первую очередь определять формирование и проведение политики в области науки. Кроме того, наука как сложная система имеет и свои внутренние принципы развития (функционирования), которые также учитываются в процессе руководства ее развитием. Указанные обстоятельства дают нам право утверждать, что принципы общей социально-экономической политики партии и государства, а также принципы функционирования социалистического общества являются исходными началами и при определении и осуществлении политики в области науки, хотя их применение имеет свою специфику по сравнению с другими областями общественной жизни. Эти принципы можно выделить в первую группу. Важнейшие из них: партийное руководство развитием науки; единство теории и практики, науки и политики; централизованное государственное руководство; плановость; демократический централизм; народность советской науки и политики в области науки; коллективизм; интернационализм; гуманизм; комплексный подход.

Другую группу составляют принципы собственно политики в области науки. Сюда можно отнести принцип подчинения науки целям и задачам коммунистического строительства. Этот принцип выражает общую направленность политики в области науки, ее основную цель. Отдельные же стороны и черты этой политики определяются принципами общей социально-экономической политики, поэтому его содержание полностью можно раскрыть только через принципы общей политики. В отдельную группу следует выделить принципы, выражающие внутренние тенденции и потребности развития науки и характеризующие ее как относительно самостоятельную систему: использование в качестве методологической основы всех

наук диалектического материализма; критическая переработка и творческое освоение научного наследия прошлого; новаторство в науке и т. д. Очевидно, что эти принципы, выражающие специфику научной деятельности, отражаются в содержании более общих принципов и учитываются при формировании и проведении политики в области науки.

Как уже отмечалось, основным и наиболее общим является принцип подчинения науки целям и задачам коммунистического строительства. Потребность развивать науку и широко применять ее достижения в интересах всего общества вытекает из самой природы социализма. В. И. Ленин подчеркивал, что коммунистическое общество можно построить лишь на основе крупной машинной индустрии, используя новейшие достижения науки и техники. Цель социалистического производства — все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей трудящихся — создает возможность для неограниченного развития науки и, таким образом, полностью совпадает с ее внутренними запросами. В. И. Ленин указывал, что «все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, — все должно пойти на службу объединенному рабочему»¹. О последовательном проведении в жизнь принципа подчинения науки целям и задачам коммунистического строительства свидетельствуют программные документы КПСС и советского государства². XXVI съезд КПСС подчеркнул, что в условиях развитого социалистического общества развитие науки «должно быть в еще большей мере подчинено решению экономических и социальных задач советского общества, ускорению перевода экономики на путь интенсивного развития, повышения эффективности общественного производства»³. Принцип подчинения науки целям и задачам коммунистического строительства предполагает необходимость принципа партийного руководства ее развитием. КПСС как руководящая сила советского общества на основе теории марксизма-ленинизма осуществляет идеологическое руководство наукой, заботится о ее развитии, совершенствовании ее организации и эффективном использовании ее достижений в народном хозяйстве. Вместе с тем, отстаивая классовую направленность в развитии науки, КПСС решительно борется против влияния буржуазной идеологии, против разного рода «теорий», отрицающих прогрессивную роль науки в современном мире.

Другим принципом, согласно которому строится политика советского государства в области науки, является принцип единства теории и практики, науки и политики. Успешное решение задач коммунистического строительства невозможно без широкого применения достижений науки в практической деятельности. В. И. Ленин неустанно требовал, чтобы научный подход распространялся на все политические и административные решения, на все звенья партийных, государственных и общественных организаций сверху донизу, «чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»⁴.

Особенно велика роль единства теории и практики, в осуществлении политики в области науки, где очень важно избежать субъективизма и поспешности в принятии решений, выдвижения неосуществимых задач, где необходимо умело сочетать субъективную деятельность с объективными возможностями, желаемый результат с реальностью, классовый подход и научную объективность. Тесная связь с практикой является также важной потребностью современной науки. Дело не только в том, что практикой проверяется истинность научных идей. Дело еще и в том, что современная наука не может успешно развиваться без прочной индустриальной базы. Бурное развитие производительных сил социализма на основе науки создает в свою очередь и благоприятные условия для успешного развития науки. Единство теории и практики, науки и политики не является самоцелью. Задача социализма заключается не в простом соединении науки с практикой, производством — этот процесс начинается еще на стадии капитализма, — но в таком их соединении, когда наука одновременно становится и условием развития самого человека. Это обуславливает необходимость строить политику в области науки на принципе гуманизма. Сама главная цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей, — достижению которой подчинено развитие науки, обуславливает и гуманистическую направленность политики в области науки. На всем протяжении существования советского государства КПСС и советское правительство не-

устанно борются за мир, чтобы величайшие достижения человеческого ума не были обращены против самого человека, чтобы наука стала ареной сотрудничества, средством социального прогресса, лучшего взаимопонимания и сближения народов.

Еще одним важным принципом является принцип народности советской науки и политики. Гуманистическая направленность политики в области науки будет успешно осуществляться лишь в том случае, если эта политика будет выступать как инструмент не только социального регулирования развитием науки, но и ее реального освоения трудящимися массами. Политика советского государства в области науки направлена на создание благоприятных условий для участия широких народных масс в научно-техническом творчестве и в управлении развитием науки. Партия и государство все шире вовлекают трудящихся в процесс научно-технического творчества, в дело ускоренного внедрения достижений науки в практику коммунистического строительства. Советские люди включаются в этот процесс не как простые исполнители производственных функций, а как активные участники, способные к самостоятельному научно-техническому творчеству и управлению развитием научно-технического прогресса.

Политика советского государства в области науки строится также и на принципе коллективизма. Коллективизм обуславливается единством коренных интересов членов социалистического общества, его классов, слоев, социальных групп. Само собой разумеется, что научной, как и любой другой деятельности, в условиях социализма чужды индивидуализм и профессиональная замкнутость. Более того, научный труд по своей сущности — это коллективный труд. Решение сложных, комплексных научных проблем требует объединения усилий больших коллективов ученых — как теоретиков, так и экспериментаторов, ученых и инженеров, ученых и производственников.

С принципом коллективизма тесно связан и принцип интернационализма. Это как бы распространение принципа коллективизма на международные и межгосударственные научные связи и отношения. Наука по своей природе интернациональна. Научные истины не знают национальных и государственных границ, раньше или позже они становятся достоянием всего человечества. Более того, решение важных научных проблем затрагивает интересы всего человечества, и многие из них (исследование Мирового океана, освоение Космоса, решение экологических проблем и т. д.) могут успешно решаться лишь при объединении усилий ученых многих стран.

Успешное проведение политики в области науки требует последовательного осуществления принципа централизованного государственного руководства развитием науки. Наука становится объектом централизованного государственного руководства с первых же дней существования советской власти, поскольку она является важным средством достижения основной классовой цели пролетариата — построения коммунистического общества. Необходимость централизованного государственного руководства наукой обусловлено также и внутренними потребностями самой науки: комплексностью исследовательских задач, возросшими масштабами научного эксперимента и материально-технического обеспечения, подготовкой научных кадров и т. д.

Централизованное государственное руководство не противоречит принципу демократизма и не допускает вмешательства в творческий процесс научной работы, в оперативное руководство научной деятельностью. Поэтому важной проблемой осуществления принципа демократического централизма является гармоническое сочетание централизации с максимальным учетом творческих возможностей научных коллективов и отдельных ученых, проявлением инициативы и свободным творческим поиском, свободой мнений и творческих дискуссий. Этого требует и специфика научной деятельности. В. И. Ленин, выступая против увлечения командованием, говорил о необходимости изучения того, «что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала»⁵.

Централизованное государственное руководство позволяет осуществлять комплексный подход к развитию науки и применению ее достижений в практике коммунистического строительства. Комплексного подхода требует как необходимость развития на научной основе всех сфер общественной жизни, так и развитие самой науки: необходимость обеспечения единства и пропорционального развития общественных, естественных и

технических наук, всех отраслей и направлений научного знания, всех видов научной деятельности — от поисковых исследований до внедрения их результатов в практику. Комплексный подход к развитию науки обуславливает необходимость принципа планирования. Планомерное развитие социалистического общества делает возможным планомерное развитие и самой науки. Кроме того, сложность социального организма науки, комплексность решаемых ею проблем, потребность в огромных материальных, финансовых и кадровых ресурсах также вызывает необходимость развивать науку на плановой основе. Основы планомерного развития советской науки были заложены В. И. Лениным уже в первые годы существования советской власти. Планирование — это согласование цели со средствами во временном, пространственном и ценностном отношениях. Конкретно говоря, это согласование потребностей общества в определенных результатах научной деятельности с реальными возможностями науки.

Бурное развитие научно-технического прогресса в нашей стране показывает действенность политики КПСС и советского государства в области науки, правильность ее основных принципов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 26.

² См.: Программа КПСС, ч. II, гл. V, § 3; Конституция СССР, ст. 26.

³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 143.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

⁵ Там же, т. 42, с. 347.

Е. А. КОВАЛЕВА

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ США

Исторические условия развития США, которые В. И. Ленин охарактеризовал как «необычайно выгодные, сравнительно с другими странами ... для развития капитализма вглубь и вширь»¹, дали возможность американской буржуазии, особенно на империалистической стадии, подкупить верхушку рабочего класса и обеспечить вплоть до последнего времени монопольное влияние буржуазной идеологии на организованное рабочее движение.

Идеологические принципы профсоюзного движения, разработанные руководством объединения цеховых профсоюзов, Американской федерации труда (АФТ) и буржуазными теоретиками рабочего движения и получившие название «чистого и простого» или «делового» тред-юнионизма, представляют собой американский вариант оппортунизма. Его основу составляют признание незыблемости капиталистической системы, отрицание необходимости изменения существующего строя, ограничение борьбы рабочего класса чисто экономическими вопросами занятости и заработной платы. Профбюрократия стремится не допустить массовых выступлений рабочих, всячески противодействует проведению забастовок, одобряя лишь переговоры при заключении трудовых коллективных договоров. Руководство АФТ активно борется против социалистических идей и реального социализма.

Углубление общего кризиса капитализма, возросшее влияние социализма как общественной системы, подъем национально-освободительного движения явились предпосылками усиления борьбы, роста классового сознания, повышения политической активности рабочего класса развитых капиталистических стран. В американских профсоюзах со второй половины шестидесятых годов происходят важные изменения, движущей силой которых стали рядовые члены профсоюзов. Обострение социально-политического и экономического кризиса в стране, наступление капитала на интересы трудящихся, свертывание буржуазной демократии, а также банкротство экспансионистского внешнеполитического курса американского империализма создали предпосылки для радикализации, развития политического сознания рабочего класса. «Главные проблемы, касающиеся рабочих, все больше и больше выходят за узкие рамки «чистого и простого» тред-юнионизма... Центр тяжести в классовой борьбе все больше и больше переносится на политическую арену»², — отмечает программа Компартии США.

Движение рядовых членов профсоюзов возникло в США в конце 60-х годов. Оно постепенно набирает силы и становится все более важным фактором изменения политики и идеологических принципов профсоюзов. Важными причинами «восстания рядовых» были обострение социально-эконо-

мических проблем, затронувших интересы рабочих, соглашательская политика профбюрократии, господство антидемократических, авторитарных тенденций в профсоюзах. В результате борьбы рядовых рабочих участились случаи смены профсоюзных руководителей разного уровня — явление, почти не встречавшееся до шестидесятих годов в профсоюзном движении США. Так, длительная и ожесточенная борьба в объединенном профсоюзе горняков закончилась победой рабочих в 1972 году, когда Арнольд Миллер, шахтный слесарь-ремонтник, сменил на посту председателя союза его крайне правого «диктатора» Тони Бойла. Одно из направлений движения — сопротивление принятию коллективных договоров, заключенных на условиях, выработанных предпринимателями и профсоюзным руководством. Характер забастовочного движения также меняется под воздействием рядовых членов. Растет число «диких» забастовок, т. е. выступлений, не санкционированных руководством профсоюза и возникающих на предприятиях по инициативе самих рабочих. Несмотря на жестокие преследования не затихает борьба государственных служащих. Последний пример тому — жестокая расправа федерального правительства над авиадиспетчерами — государственными служащими, лишенными права на забастовку, фактическая ликвидация профсоюза авиадиспетчеров, члены которого отвергли навязанные им оскорбительные условия коллективного договора. Ростом политической сознательности рядовых объясняется выдвигание отдельными профсоюзами требований демократических реформ в отраслях, переживающих кризис. Так, значительная часть рядовых членов профсоюзов сталелитейщиков и автомобилестроителей выступает за расширение роли государства в области контроля над деятельностью частных корпораций и в реорганизации этих отраслей.

Процесс перерастания недовольства рядовых членов профсоюзов в организованное движение завершился в 1970 году созданием Национального координационного комитета за профсоюзные действия и демократию (КПДД), учредительная конференция которого так определила его задачи: «Мы — движение в рабочем движении. Мы намерены спланировать, усиливать и объединять рабочее движение, защищать его от атак администрации... и большого бизнеса, мы намерены способствовать демократизации профсоюзов, искоренения расизм во всех его формах и обеспечивая максимальный контроль рядовых членов над деятельностью профсоюза...»³ В 1980 году КПДД исполнилось десять лет. Время показало, что эта организация не ограничивает свою деятельность только экономическими вопросами. Рядовые рабочие участвуют в борьбе за сокращение военных статей бюджета, в движении солидарности с рабочими всего мира, борются за расширение прав членов профсоюзов, требуют национализации тех предприятий, закрытие которых компании не могут предотвратить. Коммунисты США считают, что само по себе движение рядовых членов профсоюзов не является революционным. Но под руководством коммунистической партии оно может ускорить возвращение профсоюзам их роли в классовой борьбе.

Трудящаяся молодежь США более критично, чем старшее поколение, оценивает как свое положение, так и положение рабочего класса в целом. У молодого поколения рабочих постепенно формируются новые, нематериальные потребности, оно меньше заражено практицизмом. Характерна в этом отношении забастовка молодых рабочих автозавода в Лордстауне, считавших, что интенсификация труда не компенсируется высокой заработной платой. «Драма Лордстауна — это конфликт между прежней задачей получения высокого дохода... и новыми, выдвигаемыми молодежью, требованиями чего-то большего, чем бессмысленный труд»⁴, — разъяснял идеолог «новых левых» Стенли Ароновиц. В последние годы эти новые потребности приводят уже не к отрицанию значения профсоюзов, как было прежде, а к стремлению изменить их характер. Изучая влияние, оказываемое молодежью на процесс заключения коллективных договоров, социологи, проводившие исследование по заказу фонда Форда, пришли к выводу: «Их отношение к профсоюзу и руководителям характеризуется колоссальной непочтительностью. Как и черные рабочие, они требуют, чтобы с ними считались»⁵. В программе коммунистов США отмечается, что костяк движения рядовых членов профсоюзов составляют молодые рабочие. Большое значение для формирования их политического сознания имеет деятельность Союза молодых рабочих за освобождение — организации, «знаменем которой стал марксизм-ленинизм»⁶.

Боевым отрядом профсоюзного движения зарекомендовали себя рабочие-негры. Профсоюзы для них — эффективное средство борьбы с дискриминацией и за повышение уровня заработной платы, поэтому доля негритянских рабочих в профсоюзах — 15 %, хотя они составляют лишь 12 % занятой рабочей силы США. Растет уровень их политического сознания, организованность, активность.

В 70-е годы определилось размежевание сил в цитадели американского оппортунизма — профцентре АФТ-КПП. Впервые за время существования этой организации, отмечает теоретический журнал коммунистов США «Политикл афферс», в руководстве профцентра возникла серьезная оппозиция реакционной политике его бюрократической верхушки. В семидесятые годы целая группа профсоюзов, входящих в федерацию, решительно выступила против возврата к политике «холодной войны» и гонки вооружений, за разрядку, нормализацию отношений между СССР и США, расширение контактов с советскими профсоюзами, присоединившись таким образом к требованиям, выдвигаемым прогрессивными независимыми профсоюзами США.

В американских профсоюзах постепенно зреет осознание необходимости коренного изменения традиционной тред-юнионистской стратегии политической борьбы, выхода за рамки двухпартийной системы и создания массовой третьей партии, объединяющей рабочих, национальные меньшинства, демократические и либеральные движения и организации для осуществления глубоких демократических преобразований в стране.

На прогрессивных позициях стоят нынешние лидеры некоторых крупнейших профсоюзов, входящих в АФТ-КПП. Так, председатели профсоюзов механиков и автомобилестроителей У. Уинписинджер и Д. Фрейзер выступают за сокращение военных статей бюджета, разрядку и разоружение. В интервью журналу «Челлендж» Уинписинджер заявил: «Меня возмущает логика Пентагона, когда там говорят, что у России столько оружия, что она может взорвать мир 90 раз, а США могут это сделать лишь 70 раз, поэтому разрыв необходимо ликвидировать. Гонка вооружений увеличивает напряженность в мире, и она должна быть прекращена»⁷.

Прогрессивные тенденции в политике и идеологии профсоюзов США привели к возрождению в семидесятые годы левого крыла американских профсоюзов, разгромленного в период маккартизма. Его возрождение и укрепление стало возможным главным образом благодаря возникновению движения рядовых, которое, по словам Генерального секретаря Коммунистической партии США Гэса Холла, стало основой развития левой тенденции на всех уровнях профсоюзного движения.

XXII съезд Коммунистической партии США обратил внимание на развитие в рабочем движении страны тенденции перемещения сил «от правого крыла к центру, от центра к левому крылу, а от него — к коммунистической партии»⁸. Съезд подчеркнул, что растущее стихийное стремление к объединению и совместным действиям, захватившее как рядовых членов профсоюзов, так и руководителей различного уровня, нуждается в организационном оформлении и руководстве. Поэтому коммунистам необходимо возглавить движение за укрепление союза левых и создание на этой основе коалиции профсоюзов, стоящих на левых и центристских позициях. В условиях современной Америки единственный реальный путь формирования левоцентристской коалиции — совместная борьба за демократические преобразования в стране, за мир и разрядку на международной арене.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

² Новая программа Коммунистической партии США. — В журн.: США: экономика, политика, идеология, 1970, № 12, с. 75.

³ Political Affairs, 1970, August, p. 1.

⁴ Agonowitz Stanley. False Promises. McGraw-Hill. — New York, 1973, p. 26.

⁵ Widick B. J. Detroit: city of race and class violence. Quadrangle Books. — Chicago, 1972, p. 219.

⁶ Daily World, 1970, February 14, p. 3.

⁷ Challenge, 1978, March-April, p. 53.

⁸ Political Affairs, 1979, April, p. 36.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КУБИНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Освободительное движение на Кубе имеет богатую и славную историю. Новую страницу этой истории открыло вступление на арену политической жизни рабочего класса. Еще в период испанского владычества начался процесс развития рабочего класса, возникновения его профсоюзов, знакомства с идеями научного социализма. Однако в конце XIX века ситуация на Кубе претерпела качественные изменения: страна попала под иго американского империализма. В силу этого на развитие кубинского рабочего движения не могло не оказывать влияние общее соотношение сил реакции и прогресса на всей планете. Влияние империализма проявилось, в частности, в том, что в рабочем движении усилились оппортунистические тенденции как правого, так и левого толка, особенно анархизм.

«Великая Октябрьская социалистическая революция стала тем лучом, который озарил сознание пролетарских армий мира, и особенно кубинских, ускорил процесс формирования и созревания могучего коммунистического движения. Славная Октябрьская революция... стала событием, сыгравшим в дальнейшем решающую роль в судьбах нашей родины. Только благодаря неодолимой силе международного рабочего класса наша маленькая страна смогла противостоять смертельной опасности — политической, экономической и военной мощи Соединенных Штатов, только благодаря стратегии, принципам и идеологии рабочего класса и с этим классом во главе наша революция смогла добиться окончательного национального и социального освобождения страны», — говорил Ф. Кастро на I съезде Коммунистической партии Кубы¹.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие кубинского рабочего движения проявилось не только в идеологическом плане, в плане подготовки субъективных предпосылок революции, но также и в материальном, — в обострении противоречий капиталистического способа производства. Известно, что молодое советское государство сыграло решающую роль в прекращении первой мировой войны, которая привела к упадку промышленного производства сахара в Европе и нехватке его на мировом рынке. Воспользовавшись этим, американский империализм вкладывает свои капиталы в ускоренное развитие сахарной промышленности на Кубе. Экономическое возрождение бывших воюющих стран приводит к резкому снижению цен на сахар. Это имело страшные экономические и социальные последствия для полуиндустриальной монокультурной страны, базирующейся на производстве сахара, какой была Куба. Крах частных предприятий увеличивал армии безработных. Голод, нищета и другие бедствия капиталистического кризиса охватили города и села. Кажущееся процветание кубинской буржуазной экономики улетучилось под ударами разрушительного кризиса, опустошающего капиталистическую экономику многих стран мира. Необычайно обострились противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма, что создавало экономические предпосылки социалистической революции. С другой стороны, в состоянии хаоса начала приходить и неокOLONиальная надстройка. Она демонстрировала свою неспособность разрешить основные проблемы кубинского общества, поскольку имела в своем арсенале только одно средство — репрессии против народных масс, которые организовывались, наращивали свое классовое сознание, готовились к бою. Решающим условием успеха борьбы становилось образование политического авангарда.

В новых исторических условиях в кубинском пролетариате назревало требование решительного разрыва с доминировавшим тогда в рабочем движении анархизмом и реформизмом. Марксистская пропаганда, попадая в рабочую среду, вызывала идеологическое возмущение против анархизма, реформизма и империализма. И в этом также проявилось грандиозное значение Великого Октября. Как отмечала советский исследователь Т. С. Горюнова, «в истории революционного движения и прогрессивной общественной мысли Кубы особое место принадлежит периоду перехода... от утопии к науке, распространения марксистских идей, качественного изменения характера этого процесса под влиянием Октября»².

Вдохновляющий пример победоносной революции в России, которая свергла власть эксплуататоров и создала государство рабочих и крестьян,

показал пролетариям и угнетенным всего мира, что социализм — не утопия, а реальность, что учение марксизма-ленинизма — это надежный компас всех революционных сил мира. Конечно, всемирная буржуазия встретила в штыки это величайшее событие XX века. И на Кубе буржуазная пропаганда попыталась сначала приуменьшить, а затем исказить значение этого исторического события. Выдающийся руководитель кубинского рабочего движения, в прошлом анархист, Антонио Пениче писал в мае 1919 года: «Нас держат на диете по отношению к известиям из-за границы. И те, кто это делает, хорошо подготовлены, чтобы как можно лучше скрыть от нас правду. Капитал и его орудие — государство — стараются извратить события или полностью скрыть их для того, чтобы увести трудящихся в сторону, привести их в уныние. Но сейчас уже невозможно остановить трудящихся, тем более заставить их не волноваться о своих проблемах.

В Европе день за днем большевизм завоевывает позиции и эта спасительная тенденция проявляется также в достаточно выраженной мере и в Азии, народы которой освобождаются от влияния существующей (реакционной — К. Г.) пропаганды. В Африке верят, надеются на огромный взрыв и в Америке слеп тот, кто не видит кипение, которое в недалеком будущем покончит с существующим порядком»³.

Одно из достижений Великой Октябрьской социалистической революции заключается в том, что она показала единственно верный путь для революционного преобразования капиталистической действительности, который был начертан Марксом и Энгельсом, осуществлен и обогащен на практике Лениным в России. Качественный скачок в процессе распространения марксизма на Кубе под влиянием Октябрьской революции выражался в глубоких изменениях политического, идеологического и организационного характера в рабочем движении⁴. Реальные события вызывали существенные изменения в сознании лидеров кубинского рабочего класса, находившихся под влиянием анархистских и реформистских концепций, которые больше чем другие стали ощущать прямое воздействие событий, происходивших в Советской России.

На Кубе, где анархизм укоренился неглубоко, не определился в систематизированную форму в сознании людей, не имел таких крупных идеологов, как в других странах, марксисты смогли быстро перейти в наступление. Ленин писал, что недостатки анархизма состоят в следующем: непонимание причин эксплуатации; непонимание того, что развитие общества ведет к социализму; отрицание классовой борьбы как движущей силы в процессе достижения социализма. Поэтому анархизм за 35—40 лет «своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего, кроме общих фраз против эксплуатации»⁵. Но победа Октябрьской революции содействовала правильному пониманию общественных процессов. Аполитизм и нигилизм по отношению к государству, а также другие положения анархистов были опровергнуты революционной деятельностью ленинской коммунистической партии и первым в мире государством рабочих и крестьян. Кубинский пролетариат отреагировал на социалистическую революцию в России массовыми манифестациями в поддержку Советской власти. Особенно часто проводились они в годы империалистической интервенции против Советской России. В 1920 году многие лидеры рабочего движения порывают с идеями анархизма и объявляют себя коммунистической секцией Кубы в III Интернационале. Ими был созван съезд Советов, который принял программу и основы Коммунистической республики Советов на Кубе⁶. Мысль В. И. Ленина о том, что массы «отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»⁷ подтвердилась и в кубинской революционной практике.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала решающим фактором консолидации марксистских сил в рабочем движении и создала предпосылки для возникновения коммунистического движения на Кубе.

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы. — М., 1976, с. 22.

² Горюнова Т. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и распространение марксизма-ленинизма в рабочем движении на Кубе. — В сб.: Мировой революционный процесс: проблемы и исследования. — М., 1979, с. 46.

³ См.: Peniche A. A dieta. — Semanario Via Libre. La Habana, 16 de mayo de 1919.

⁴ См.: Горюнова Т. С. Указ. соч., с. 16.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 377.

⁶ Grobart F. El Gran Octubre y la Cuba Revolucionaria. — Revista Casa de las Americas, 1977, november-dicember.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

Н. А. ТКАЧЕВ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИЗМА

Комплексный подход к анализу и совершенствованию социалистических производственных отношений предполагает дальнейшее исследование проблемы распределительных отношений. Составной частью этой проблемы является распределение по труду, осуществляемое в значительной степени в форме заработной платы. По словам Ф. Энгельса, «...Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные, и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль»¹.

Среди экономических законов, воздействующих на формирование фонда оплаты по труду, на наш взгляд, следует назвать основной экономический закон, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон стоимости, закон неуклонного роста производительности общественного труда. Эти экономические законы взаимодействуют с законом распределения по труду. Их действие направлено, в первую очередь, на достижение цели социалистического производства. Ее реализация начинается непосредственно в процессе производства, получая завершение в соответствующем способу производства распределении материальных и духовных благ. Намеченное на 11-ю пятилетку увеличение минимальной заработной платы до 80 рублей в месяц, оплаты труда колхозников на 20—22 % и другие мероприятия² способствуют достижению цели социализма. Этот процесс осуществляется под воздействием основного экономического закона социализма, где формы проявления закона распределения по труду—заработная плата рабочих и служащих и оплата труда колхозников выступают в то же время формами реализации основного экономического закона.

Материальную основу удовлетворения постоянно растущих потребностей составляет продукт, созданный коллективным трудом. Одна его часть поступает в индивидуальное потребление и распределяется на основе закона распределения по труду по принципу: «Равная оплата—за равный труд». Другая часть продукта, поступающая для удовлетворения общественных потребностей, распределяется с учетом его социальной функции и используется в интересах всех членов общества. Обе формы распределения—по труду и через общественные фонды потребления—способствуют повышению жизненного уровня населения, созданию условий для гармоничного развития личности, преодолению социально-экономических различий.

Таким образом, являясь важной формой реализации цели производства при социализме, распределение по труду не подменяет основной экономический закон. Выражая глубинную сущность всей системы социалистических производственных отношений, основной экономический закон определяет цель производства и средства достижения этой цели. Закон распределения по труду, регулирующий известным способом распределение материальных благ, способствует выполнению этой цели.

В условиях социализма формой экономических связей между произ-

водителями выступает планомерность, что выражается законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Последний не может проявляться в полной мере, если не соблюдаются требования других экономических законов социализма, в том числе и закона распределения по труду. В социалистическом обществе продукт труда предназначен непосредственно для удовлетворения потребностей его членов через общественные фонды и распределение по труду. Являясь всеобщим достоянием, продукт труда выражает, с одной стороны, необходимость согласованной деятельности ассоциированных производителей, а с другой стороны, возможность его планомерного распределения в их интересах. Осуществляется оно в тесном взаимодействии закона распределения по труду и закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Изучение этого взаимодействия позволяет установить соотношение между темпами роста производительности труда и заработной платы и планировать фонд оплаты по труду. Взаимосвязь этих законов проявляется далее в дифференциации заработной платы в зависимости от общественной значимости отраслей и экономических районов. Она является важным инструментом межотраслевого и территориального перераспределения трудовых ресурсов в масштабе общества.

Распределение по труду присуще первой фазе коммунистического способа производства — социализму. На этой фазе еще сохраняются товарно-денежные отношения, поэтому закон распределения по труду, выражающий отношение распределения материальных благ в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, взаимодействует с законом стоимости. Взаимодействие осуществляется через экономические формы проявления этих законов: заработную плату рабочих и служащих и оплату труда колхозников, с одной стороны, и цену, прибыль, рентабельность, с другой. Товарно-денежные отношения обуславливают получение работниками жизненных благ за труд в денежной форме. Но влияние товарно-денежных отношений на распределительные отношения не означает, что вторые подменяются первыми или, что распределение осуществляется по труду и по стоимости. На первой фазе коммунистического общества «...социалисты требуют **строжайшего** контроля со стороны общества и **со стороны государства** над мерой труда и мерой потребления...»³ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза признал «главным критерием распределения при социализме... только труд — его количество и качество»⁴.

Труженики социалистического общества получают за свой труд вознаграждение в денежной форме, т. е. в форме заработной платы. Товары массового потребления и часть услуг также имеют денежное выражение — цену. Между заработной платой и ценами существует зависимость, которая обнаруживается в реальной заработной плате. Ее рост при социализме обусловлен не только увеличением номинальной заработной платы, но и устанавливаемыми на товары и услуги ценами. Следовательно, взаимодействие заработной платы и цен, экономических форм реализации закона распределения по труду и закона стоимости, раскрывает взаимодействие самих этих законов.

Взаимосвязь товарно-денежных отношений с отношениями распределения по труду проявляется также и в том, что дополнительная часть заработной платы (премии) находится в прямой зависимости от общих результатов деятельности производственных коллективов, выражаемых в таких стоимостных показателях, как себестоимость, прибыль, рентабельность.

Взаимодействие стоимостных и распределительных отношений обнаруживается и в действии закона спроса и предложения. Действие этого закона обуславливает соблюдение определенной пропорции между уровнем заработной платы рабочих и служащих и оплаты труда колхозников, с одной стороны, стоимостью товаров и услуг, с другой. Поэтому при увеличении количества выпускаемых товаров, расширении их ассортимента и улучшении качества возникает необходимость регулировать оплату труда таким образом, чтобы спрос на товары не отставал от их предложения.

Как видим, взаимосвязь двух экономических законов — закона распределения по труду и закона стоимости раскрывается по нескольким аспектам. Товарно-денежные отношения при социализме обуславливают: 1) распределение жизненных средств поэтапно: на первом этапе труженики получают деньги в соответствии с количеством и качеством затраченного ими труда, на втором — приобретают на эти деньги необходимые жизненные средства; 2) зависимость реальной заработной платы от уровня цен на то-

вары и услуги; 3) соизмерение затрат коллективного труда при определении дополнительной части заработной платы в стоимостной форме.

При социализме объем распределяемых материальных благ зависит от роста производительности индивидуального и общественного труда. Чем большее количество труда определенного качества работник отдает обществу, тем больше он получает от него. Объясняется это тем, что рост производительности труда ведет к увеличению национального дохода — источника роста заработной платы. В связи с этим в заработной плате должны отражаться производственные успехи членов трудовых коллективов. «Заработная плата должна повсюду быть **заработанной**, каждый работник должен чувствовать ее прямую зависимость от своего вклада в производственные успехи коллектива»⁵.

Взаимодействие законов распределения по труду и неуклонного роста производительности общественного труда проявляется и в соотношении темпов роста заработной платы и производительности труда. Темпы роста производительности труда в народном хозяйстве должны опережать темпы роста заработной платы. Так, в одиннадцатой пятилетке предусмотрено увеличение роста производительности общественного труда на 17—20 %, а рост реальных доходов (в том числе и за счет роста заработной платы) — на 16—18 %⁶. Игнорирование этих пропорций приведет к уменьшению возможностей расширения общественного производства и сокращению фонда потребления.

Стимулируя рост производительности, распределение по труду в то же время зависит от него, так как уровень производительности труда отражает развитие производительных сил общества, от которых зависит тот или иной способ распределения фонда жизненных средств. Характеризуя две фазы коммунистического общества, В. И. Ленин писал: «**в ы с ш а я**» — «каждый по способностям, каждому по потребностям». Когда это возможно? Когда (1) исчезнет противоположность умственного и физического труда; (2) труд делается **первейшей жизненной потребностью** (NB: привычка трудиться станет нормой, без принуждения!!); (3) производительные силы высоко разовьются...»⁷

Следовательно, взаимодействие закона распределения по труду и закона неуклонного роста производительности общественного труда проявляется во взаимосвязи их экономических форм проявления. Оно способствует более активному росту производительных сил социалистического общества, что является необходимым условием для перехода к коммунизму.

Итак, распределение по труду регулируется целым рядом экономических законов социализма. Их умелое использование имеет важное теоретическое и практическое значение. В теоретическом плане это способствует правильному пониманию проблем, связанных с совершенствованием распределительных отношений. Практическая же сторона определяется возможностями повышения эффективности общественного производства и создания на этой основе предпосылок для распределения по потребностям.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 102.

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 177.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 97.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 59.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом.— М., 1972, т. 3, с. 479.

⁶ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 141, 176.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 187.

Е. А. ОЛЕХОВИЧ

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА

Национальное богатство выступает одним из обобщающих показателей экономического развития страны. Оно отражает результаты функционирования экономики за длительный период. То, что национальное богатство является экономической категорией, признается практически всеми исследователями. Но в большинстве случаев это положение просто постулируется, а его подробное истолкование не производится. А между тем раскрытие этого момента играет первостепенную роль для выяснения сущности понятия «национальное богатство». Известно, что экономические катего-

рии представляют собой «теоретические выражения абстракций общественных отношений производства»¹. Только посредством раскрытия содержания экономических категорий можно дать характеристику «исторических, соответствующих определенной ступени развития материального производства производственных отношений»². Национальное богатство, являясь экономической категорией, выражает сущность реально существующих производственных отношений.

Производственные отношения возникают между людьми в процессе создания материальных благ, их последующего распределения, обмена и потребления. Следовательно, материальные блага выступают носителями производственных отношений. Поэтому продукты труда и производственные отношения — это две взаимосвязанные категории, которые предполагают друг друга. «Только благодаря привычке повседневной жизни, — писал К. Маркс, — кажется обычным и само собой разумеющимся, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, так что отношение лиц в их труде представляется, наоборот, как отношение, в котором вещи находят друг к другу и людям»³. Данное общетеоретическое положение применимо и к экономической категории. В каждой экономической категории существует предмет, который выступает социальным носителем конкретных производственных отношений. Например, в такой экономической категории, как товар, данным носителем выступает продукт труда, предназначенный для обмена.

Не является исключением из этого правила и такая экономическая категория, как национальное богатство. В ней необходимо выделять две стороны: общественную форму и вещественное содержание. Именно общественная форма национального богатства выражает сущность производственных отношений, в то время как вещественное содержание охватывает его предметную сторону. «Потребительные стоимости, — писал К. Маркс, — образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма»⁴.

Национальное богатство представляет собой совокупность имеющихся в наличии материальных благ вне зависимости от времени их производства. Такой вывод следует из того, что только материальные блага выступают в качестве носителей производственных отношений. Решающее значение при анализе национального богатства имеет его общественная форма. Именно по этому признаку выделяется исторически данная экономическая категория. Если отбросить общественную форму, указывали классики марксизма-ленинизма, то национальное богатство вообще перестает существовать несмотря на его огромные количественные размеры. «Национальное богатство» англичан, — писал Ф. Энгельс, — очень велико и все же они — самый бедный народ в мире. Надо или вовсе отбросить это выражение, или принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл»⁵. Здесь Ф. Энгельс прямо говорит о том, что национальное богатство нельзя представлять в виде совокупности произведенных благ, а прежде всего необходимо определить, каким образом и для каких целей оно производится, распределяется и потребляется.

Главным моментом в определении характера общественной формы национального богатства конкретного способа производства выступают отношения собственности. Объектом собственности могут быть различные материальные блага. Но главная роль принадлежит средствам производства, которые являются основным элементом национального богатства. Для того, чтобы производство могло функционировать, необходимо осуществить присвоение средств производства и установить определенную форму собственности. «Ни о каком производстве, — писал К. Маркс, — а стало быть, ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»⁶. Если средства производства принадлежат отдельным членам общества, то мы имеем отношения частной собственности. При присвоении их целым коллективом или обществом возникают отношения общественной или общественной собственности.

Форма собственности предполагает существование определенного способа производства. Например, «земельная собственность, — отмечал К. Маркс, — как господствующий общественный сектор, предполагает средневековый способ производства и обмена»⁷. Смена одних производственных отношений другими происходит в результате изменения отношений собственности.

Вопрос о связи общественной формы национального богатства и собст-

венности сводится к выяснению места и роли последней в системе производственных отношений. Между тем относительно соотношения собственности и производственных отношений в экономической литературе нет единой точки зрения. Ряд советских экономистов (А. М. Еремин, С. И. Сдобнов и др.) считает, например, что отношения собственности являются самостоятельным элементом в системе производственных отношений. Другие (А. К. Покрытан, Н. А. Цаголов) исходят из того, что собственность сводится к многообразию производственных отношений. На первый взгляд может показаться, что эти две концепции взаимоисключают друг друга. Между тем, по нашему мнению, каждая из них имеет свою позитивную сторону. В первом случае она состоит в том, что отмечается решающая роль отношений собственности при характеристике производственных отношений: без формы собственности невозможно существование никакого способа производства. При описании какой-либо стороны производственных отношений мы исходим из существующей формы собственности. Нельзя полностью понять сущность определенной экономической категории без учета отношений собственности. С другой стороны, развивая дальше эти положения, можно прийти к выводу, что для характеристики производственных отношений мы должны вначале ограничиться исследованием исключительно только отношений собственности. Но изучать отношения собственности в отрыве от экономической реальности невозможно. Это сведется к выяснению вопросов, кто является ее субъектом, каким образом используются ее объекты, как развивается собственность в историческом плане и т. д. В таком случае «...рассмотрение собственности в качестве самостоятельного элемента свелось бы по существу к исследованию собственности как юридического отношения, к выявлению того, что кому принадлежит, кто чем владеет и распоряжается, кто что использует и т. п., т. е. к констатации определенных отношений между субъектом и объектом, отношений, являющихся, как правило, не экономическими, а правовыми»⁸.

Отношения собственности нельзя рассматривать изолированно от производственных отношений. Это может привести к ошибке, которую допустил Прудон. Как известно, он отделил отношения собственности от экономической основы и начал объяснять собственность юридическими, идеологическими и моральными факторами. Не случайно К. Маркс подверг такой подход резкой критике: «Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи — значит впасть в метафизическую и юридическую иллюзию»⁹.

В связи с этим, по нашему мнению, положительный момент второй концепции состоит в том, что раскрытие содержания отношений собственности возможно лишь посредством анализа производственных отношений. Представляется, что авторы данной концепции не совсем четко сформулировали это положение. Из их определения собственности как совокупности производственных отношений можно сделать вывод, что она растворяется в последних и сама по себе не существует. С нашей точки зрения, отношения собственности занимают особую роль в системе производственных отношений. Собственность выступает в качестве основы, фундамента, на котором базируются остальные элементы производственных отношений — отношения производства, распределения, обмена и потребления. Сама же собственность не может существовать в отрыве от этих производственных отношений: только через них раскрывается ее содержание.

Явно неплодотворными представляются попытки некоторых исследователей подвергнуть сомнению положение о собственности как основе производственных отношений, а следовательно, и общественной форме национального богатства. Так, по мнению М. К. Васюнина, основой производственных отношений выступает не собственность на средства производства, а производительные силы. «Собственность на средства производства, — пишет он, — не может быть определена основой производственных отношений... реальную основу производственных отношений образуют производительные силы»¹⁰. Конечно, производительные силы тесно связаны с производственными отношениями. Изменение последних происходит вследствие развития производительных сил. Но новые производственные отношения могут возникнуть только на основе другой формы собственности. Хотя в настоящее время правящий класс ряда капиталистических стран стремится провести определенные мероприятия по совершенствованию производственных отношений, но все эти мероприятия не затрагивают

самого главного — капиталистической собственности. Несмотря на то, что за период существования буржуазного производства собственность прошла развитие от индивидуальной до государственно-монополистической, она по своему характеру осталось частной. А без ликвидации отношений частной собственности на средства производства невозможно формирование таких производственных отношений, которые соответствовали бы современному уровню развития производительных сил. Поэтому не случайно классики марксизма-ленинизма одной из главных задач пролетариата в социалистической революции считали уничтожение капиталистической частной собственности. «Уничтожение частной собственности, — писал Ф. Энгельс, — даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым следствием развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности»¹¹.

Итак, для возникновения социалистических производственных отношений, новой общественной формы национального богатства необходимо прежде всего установление общественной собственности на средства производства. Отношения собственности выступают основой, на которой раскрывается сущность экономических отношений и связей, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления национального богатства.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 133.

² Там же, т. 16, с. 27.

³ Там же, т. 13, с. 21.

⁴ Там же, т. 23, с. 44.

⁵ Там же, т. 1, с. 548.

⁶ Там же, т. 12, с. 714.

⁷ Там же, т. 6, с. 258.

⁸ Покрытан А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма. — М., 1970, с. 10.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 168.

¹⁰ Васюнин М. К. Государственная собственность на средства производства: содержание, формы реализации, пути развития. — Саратов, 1975, с. 73.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 330.

ГИЗЕЛА ТИЛЕ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА — ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА БУРЖУАЗНОЙ КРИТИКИ СОЦИАЛИЗМА

Буржуазная политическая экономия интегрирована в системе антикоммунизма и антисоветизма. Сознвая свою идеологическую функцию, буржуазные экономисты усиливают нападки на реально существующий социализм, действуя то в духе откровенной воинственности.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин подчеркивали, что политическая экономия изучает исторически развивающиеся производственные или общественные отношения в процессе производства материальных благ, их распределения, обмена и потребления. Следовательно, она изучает экономические законы, определяющие развитие этих отношений. Тем самым политическая экономия вносит существенный вклад в обоснование исторической миссии рабочего класса, так как марксистско-ленинская политическая экономия вскрывает закономерности, из которых с неизбежностью вытекают необходимость революционного свержения капитализма и переход от капитализма к социализму. Буржуазная политическая экономия вынуждена реагировать и постоянно реагирует на этот факт исторического развития.

При всех ухищрениях буржуазных апологетов прошлого и настоящего становится очевидным, что они, из-за своей классовой позиции, не способны понять характер и принцип действия специфических экономических законов социализма.

Непонимание и фальсификация экономических законов — важный характерный момент современной критики социализма и в особенности ее неолиберального направления в ФРГ. Неолибералы проявляют не только

ненаучный подход к сущности экономических законов вообще, но и полное непонимание характера и принципа действия специфических экономических законов социализма. Об этом свидетельствует развернувшаяся в 20-е годы нашего столетия дискуссия о хозяйственном расчете, когда на основе ложных теоретических посылок была выстроена концепция «логической и практической неосуществимости социализма», избоблюющая нападками на теорию и практику социализма. Вместе с родоначальником этой концепции Людвигом Мизесом такие представители неолибералов, как Фридрих Гайек, Макс Вебер, Адольф Вебер, Георг Хольм и др. пытаются обосновать невозможность построения социализма отрицанием возможности рационального экономического учета при социализме, так как изъятие средств производства из сферы товарного обращения якобы лишает экономический учет рациональной основы. Мизес, например, в книге «Либерализм, невозможность построения социализма» утверждает, что только основывающийся на частной собственности на средства производства экономический строй может обеспечить рациональное производство¹. Очевидно, что сторонники данных концепций не понимают качественно нового уровня социалистического способа производства и внутренне присущих ему специфических законов. Их ограниченность в теории познания и мировоззренческая близорукость не позволяют признать экономические законы следствием необходимости, существенной причиной, определяющей характер общественного развития. Этот вывод справедлив и ныне: стоит только ознакомиться с современными теоретическими работами неолибералов. В настоящее время достижения социалистического общества вынуждают неолибералов признать, что рациональное производство в рамках общественного государственного управления и планирования на базе общественной собственности возможно. Они теперь сомневаются лишь в возможности эффективной реализации плановых заданий и осуществимости при социализме «принципа рационализации» производства. Волонтаристский и субъективистский подход к объективным общественным экономическим процессам проявляется в особенности отчетливо в дискуссии неолибералов о проблеме планомерного функционирования общественного производства при социализме. К. П. Хензель, например, пытается обосновать тезис о неустойчивости «централизованно управляемого хозяйства». Основой этой фальсификации является искажение сущности специфических экономических законов социализма, объективного характера экономических интересов при социализме.

Для неолибералов и их предшественников типично, во-первых, извращение объективного характера экономических законов социализма; во-вторых, отрицание материальности производственных отношений и экономических законов; в-третьих, искажение исторического характера проявления экономических законов; в-четвертых, непонимание собственности как экономической основы производственных отношений. Хотя они не отрицают различия между общественной и частной собственностью, но не раскрывают их коренное отличие, не анализируют экономические последствия развития частной собственности, возникающие на основе ее противоречий, экономические и политические кризисы развития системы империализма. Игнорируется тот факт, что общественная собственность объединяет ассоциированных производителей, потребителей и носителей государственной власти, и только на этой основе возможна сознательная, планомерная, целеустремленная деятельность людей. К. П. Хензель в своем трактате «Сравнение систем как задача» недвусмысленно подчеркивает, что определяющим характером критерия, по которому отличаются общественные формации и по которому они должны отличаться, является не собственность, а характер планирования и регулирования экономики. В-пятых, для теоретиков-неолибералов типично отделение и разрыв фаз процесса воспроизводства. Конструируя свои концепции, направленные на отрыв распределения от производства, они искажают принципы и законы распределительных отношений. В трактовке современных экономистов-неолибералов закон распределения по труду изображается лишь как принцип распределения. В-шестых, типичным для взглядов неолибералов является отрицание объективной детерминированности общественных явлений и тезис о незакономерности и господстве случая в общественном развитии. В. Ойкен, например, пишет: «В действительности мы не знаем законов, по которым развивалась история»². В манифесте неолибералов о социальном рыночном хозяйстве как обществе будущего говорится: «Положение, что в основе общественного развития лежит ряд

определенных закономерностей, знание которых делает возможность прогнозирования... должно быть отвергнуто... как суеверие»³. Ф. Гайек утверждает, что человеку не подвластны общественные процессы. «Человек не является и никогда не будет господином своей судьбы»⁴. В-седьмых, для современного неоллиберального направления характерно искажение роли субъективного фактора в развитии социалистического общества, попытка перенести специфические законы капитализма на социалистическую экономику.

Не погоня за экономическими показателями, а обеспечение экономического роста для полного удовлетворения потребностей людей — такова цель планового управления социалистической экономикой. Однако неоллибералы, игнорируя специфический характер развития экономических законов социализма, пытаются «доказать», что «централизованное управляемое хозяйство» советского типа допускает возможность возникновения экономических кризисов перепроизводства. К. Гальхейм, например, утверждает, что понятие кризиса должно быть расширено, что под ним следует подразумевать любое нарушение равновесия экономики, любое ее расстройство независимо от того, какими факторами они обусловлены — войной, неурожаями или эпидемиями. Этим преследуется цель перенести на социализм неизбежность периодически возникающих экономических кризисов перепроизводства. Но эти кризисы являются следствием господства капиталистической частной собственности. Экономисты-марксисты отнюдь не отрицают недостатков планирования. Однако заключать из этого, что при социализме существуют экономические кризисы — неуклюжая антикоммунистическая попытка исказить реальные экономические процессы социализма.

В настоящее время экономисты-неоллибералы, игнорируя определяющую роль собственности в системе производственных отношений, пытаются обосновать теорию о наличии при социализме противоречий между интересами отдельных предприятий и государства. Неоллибералы не в состоянии познать характер качественно новых отношений людей при социализме.

Успехи социалистических стран в совершенствовании систем управления, планировании и экономическом стимулировании производства опровергают всякие негативные прогнозы «критиков социализма» относительно перспектив его развития.

¹ См.: Hensel K. P. Einführung in die Theorie der Zentralverwaltungswirtschaft.— Stuttgart, 1959, S. 211.

² Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik.— Bern — Tübingen, 1952, S. 208.

³ Soziale Marktwirtschaft: Ordnung der Zukunft. Manifest 1972 / hrsg. v. L. Erhard u. A. Müller — Armack — Ullstein — Frankfurt a. M. — Berlin / West — Wien, 1972, S. 184—185.

⁴ Hayek F. A. Die drei Quellen der menschlichen Werte (Vorträge u. Aufsätze).— Tübingen, 1979, s. 48.

Л. И. ДАКУКО, В. И. МАКСИН

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Критический анализ современной буржуазной политической экономии свидетельствует о наличии внутренней связи, тождества главных ее идей и концепций с подобными теориями прошлого. Рассмотрение преемственной линии в развитии экономической теории предполагает: во-первых, анализ ее как формы универсальной и генетической связи и как элемента закона отрицания отрицания; во-вторых, выяснение социально-экономических и гносеологических основ, которые обуславливают существование преемственности и определяют ее характер.

Диалектическое отрицание как момент развития является вместе с тем и моментом связи. В. И. Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»¹ Отрицание выражает собой такую важную сторону процесса развития, как преемственность между различными его этапами. Преемственность в развитии означает, что новое ни-

когда полностью не порывает со старым, в новом всегда так или иначе удерживаются элементы старого. Сохранение остатков старого обусловлено, во-первых, тем, что отрицание представляет собой более или менее длительный процесс, и, во-вторых, некоторые стороны отрицаемого старого необходимы для успешного развития нового. Поэтому новые воззрения вовсе не отбрасывают старых и не противоречат им, а находятся с ними в определенном соответствии: содержат старые в качестве частного или предельного случая и могут в них переходить при наложении определенных ограничительных условий. Преемственность требует в качестве своей предпосылки такого отрицания, которое имеет свой результат, самым непосредственным образом связанный с тем, отрицанием чего он является. Поэтому преемственность в развитии познания означает, что всякая теория исходит из идейного материала, накопленного в предшествующий период.

Марксизм-ленинизм, утверждая первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию, вместе с тем подчеркивает относительную самостоятельность общественного сознания. Вследствие чего преемственность в развитии идеологии необходимо рассматривать как одно из важнейших проявлений этой относительной самостоятельности общественного сознания. Анализ преемственности как формы универсальной и генетической связи свидетельствует о том, что удержание положительных элементов старого не является механическим процессом. Положительные элементы старого переходят в новое не в том виде, в каком они были в старом. Они поглощаются новым и преобразуются в нем. Диалектическое отрицание является не простым повторением свойств и признаков старого, а повторением, происходящим в условиях нового качественного состояния. Поэтому старое существует в новом только в преодоленном или «снятом» виде.

«Снятие» объединяет три взаимосвязанных аспекта: преодоление, сохранение, поднятие на более высокую ступень. Последнее означает, что преемственность предполагает не только усвоение рационального содержания предшествующих теорий, но и их преобразование, поднятие познания на более высокую ступень, более полно и глубоко отражающую действительность. Этот момент должен играть принципиальную роль в анализе преемственности взглядов буржуазных экономистов.

Таким образом, под преемственностью следует понимать философскую категорию для обозначения происходящего при любом развитии процесса перенесения видоизмененных в соответствии с новыми условиями положительных сторон предшествующего идейного багажа. Такое понимание преемственности предполагает: во-первых, необходимость сохранения определенных черт, свойств старого в новых идеях, теориях и концепциях; во-вторых, обязательное развитие, изменение, обогащение существующих взглядов и положений в соответствии с новой исторической обстановкой, с возникновением новых связей и отношений, в зависимости от новых исторических условий.

Преемственность, будучи одним из важнейших проявлений закона отрицания отрицания, обладает достоинством всеобщности. Но вместе с тем, преемственность в каждом конкретном случае сугубо специфична, ибо «для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий существует... свой особый вид отрицания...»² Формы преемственности поэтому весьма разнообразны. Они зависят как от характера самих явлений и условий их развития, так и от характера процесса познания. Поэтому анализ преемственности буржуазных экономических теорий предполагает выяснение социально-экономических и гносеологических основ, которые обуславливают существование преемственной связи и определяют ее характер.

С помощью социально-экономического исследования становится возможным выявить основную причину устойчивости и повторяемости свойств буржуазным теоретикам методологических принципов познания и объяснения процессов экономического развития капитализма, отражающих социальные установки класса, интересы которого они выражают. Гносеологический анализ позволяет выяснить мировоззренческие позиции авторов буржуазных теорий, выделить те главные исходные философские предпосылки их теоретического анализа, которые составляют основу преемственной связи. При выяснении социально-экономических и гносеологических основ преемственности взглядов буржуазных экономистов следует

учитывать необходимость органического единства «гносеологического» и «социологического» подходов к экономическим учениям.

Закономерности идеологического развития вторичны по отношению к закономерностям материальной жизни. Указывая на это, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что буржуазная идеологическая иллюзия саморазвития понятий в их взаимной преемственности возможна прежде всего потому, что «мысли эти действительно связаны друг с другом при посредстве их эмпирической связи»³. Идеи людей определяются материальными условиями жизни общества. Экономический фактор является решающим условием, под воздействием которого происходит формирование взглядов, идей, теорий, а также и изменения в них: «Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями (речь идет о развитии философии и литературы — авторы) для меня неоспоримо... Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налично мыслительного материала...»⁴ Следовательно, идейная преемственность возможна потому, что существует постоянная связь в экономических и других социальных отношениях общества. Частная собственность на средства производства, порождающая эксплуатацию наемного труда, является тем экономическим фундаментом, на котором возникла и существует буржуазная преемственная связь.

Зависимость идей от развития материального производства находит свое отражение в классовом характере преемственности, в сознательно классовом подходе идеологов общества к мыслительному материалу предшествующих поколений. Какие именно идеи перешли по наследству — это определяется специфическими интересами и задачами нового класса, т. е. не идеями самими по себе, а в конечном счете общественным бытием. Поэтому невозможно понять ни одно из учений без учета классовых корней, так как они входят в число тех важнейших средств, с помощью которых класс осознает, практически формирует и осваивает бытие.

Идеолог сознательно перерабатывает теоретическое наследие, но от его воли не зависит содержание этого наследства. Больше того, само направление и характер идеологической преемственности, хотя и осуществляется через «свободное» творчество идеологов, тем не менее в конечном счете определяется не их субъективным выбором или индивидуальными склонностями, а потребностями общественного положения и исторической ролью класса, которому эти идеологи служат. Для того чтобы понять, почему современная буржуазная экономическая теория принимает именно такое, а не иное направление, надо выяснить, какой класс осуществляет преемственность идей у другого класса, так как классовый интерес определяет направленность преемственной связи. Удержание «положительного» из отрицаемого старого — это всеобщий процесс. Но определение того, что является положительным в теоретическом наследии прошлого, осуществляется с классовых позиций.

Буржуазные экономисты, выражая интересы господствующего класса — класса буржуазии, подменяют научный анализ капиталистических производственных отношений аксиологическим, основу которого составляет ценностно-оценочная деятельность субъекта познания. В отличие от гносеологического анализа, преследующего цель получения объективно-истинного знания, важнейшая функция ценностно-оценочного отношения заключается в том, чтобы посредством оценок объект познания раскрывался как значительный для той или иной деятельности. Оценивая теоретический багаж прошлого, буржуазные экономисты прежде всего берут на вооружение те идеи и концепции, которые оправдывают эксплуатацию и доказывают гармонию интересов в обществе, незыблемость устоев капитализма. Классовый интерес буржуазии, который по своей природе, как отмечал К. Маркс, является «эгоистическим и корыстным», выступает своеобразным барьером, производящим отсев в теоретическом наследии. Причем не только отдельные аспекты предшествующих теорий, но и те методы, которыми были добыты «положительные» элементы старой теории, подчиняются преемственности как закономерности развития всякого познания. Выражая интерес класса, его отношение к внешнему миру, ценностно-оценочный анализ не может рассматриваться как объективно-истинное знание, отражающее сущность. Отсюда исходная теоретическая база современной буржуазной политической экономии, построенная с помощью этого анализа, глубоко порочна, ненаучна в своей основе.

Оценивающая деятельность субъекта, в отличие от познавательной, устанавливает отношения не между объектами внешнего мира, а между субъектом и объектом познания, что дает субъективную информацию. Поэтому концепции, составляющие идейно-теоретический арсенал современной буржуазной политэкономии, имеют двойную субъективную природу. Они не только получены с помощью субъективных приемов исследования, но и унаследованы из прошлого на основе субъективных оценок. Это, в свою очередь, еще больше усиливает антинаучный характер современной буржуазной политической экономии. Говоря о гносеологических основах преемственной связи в развитии буржуазной экономической науки, следует учитывать тот факт, что всякая экономическая теория имеет прежде всего две стороны: познавательно-информационную и социальную. Диалектика их взаимосвязи определяется господствующими общественно-экономическими условиями и находит свое специфическое проявление во взаимодействии между научным и идеологическим моментами. В общетеоретическом плане познавательный аспект экономической теории направлен на постижение сущности капиталистических производственных отношений. Степень проникновения в сущность социально-экономических отношений капитализма определяется интересами господствующего класса — класса буржуазии. Последнее имеет важное значение при установлении как характера самой преемственной связи во взглядах буржуазных экономистов, так и при определении ее социально-экономических и гносеологических основ.

Непосредственной основой преемственности является объективная истина, переходящая из одной теории в другую. Каждая из них призвана добавлять все новые и новые крупницы объективного знания, способствуя установлению сущности явления, ибо «сущность» вещей или «субстанция» **тоже** относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов...»⁵ Анализируя причины эволюции теоретического багажа буржуазных экономистов и основы его преемственности, К. Маркс в «Теории прибавочной стоимости» устанавливает зависимость движения познания к постижению сущности капиталистического производства от степени зрелости самих общественно-экономических отношений. По мере исторического развития последних создаются объективные основы для более глубокого проникновения в сущность капиталистических производственных отношений. Тем самым создаются условия для преодоления неизбежной ограниченности предшествующей экономической теории, которая строилась при «старых наличных формах социально-экономической действительности». Посредством установления границ преемственности старых теорий, преодоления их необоснованной универсализации, через отрицание менее точного знания и переход к более точному знанию возможно установление объективной истины как общегносеологической основы преемственности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 146.

³ Там же, т. 3, с. 49.

⁴ Там же, т. 37, с. 420.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 277.

М. И. ПАСТУХОВ

СУЩНОСТЬ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Сущность понимается как «внутренняя основа, содержание; смысл, суть чего-нибудь»¹. Вопрос о сущности судебного приговора разработан в уголовно-процессуальной литературе с достаточной полнотой. В качестве его важнейших существенных признаков обычно выделяют следующие: «1) приговор — это процессуальный акт суда первой инстанции, постановленный в результате судебного разбирательства; 2) приговор разрешает вопрос о наличии или отсутствии события преступления, о виновности или невинности подсудимого в его совершении и о наказании, если виновность последнего достоверно установлена судом»². Анализ научных знаний о сущности оправдательного приговора свидетельствует, что изучение этого аспекта оправдания подсудимого развивается в правильном диалектическом направлении, от установления общих существенных признаков приговора вообще к более конкретным специфическим признакам оправдательного приговора как разновидности приговора, т. е. «от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка...»³

Из работ, посвященных оправдательному приговору и отдельным его аспектам, можно назвать две, наиболее полно разрабатывающие вопрос о сущности и понятии оправдательного приговора. Это работы Р. М. Оганесяна и М. Ф. Маликова⁴. Р. М. Оганесян в своей монографии исследует существенные признаки приговора вообще. Сформулировав понятие приговора, он дает соответствующие определения обвинительному приговору и оправдательному. При этом оправдательный приговор автор трактует как «решение, постановленное судом в результате судебного разбирательства, вынесенное от имени государства, об установлении и утверждении невинности и оправдании подсудимого»⁵. Как видим, здесь в качестве существенного выделяется признак — установление и утверждение невинности подсудимого. Действительно, этот признак характеризует содержание оправдательного приговора. Но исчерпывается ли этим специфическая сущность оправдательного приговора?

Более углубленное исследование этого вопроса предпринял М. Ф. Маликов. Он отмечает два признака оправдательного приговора, а именно: признание судом предъявленного обвинения несостоятельным и признание подсудимого невинным в совершении преступления⁶. Причем в качестве определяющего выступает, по его мнению, первый признак. Не ставя под сомнение правильность формулировок существенных признаков оправдательного приговора, отметим, что исследование специфики сущности данного вида приговора не может, однако, считаться завершенным и нуждается в дальнейшем углублении. Для более четкого представления о процессуальной сущности оправдательного приговора, на наш взгляд, следует в первую очередь учитывать социально-политический характер и назначение института оправдания, его необходимость в уголовном процессе.

Как известно, задачи уголовно-процессуальной деятельности включают «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден»

(ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Однако в практике судебного разбирательства случается, что обвинение, предъявленное подсудимому, в силу ряда объективных и субъективных причин не подтверждается. Это означает, что эти лица были ошибочно привлечены в качестве обвиняемых и преданы суду, и значит, они незаслуженно пострадали от уголовного преследования. Коль государство взяло на себя ответственность (в лице уполномоченных органов) предъявить гражданину обвинение в совершении преступления, а оно не подтвердилось в ходе судебного разбирательства, то нужно исправить ошибку в отношении незаслуженно пострадавшего гражданина, определить его специфическое правовое положение в уголовном процессе и обеспечить нейтрализацию допущенной в отношении его несправедливости. Этим гуманным целям в уголовном судопроизводстве служит институт оправдания. Общественно-политический характер оправдательного приговора как акта социалистического правосудия проявляется, следовательно, в том, что посредством его законодательного закрепления государство выражает свою позицию к подсудимым, обвинение которых в совершении преступления судебным заседанием не подтверждается.

Уяснив общественно-политический характер оправдательного приговора, можно отчетливее представить его специфическую сущность, совокупность формирующих ее признаков. Признаком, характеризующим основание постановления оправдательного приговора, является неподтверждение предъявленного подсудимому обвинения. Это общее основание оправдательного приговора конкретизируется тремя, предусмотренными в законе, случаями: не установлено событие преступления, отсутствует в деянии состав преступления, не доказано участие подсудимого в совершении преступления (ч. 3 ст. 311 УПК БССР). Любой из указанных случаев оправдания подсудимого означает именно то, что обвинение в совершении преступления, предъявленное лицу, преданному суду, не находит в судебном разбирательстве подтверждения, и поэтому оно судом отвергается, признается необоснованным. Признаком, отражающим содержание оправдательного приговора, является признание подсудимого невиновным в совершении преступления. В этом находит непосредственное воплощение государственная оценка поведения и личности оправданного. Признание невиновным определяет правовое положение лица, оправданного судом, создает определенность оправдательного приговора, поскольку ясно указывает, кем считается оправданного закон, суд и как к нему должны относиться окружающие, знающие о его оправдании.

Исходя из общественно-политического характера оправдательного приговора, можно вывести не только то, как государство относится к тем подсудимым, обвинение которых не подтверждается в судебном разбирательстве, и кем их признает, но и необходимость принятия мер для нейтрализации, компенсации допущенной в отношении их ошибки. Последнее отражает реабилитирующий аспект оправдания подсудимого. Реабилитирующий (компенсаторный) признак характеризует последствия оправдательного приговора и означает восстановление оправданного в нарушенных имущественных и моральных правах. Этим компенсируются материальные убытки и чувство унижения, обиды, горечи от ошибочного привлечения в качестве обвиняемого и предания суду.

Таким образом, специфическую сущность оправдательного приговора, по нашему мнению, раскрывают по крайней мере три его важнейших отличительных признака: 1) общее основание оправдательного приговора характеризуется неподтверждением в судебном заседании предъявленного подсудимому обвинения; 2) содержание его характеризует признание подсудимого невиновным в совершении преступления; 3) последствия постановления оправдательного приговора указывают на необходимость восстановления оправданного в нарушенных правах.

С учетом специфических существенных признаков оправдательного приговора и общих существенных признаков судебного приговора можно дать определение оправдательного приговора. Под ним следует понимать решение от имени государства, постановленное судом в предусмотренных законом случаях, которым утверждается невиновность подсудимого в совершении преступления и обеспечивается возможность восстановления его в нарушенных имущественных и моральных правах.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1972, с. 719.

² Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора — акта социалистического правосудия.— Харьков, 1978, с. 13.

³ Ленин В. И. Пол. собр. соч., т. 29, с. 227.

⁴ См.: Оганесян Р. М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе.— Ереван, 1972; Маликов М. Ф. Понятие оправдательного приговора в советском уголовном процессе.— В сб.: Общественные науки. Право.— Казань, 1971, с. 80.

⁵ Оганесян Р. М. Указ. раб., с. 38.

⁶ Маликов М. Ф. Указ. раб., с. 85.

Э. А. КАЛИНИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

Проблемы брака, семьи и наследования в Республике Индия сложны. В настоящее время в Индии проживает несколько сот наций, народностей и племенных групп, говорящих на 872 языках. Все они исповедуют множество религий. По данным 1976 года, в Индии проживало 610 млн. человек. Из них $\frac{4}{5}$ населения исповедовали индуизм, $\frac{1}{10}$ — ислам, остальные — христиане, сикхи, буддисты, джайны и пр.¹ До сих пор в Индии в сфере брачно-семейных отношений действуют осященные религией обычаи парсов, иудеев, христиан, кастовые обычаи, корни которых уходят в глубь веков. Эти обычаи настолько укоренились, что многие из них правительство бессильно искоренить законодательным путем. Оно вынуждено признавать многие из них с оговоркой, что они не должны противоречить руководящим принципам политики государства.

Семейное право Республики Индия находится в стадии становления и развития. После достижения независимости были изданы новые, прогрессивные законы, которые известный индийский правовед Агаравала характеризует как революционные, как индийский Ренессанс, поскольку они отменили старые, реакционные обычаи в сфере брачно-семейных отношений, юридически раскрепостили женщину и уравнили ее в правах с мужчиной². Этими законами отменены национальные, расовые и религиозные ограничения при заключении браков. Лица, возбуждающие расовую, религиозную и национальную рознь, подвергаются уголовному преследованию.

Основные принципы семейного права Индии были юридически закреплены в Конституции 1950 года и конкретизированы в Специальном законе о браке (1954), Законе об индийском браке (1955), Индийском законе о праве наследования (1956), Индийском законе о несовершеннолетии и опеке (1956), Индийском законе об усыновлении и попечительстве (1956), Законе о брачных расходах (1976) и др. Конституция Индии и упомянутые законы о браке, семье и наследовании действуют на всей территории государства, за исключением штатов Джамму и Кашмир. Сохранили юридическую силу Закон о мусульманском праве (1939) и Закон о браке и разводе парсов (1936). В соответствии с действующим семейным правом Индии важнейшим условием вступления в брак является добровольное, обоюдное, официально выраженное согласие брачующихся. Конституцией 1950 года и Законом об индийском браке (1955) установлен брачный возраст для девушек 15 лет, для юношей — 18 лет. В 1977 году правительство Индии заявило о намерении добиться принятия закона, предусматривающего минимальный брачный возраст для девушек 18 лет, для юношей — 21 год, как это предусмотрено Специальным законом о браке 1954 года. Семейным правом и уголовным кодексом браки с несовершеннолетними запрещены. Лица, нарушающие этот запрет, подвергаются уголовному наказанию в виде штрафа до 1000 рупий или тюремного заключения сроком до 3-х месяцев. Но в то же время законы не отменили институт брачного опекуна. Браки несовершеннолетних, заключенные опекунами, не считаются недействительными, они признаются лишь оспоримыми.

Важным условием вступления в брак является отсутствие между брачующимися определенных степеней родства и свойства, таких как: 1) родственные отношения предков и потомков по прямой линии; 2) отношения свойства определенной степени (например, не допускается брак с падчерицей, мачехой); 3) родственные отношения по боковой линии (например, запрещен брак с дядей, теткой, племянником, племянницей). Лица, нарушающие установленные законом правила, подвергаются уголовному наказанию. Однако в законе есть оговорка, допускающая браки при наличии

указанных выше двух групп родственных отношений, если таковые предусмотрены обычаями народностей и племенных групп. Например, у индусов разрешены браки с третьей степенью родства по материнской линии и пятой — по линии отца. Мусульманам запрещается жениться на матери и дочери и их родственниках по материнской и отцовской линиям. Обычаями многих народностей и племенных групп допускаются браки между племянниками и племянницами (янади, курумба, тода, некоторые общины тамиллов, джатов), но существуют некоторые ограничения. Так, в племени янади юноша-манчи может жениться на дочери брата матери или дочери сестры отца, но дочь брата отца и дочь сестры матери для него являются табу. У тамиллов дочь может выйти замуж за сына брата матери.

Брачащиеся должны находиться в здравом уме, не состоять в другом браке, в противном случае брак признается недействительным, а виновные привлекаются к уголовной ответственности. За двоеженство, кроме мусульман, в соответствии с Уголовным кодексом, Законом о браке (1955) виновный платит крупный штраф или лишается свободы сроком от 15 дней до 7 лет. До сравнительно недавнего времени признавался законной полиандрия у найяров Малабара, евреев, тода и др., но Специальным законом о браке (1954) она была отменена. Действующее семейное право Индии официально признает только моногамный брак. Законами о браке 1954—1976 годов запрещено умыкание невест, но такая форма установления брака иногда практикуется у мусульман, индусов, в ряде племен (янади, курумба, тода и др.). У племени тода сложился такой обычай: если родственники не найдут девушку в течение 9 дней, то на 10-й день она считается женой похитителя³.

Общезакономерного закона об обязательной регистрации брака в Индии нет. Издание законов о регистрации браков отнесено к компетенции властей штатов. В тех районах, где регистрация браков не ведется, законными признаются браки, заключенные с соблюдением установленных обрядов и совершаемые в присутствии соседей и деревенского совета. Индийский правовед Венката Суббарас описывает 18 видов брачных обрядов-церемоний индусов⁴. У мусульман для узаконения брака достаточным является обоюдное согласие брачащихся, данное при свидетелях и, как правило, муллы, который вносит соответствующую запись в религиозные книги. У племен, где еще практикуется групповой брак, узаконению его предшествует свободная в определенных пределах половая связь между мужчинами одной фратрии и женщинами другой. На седьмом месяце беременности девушка должна выбрать себе мужа. Причем не обязательно, чтобы им был фактический отец будущего ребенка. Брак и одновременно отцовство оформляются путем совершения обряда лука и стрел (пурсутпима), который заключается в том, что после совершения девушкой обряда прижигания, ее избранник вручает ей изготовленные им лук и стрелы. Если у избранника есть младшие братья, то с этого момента они тоже становятся ее мужьями. Многомужество официально властями запрещено, поэтому тода скрывают от властей свои фактические семейные отношения.

Реализации новых принципов индийского семейного права мешают старые обычаи, которые преодолеваются с величайшим трудом. До сих пор у мусульман-шиитов запрещены браки с лицами иной веры. У мусульман, исповедующих ислам ханифитского толка, разрешены браки с еврейками, христианками, сабеанками, парсианками, кроме идолопоклонниц. У индусов также запрещены браки с лицами, исповедующими христианскую, мусульманскую и иудейскую веру, кроме той, которая построена на индуистской основе (сиккхизм, джайнизм, секта лингаитов и др.).

Законами о браке 1954—1976 годов провозглашено равенство супругов в личных и имущественных правах, отменены детские браки, запрещена эксплуатация детского труда. В Индии учрежден специальный совет по обеспечению детского благополучия и осуществляются конкретные экономические и культурные мероприятия по фактическому улучшению положения женщин и детей в семье и обществе. Тем не менее фактически мужчина пользуется в семье большими правами. Для него вступление в брак не сопровождается существенными переменами в образе жизни, в социальном положении. Ему не приходится менять местожительство, родовое имя. Мужчина является главой семьи, ведет хозяйство, распоряжается общесемейной собственностью, устраняет браки детей.

Для семей индусских, мусульманских и других общин характерны безропотное подчинение младших старшим и безропотная покорность жены.

Индуска, выйдя замуж, навсегда расстается со своими родными. Она не может по своей воле уйти из дома мужа, который в этом случае вправе вернуть ее силой. В случае смерти мужа вдова, обычно, становится женой деверя. В индусских семьях положение вдов особенно тяжело, так как смерть мужа и отсутствие сыновей считаются тяжким грехом, который ей полагается искупать изнурительным трудом, лишениями. Вот почему в Индии, несмотря на запреты, самоубийства вдов явление нередкое.

С сфере личных и имущественных отношений индийских супругов до сих пор действуют многие старые обычаи народностей, племенных групп, общин. Для индусской семьи, например, характерно наличие общесемейной собственности, ведение общего хозяйства, общее отправление религиозного культа. В тех районах Индии, в которых распространено влияние школы Митакшары, общесемейное имущество принадлежит только мужчинам. Все они являются сособственниками этого имущества от рождения, но распоряжается им глава семьи (отец или старший брат). Он заключает гражданские сделки, отчуждает имущество в рамках разумного, например, для устройства свадьбы или похорон. Доля сособственника определяется лишь в момент выдела. Общесемейная собственность не наследуется. Помимо общесемейной у членов семьи возможно наличие индивидуальной собственности. В районах действия школы Даябхаги рождение не делает сына сособственником имущества отца. Последний вправе свободно распоряжаться семейным имуществом, т. е. может его продать, заложить, подарить и т. д. Оставшееся после смерти отца имущество наследуется родственниками и, пока не произведен раздел имущества, оно считается общесемейной собственностью, управляемой старшим в семье (картой). Наследственная доля каждого заранее известна.

В свете новых законов расширяется понятие стридханы. Теперь женщина может приобретать имущество не только в виде подарков, полученных при совершении брачных обрядов, но и другими способами, например, наследовать имущество умершего мужа, получать подарки и вознаграждение за свой труд. Но свободно распоряжается она только подарками родственников и мужа, а остальное имущество получают наследники. Мусульманка обладает большими правами. Муж не может без согласия жены распоряжаться собственностью, которой она обладала до замужества. В тех районах Индии, где сохранились материнские роды и матриархальные формы брака, женщины пользуются большими правами. С их участием решаются все семейные дела, в том числе и вопросы имущественного характера. Нередко гражданские сделки и договор о найме на работу своих мужей заключают женщины (янади, ченчу). У янади после смерти мужа общесемейное имущество распределяется так. Хижину и $\frac{1}{3}$ имущества наследует вдова, $\frac{1}{3}$ — дочери, оставшуюся $\frac{1}{3}$ имущества делят между сыновьями. Также распределяется имущество и в племенах тода, только хижину получает не вдова, а младший сын, на которого возлагается содержание женщин семьи.

Основаниями прекращения брака может послужить признание его недействительным или развод. Разводы в Индии в настоящее время свободны, они допускаются по обоюдному согласию супругов, либо по желанию одной из сторон. Основанием для признания брака недействительным служит несоблюдение одного из условий, предусмотренных законами 1954—1976 годов, а именно: сокрытие при заключении нового брака другого, расторгнутого брака, особо опасная тяжелая болезнь (проказа, венерическая болезнь, тяжелые психические расстройства и др.). Иск о прекращении брака вследствие душевной болезни одного из супругов можно возбуждать только в течение первого года совместной жизни. Предъявление иска о прекращении брака с безвестно отсутствующим супругом возможно лишь по истечении семи лет со дня его исчезновения. Брак может быть прекращен и в случае, если супруг обвинен в совершении преступления, либо он принял монашеский сан, сменил веру. Развод возможен из-за невыносимого совместного проживания. В этом случае, кроме согласия сторон, необходимы веские доказательства: длительное, не менее двух лет, раздельное проживание с момента достигнутого сторонами согласия о разводе (ст. 13, ч. 1 Закона о браке 1955 года). Неспособность жены к деторождению, установленная медицинским освидетельствованием, также может служить основанием для развода. Иски о разводе могут быть предъявлены не ранее, чем через три года после оформления брака (ст. 14, ч. 1 Закона о браке 1955 года). Брак считается расторгнутым с мо-

мента вынесения судом соответствующего решения. У мусульман возможен развод без суда, если на это согласен муж или оба супруга. Вторично вступать в брак разведенные супруги могут лишь по истечении годового срока с момента вынесения решения о разводе гражданским судом первой инстанции (с. 15 Закона о браке 1955 года). У некоторых народностей и племенных групп Индии развод является свободным (янади, ченчу, урали-курумба, тода и др.). Например, жена тода может свободно в любое время уйти к новому мужу. В этом случае, не обсуждая поступка жены, деревенский совет устанавливает размер штрафа, который должен уплатить новый избранник прежнему мужу. Если жена, покинув мужа, живет одна, то муж не вправе жениться на другой женщине, пока первая жена не найдет себе нового мужа. В случае развода дети остаются в материнском роду. У янади существует такое правило: дети до 15 лет остаются с матерью, а по достижении 15 лет могут, при желании, жить с отцом.

Законы о браке, семье, наследовании, изданные в независимой Индии, несмотря на их несовершенство и трудности реализации в целом несут прогрессивный характер. Постепенно, хотя и очень медленно, преодолеваются пережитки и реакционные обычаи феодального прошлого в семейно-брачных отношениях.

¹ См.: Страны мира: Политико-эк. справочник.— М., 1976, с. 112.

² См.: Indian law of Marriage and divorce.— Bombay, 1964.

³ См.: Шапошникова Л. В. Тайна голубых гор.— М., 1969; Ее же. Австралийцы живут в Индии.— М., 1976.

⁴ См.: The Hindu Marriage Act of 1955.— Allahabad, 1957, № 25, p. 19; Family law and India.— Madras, 1975, p. 6—7.

В. М. СИКОРСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ В БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ В 20—30-е ГОДЫ XIX ВЕКА

С 4 апреля 1803 года, когда Виленская духовная академия была преобразована в университет¹, Вильно становится центром науки и просвещения для литовского и белорусского народов. Молодежь Белоруссии и Литвы стремилась попасть в Виленский университет, где получала не только знания, но и впитывала в себя прогрессивные идеи. Повышенный интерес студентов к истории родного края и его правовым актам позволили университетским правоведам и историкам выделить из всеобщей истории самостоятельный курс истории Великого Княжества Литовского и его права. Особая заслуга в разработке этого курса принадлежит И. Даниловичу и Ю. Ярошевичу, длительное время преподававшим российский и местное право. Излагая историю права Великого княжества Литовского, преподаватели обращали внимание своих слушателей на тяжелое бесправное положение крестьян в Белоруссии и Литве. Их негативное отношение к крепостному праву находило последователей среди студентов и получило развитие в идеях «филоматов» и «филаретов», членов «Общества военных друзей» и других тайных организаций.

Преподаватели юридического факультета старались привлечь к научно-исследовательской работе наиболее способных студентов. Они проводили также большую работу по подготовке проекта кодификации местного законодательства, так как разницей судебной практики, разрозненностью и многочисленностью нормативных актов, действовавших на территории Белоруссии и Литвы, требовали упорядочения. Предпринятые в начале XIX века попытки систематизации нормативных актов ни к чему не привели, так как вся работа велась губернскими комитетами, которые не имели для этого ни специалистов, ни средств.

В 1822 году для уточнения русского перевода Статута 1588 года, сделанного в 1811 году, была создана специальная комиссия, в состав которой вошла группа прогрессивных преподавателей Виленского университета, обладавших определенным опытом работы по кодификации местного законодательства. Осознавая важность упорядочения действующего законодательства в Белоруссии и Литве, комиссия со всей серьезностью отнеслась к порученной работе. Было решено, учитывая многонациональ-

ный состав населения края, напечатать белорусский текст Статута с издания 1588 года, польский текст — с издания 1614 года и русский текст — с рукописи XVII века, найденной И. Даниловичем. Но приступить к выполнению намеченного плана комиссия не смогла. Разгром движения филоматов и последовавший за ним царский указ от 14 августа 1842 года привели к ликвидации комиссии. Одни профессора были уволены, другим было предложено перевестись в учебные заведения Петербурга, Москвы, Харькова. Кодификационные работы были прерваны.

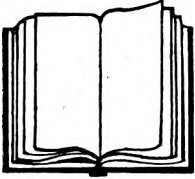
С учреждением в 1826 году второго отделения императорской канцелярии для составления свода законов Российской империи вновь была предпринята попытка кодифицировать местное законодательство в Белоруссии и Литве. 17 ноября 1828 года опубликовано царское предписание об издании Статута 1588 года Великого княжества Литовского на белорусском, польском и русском языках². Основанием для принятия такого решения было мнение ведущих историков права И. Даниловича и С. Линде. Надо отметить, что комиссия, готовившая проект перевода Статута, постоянно обращалась за советом к И. Даниловичу, который оказывал ей практическую помощь. Он предоставил в распоряжение комиссии две принадлежавшие ему рукописи и советовал учитывать при переводе Статута все известные рукописи и печатные издания. Одновременно второе отделение приступило к подготовке свода местного законодательства западных губерний. К 1838 году работа была закончена. Но силу закона свод не получил: 25 июня 1840 года последовал царский указ об отмене в Белоруссии местного законодательства³.

Таким образом, многолетний труд прогрессивных юристов 20—30-х годов XIX века остался проектом систематизированного нормативного акта, который являлся и является предметом изучения историков права на протяжении XIX—XX веков. Проект свода и в настоящее время представляет интерес, так как он является не только правовым памятником начала XIX века, но отражает социальную структуру общества и свидетельствует о состоянии правовой культуры Белоруссии и Литвы, выработанной на протяжении многовековой истории.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е.—СПб, 1830, т. 27., с. 526.

² См.: Там же, с. 1001—1003.

³ Там же, с. 443—445.

Рэцэнзіі

М. Ф. Пилипенко. *Этнография Белоруссии: Учебное пособие.* — Минск: Вышэйшая школа, 1981. — 192 с.

У нашу эпоху — эпоху грандыёзных пераўтварэнняў і здзяйсненняў, калі пад імклівым уплывам НТР шпаркімі тэмпамі змяняюцца ўсе сферы жыцця, перад навукоўцамі розных галін паўстаюць важныя задачы, якія патрабуюць неадкладнага вырашэння. Адною з іх па-ранейшаму застаецца праблема пераемнасці культур, бо, як вядома, усё новае, што ўзнікае сёння, арганічна звязана з мінулым, жывіцца тым, што стварылі папярэднія пакаленні. Гэтым менавіта і тлумачыцца сучасны выхад этнаграфіі на перадавыя пазіцыі ідэалагічнай барацьбы. Этнаграфічная навука заклікана не толькі задаволіць узросшы ў апошнія гады інтарэс грамадскасці да мінулага, але і супрацьставіць фальсіфікатарам розных масцей комплекс навукова дакладных ведаў аб шматгранных праявах народнага жыцця.

Без ведання ўмоў жыцця народа, яго штодзённага побыту, гаспадарчай і вытворчай дзейнасці, эстэтычных уяўленняў і асаблівасцей светаўспрымання, без разумення створанай ім матэрыяльнай і духоўнай культуры немагчыма выхаванне ўсебакова развітага чалавека, патрыёта, творцы, стваральніка. Таму выхад у свет работы М. Ф. Пилипенкі надзвычай своєчасовы і не можа не звярнуць увагу навукова-педагагічнай грамадскасці рэспублікі.

Названая кніга, напісаная адпаведна праграме курса этнаграфіі гістарычных факультэтаў ВНУ, апрача ўводзінаў, у якіх сцісла, але з неабходнай дакладнасцю раскрыта паняцце прадмета, выкладзены асноўныя метады і прыёмы палявых этнаграфічных даследаванняў, паказаны найбольш вузлавыя пытанні праблематыкі сучаснай беларускай этнаграфіі, складаецца з пяці раздзелаў: «Гісторыя этнаграфічнага вывучэння Беларусі», «Этніч-

ная гісторыя Беларусі», «Гаспадарка і матэрыяльная культура», «Грамадскі і сямейны побыт», «Традыцыйная і духоўная культура». Як бачым, аўтар закрануў надзвычай шырокае кола пытанняў і праблем беларускай этнаграфічнай навукі.

Аўтарская інтэрпрэтацыя і каменціраванне найбольш складаных працэсаў, з'яў і фактаў абаліраецца на найвышэйшым дасягненні савецкай этнаграфіі. Усе аспекты і кампаненты матэрыяльнай культуры беларусаў асвятляюцца з марксісцкіх пазіцый і дапамагаюць студэнтам падысці да дыялектыка-матэрыялістычнага метаду даследавання і разумення этнаграфічных праблем. Станоўчым з'яўляецца і тое, што разнастайныя аспекты матэрыяльнай культуры разглядаюцца не ў статыцы, а ў іх дынамічным развіцці, у працэсе станаўлення і кансалідацыі.

Змест вучэбнага дапаможніка значна ўзбагаціўся і тым, што аўтар насыціў яго канкрэтнымі метадычнымі рэкамендацыямі і парадамі, раскрыў спецыфіку вывучэння кожнай этнаграфічнай праблемы, даў яе крыніцзнаўчую базу, у тым ліку і па такім мала распрацаваным пытаннем, як **вялкая сям'я, дварышча, грамада і інш.**

Нажаль аўтар не пазбег дробных, і тым больш прыкрых, хібаў. У кнізе не вытрымана паслядоўнасць падачы беларускіх назваў матэрыяльных рэалій. У адных выпадках яны, як і належыць, прыводзяцца ў беларускім напісанні («спадніцы»), у другіх — беларуская назва ўзноўлена рускімі літарамі («прасніца»), у трэціх — і тымі і другімі («шчавье»), у чацвёртых — яны наогул не пададзены. Закраліся ў тэкст і памылкі. Так, напрыклад, замест напісання «хутары» або «хутарскія пасяленні», чытаем: «хутарскія пасёлкі», а такога тыпу пасялення на Беларусі не было.

Аднак дадзеныя заўвагі маюць прыватны характар і на агульную

ацэнку работы, тым больш першай у рэспубліцы, не ўплываюць, бо ў цэлым яна вызначаецца шырокім ахопам матэрыялу, навуковай аргументацыяй, панарамным асэнсаваннем, дакладнасцю і канкрэтнасцю фактаў. Кніга напісана добрай, даходлівай мовай. А пасляховае імёнае аўтара звязана з этнаграфічным матэрыялам, які традыцыйны, так і сучасны, з надзённымі задачамі партыі надае рабоча-палітычную актуальнасць і злададзённасць.

У. С. Гуркоў

В. К. Киселев. Партизанская разведка. Сентябрь 1943—июль 1944. — Минск: Изд-во БГУ, 1980. — 128 с.

О Великой Отечественной войне написано много. Но еще многое ожидает своих исследователей. Это в полной мере относится и к истории всенародной борьбы против оккупантов на территории Советской Белоруссии. Значительный вклад в освещение партизанской борьбы с захватчиками вносит монография В. К. Киселева. В ней впервые в советской историографии предпринята попытка комплексного анализа почти неизученной и вместе с тем чрезвычайно важной и интересной стороны деятельности советских патриотов в тылу врага — разведки. И эта попытка автору удалась. Исследование состоит из двух глав, в которых освещаются деятельность Компартии Белоруссии по укреплению и повышению эффективности разведывательной службы партизан в сложный период 10-месячных боев Советской Армии с немецко-фашистскими захватчиками за освобождение территории БССР. Книга написана на основании изучения широкого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ярко и убедительно рассказывает автор об авангардной роли коммунистов в разведывательной деятельности партизан, об их мужестве и беззаветной преданности делу освобождения Родины от оккупантов. Не упрощая конкретную историческую обстановку, показывая силу, опыт и изощренные методы борьбы врага с советскими патриотами, автор убедительно доказывает, что высокая эффективность партизанской разведки, имевшей, как правило, непрофессиональный состав, связана с ее народным характером как по социальному составу, так и по количеству ее участников, с направляющей и организующей ролью коммунистов.

С правильных методологических позиций освещены формы и методы деятельности партизанской разведки, ее весомый вклад в общее дело борьбы с фашистским агрессором, проанализированы важнейшие мероприятия партии по укреплению разведки для решения новых больших задач на этапе боев за освобождение республики.

Значительное место автор отводит освещению деятельности военно-оперативных органов партийных комитетов — разведотделов Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, оперативных групп и представительства при штабах фронтов, заместителей командиров или начальников особых отделов партизанских соединений, бригад и отрядов.

На наш взгляд, автору следовало бы шире привлечь для анализа и обобщения уже опубликованные данные, содержащиеся прежде всего в фундаментальном трехтомном издании документов и материалов «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Минск, 1967, 1973, 1978), а также в соответствующей мемуарной литературе. В целом же книга В. К. Киселева представляет собой глубокое и самостоятельное исследование одного из малоизученных направлений борьбы советских патриотов в тылу врага.

А. А. Тозик

И. В. Оржеховский. Самодержавие против революционной России. — М.: Мысль, 1982. — 205 с.

Зав. кафедрой истории СССР до советского периода Белгосуниверситета И. В. Оржеховский — крупный специалист по истории России XIX века. Он известен не только как замечательный лектор и воспитатель молодежи, но и как серьезный исследователь внутренней политики царизма в период развития российского освободительного движения. Большой интерес вызывает только что выпущенная издательством «Мысль» монография И. В. Оржеховского, посвященная борьбе самодержавия России против революционного движения. Книга подробно освещает деятельность III отделения, высшего осведомительного и карательного органа царизма. Много места и внимания уделено формированию и развитию исполнительного органа III отделения — корпуса жандармов.

Изучение и использование широкого круга источников из более чем десятка центральных архивов и рукописных отделов крупнейших книгохранилищ, многие из которых не только впервые введены в научный оборот, но и впервые разысканы в различных архивах страны, позволило И. В. Оржеховскому написать содержательный труд с убедительными выводами, представляющий не только существенный научный, но и общественно-политический интерес. Рецензируемая книга состоит из введения, двух глав, заключения, указателя источников, литературы, примечаний и, что особенно важно, содержит именной указатель, что в значительной степени облегчает работу читателя.

Деятельность III отделения, бывшего более чем полвека органом по-

литической полиции, возникшего и сформировавшегося в годы правления Николая I, в условиях усиления противоречий абсолютистского режима и обострения классовой борьбы, анализируется в динамике. Из первой главы читатель узнает, каким было состояние политической полиции России в первой четверти XIX века, т. е. до восстания декабристов, как изменилась система политического сыска после первого революционного выступления представителей дворян. Вторая глава, самая объемная в монографии, повествует о формах и методах борьбы царизма и III отделения против революционного движения конца 50-х—второй половины 70-х годов. С большим интересом читаются страницы о росте революционного движения на втором (разночинском и народническом) этапе развития освободительного движения и активизации в связи с этим деятельности III отделения, о «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» и упразднении III отделения. Автор убедительно доказывает, что главные силы III отделения были брошены на борьбу с революционным движением.

Интересно рассказывает историк и о деятельности III отделения за рубежом—во Франции, Англии, Германии и других странах, о слежке за А. И. Герценом, П. Л. Лавровым и другими революционерами. Из книги И. В. Оржеховского читатель узнает много нового о численности III отделения и корпуса жандармов, о сметах расходов на тайную полицию, о руководителях III отделения, которым на основе разнообразных источников даны убедительные характеристики.

Нельзя не согласиться с автором, что с образованием III отделения открылась новая страница в истории развития политической полиции в России. Но несмотря на все ухищрения политической полиции и царского правительства подавить революционно-демократическое движение в России им не удалось. На смену второму поколению русских революционеров пришло третье. Большевики во главе с В. И. Лениным смели все системы, структуры и организации царской России, открыли путь для государства нового типа—рабочих и крестьян, в котором интересы трудящихся совпадают с государственными интересами.

На наш взгляд, книга выиграла бы, если бы в ней более обстоятельно было показано сопротивление трудящихся III отделению, более обстоятельно раскрыты методы борьбы с провокаторами как в стране, так и за рубежом. Несмотря на отдельные недостатки монография И. В. Оржеховского является солидным научным исследованием. Ее с интересом прочитают как преподаватели и студенты вузов, так и любители отечественной истории.

Я. Н. Мараш

Исторический материализм: Задания и упражнения / Под общей редакцией Л. Г. Кравченко.—Минск: Вышэйшая школа, 1980.—176 с.

Как известно, курс марксистско-ленинской философии в высшей школе представляет собой мировоззренческо-методологическую основу формирования коммунистической идеологии будущих специалистов, основу научного понимания окружающего мира и практического действия. Перспективным направлением в этом плане является проблемное обучение, которое в настоящее время завоевывает все большее признание. Актуальным задачам проблемного обучения и посвящено рецензируемое учебное пособие. Задания и упражнения пособия составлены в соответствии с определенными разделами исторического материализма, предусмотренными программой вузовского курса. Они прежде всего ориентируют студентов на необходимость углубленного изучения произведений основоположников марксизма-ленинизма, партийных документов, выработки соответствующей историко-философской и социологической культуры.

Авторы дидактически правильно подходят к изложению основных проблем курса, считая, что важнейшей задачей усвоения любого предмета является объяснение материала с точки зрения движения знаний от явления к сущности. При этом учитывается то, что реализация движения познания от явления к сущности протекает в различных категориях, которые выступают основанием деления задач на каузальные, функциональные и др. Введение в учебные задания так называемых провоцирующих вопросов очень важно для заострения внимания студентов на поиске правильного ответа, эксплуатации их интуитивной predispositionности к тому или иному ответу. Иначе говоря, такие вопросы создают учебную проблему, которая по форме напоминает познавательную и содействует выработке неконформистского мышления, осознанной методолого-мировоззренческой позиции. Часть заданий учебного пособия сводится к решению логических задач типа классификации понятий, умения осуществлять операции отождествления, различения, абстрагирования и т. п. Такие задания вырабатывают навыки самостоятельного мышления, сознательного оперирования философскими категориями, что является важнейшим условием формирования убеждений.

Важное место в учебном пособии занимают так называемые интерпретационные задачи, т. е. задачи, связанные с истолкованием текстов. В данном случае авторы правильно поступили, включив в качестве заданий истолкование многих историко-философских, социологических текстов. Формирование материалистиче-

ского понимания истории, как и вообще диалектико-материалистическое воспитание, невозможно без соответствующей историко-философской и социологической культуры. Поэтому интерпретация текстов по истории социологии, бесспорно, — необходимая составная часть выработки марксистско-ленинского мировоззрения, научной методологии познания и практической деятельности.

Изучение исторического материализма нельзя успешно осуществлять, если его положения не противопоставлять взглядам наших идейных противников. Именно с помощью постановки различных задач, вопросов, подводящих к правильному ответу, можно эффективно обучать аргументированной критике взглядов современных буржуазных социологов. Практически в каждом разделе пособия есть задания и упражнения, связанные с критикой тех или иных положений современной буржуазной и ревизионистской социологической мысли.

Среди других методических особенностей учебного пособия следует отметить то, что часть заданий и упражнений в нем рассчитана на индивидуальное, часть на коллективное решение, а часть может быть использована при самостоятельной работе студентов. Большой выбор различных форм заданий и упражнений создает хорошие условия для творческого применения пособия.

Нельзя не отметить и некоторых недочетов пособия. Прежде всего оно, по нашему мнению, страдает неопределенностью адресата. Авторы адресуют его студентам, преподавателям философии, аспирантам. Но конкретная цель студентов и аспирантов — это усвоение материала, а преподавателей — обучение студентов и аспирантов. Методы реализации этих конкретных целей, конечно, различны. Для студентов и аспирантов в некоторых случаях следовало бы указать источники ответов на поставленные вопросы. Специфические методические рекомендации можно было бы адресовать преподавателям.

Учебное пособие содержит различные логические задания и упражнения, но при этом авторы не учитывают того уровня логической культуры, который характерен для студентов второго-третьего курса (за исключением гуманитарных специальностей университетов, где изучается логика). Наконец, желательно было бы провести классификацию заданий внутри параграфов, указав на тот или иной методический подход при решении соответствующего задания. Принципы подборки материала (за исключением работ основоположников марксизма-ленинизма, партийных документов) также нуждаются в более четком определении.

В целом же рецензируемое учебное пособие является одним из важ-

ных шагов на пути внедрения проблемного обучения в высшей школе.

**М. А. Парнюк, Б. И. Конвай,
В. А. Рыжко, И. А. Салтовский**

Г. М. Лившиц. Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. — Минск: Наука и техника, 1982. — 351 с.

Выход в свет монографии профессора Г. М. Лившица является важным событием в истории исследования теоретического наследия Маркса и Энгельса. Как видно уже из оглавления этой работы, ее основополагающей идеей является критический анализ, которому подвергли антинаучную философию идеализма и идеологию религии великие революционеры в науке К. Маркс и Ф. Энгельс, создавшие в итоге подлинно научную теорию развития природы, общества и мышления. Исторический подход к обоснованию этого ведущего положения осуществляется автором обстоятельно, на основе глубокого знания сути проблемы.

Кратко, но глубоко обосновывается в монографии сущность революционного переворота в науке, совершенного Марксом и Энгельсом. Этот переворот привел к созданию диалектико-материалистической философской теории на основе критической переработки, с одной стороны, гегелевской идеалистической диалектики, а с другой — феербаховского метафизического материализма.

Решительно и бескомпромиссно отстаивая философский материализм, Маркс и Энгельс не менее решительно боролись против всяческих отступлений от него, подвергали уничтожающей критике самые разнообразные течения идеализма, обнажая научную несостоятельность вульгарного материализма и всяких его разновидностей. Вскрывая полнейшую научную несостоятельность идеализма, основоположники марксизма были воинствующими атеистами, бескомпромиссными врагами религии и свойственных ей мракобесия, лицемерия, фальши и ханжества. Научные суждения Маркса и Энгельса об атеизме, о религии и церкви являются важной органической составной частью их теоретического наследия. Оно остается актуальным и в наше время, ибо имеет непреходящее значение для атеистического воспитания, для наступательной борьбы с религиозными предрассудками и суевериями, для разоблачения антинаучных воззрений богословов и буржуазных философов.

Новые исторические условия породили неизбежность дальнейшего творческого развития марксистского учения в борьбе против идеализма и религии. Практическое решение этой сложной и ответственной задачи выпало на долю В. И. Ленина, который стал достойным преемником Маркса и Энгельса и повел борьбу с идеализмом

и религией на основе достижений науки и техники, теории и практики нового времени.

В монографии получили дальнейшее развитие и такие, недостаточно разработанные в марксистской литературе, вопросы, как взгляды Маркса и Энгельса на возникновение религии и происхождение христианства, на социальную сущность ересей и реформационного движения в средневековой Европе.

Новое исследование профессора Г. М. Лившица—важный творческий вклад в изучение теоретического и идейного наследия великих корифеев науки, какими являются К. Маркс и Ф. Энгельс.

В. И. Старовойтов

М. К. Треушников. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе.—М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.—160 с.

В рецензируемой книге исследуются основные вопросы общей и особенной части теории судебных доказательств в советском гражданском процессе, анализируются спорные суждения по данной проблеме. Автор, на наш взгляд, приходит к правильному выводу, рассматривая судебные доказательства как единое понятие, в котором тесно взаимосвязаны фактические данные и средства доказывания. Такое понимание судебных доказательств отвечает содержанию и смыслу закона (ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Обоснована теоретическая и важна практическая концепция автора об активной роли советского суда в процессе доказывания по гражданским делам. Специфической чертой судебного доказывания в советском гражданском процессе является то, что не только лица, участвующие в деле, обязаны представлять доказательства в подтверждение своих требований и возражений, но и суд с целью выяснения действительных обстоятельств дела имеет право собирать доказательства. В связи с этим справедливо подвергнута критике позиция профессора А. Ф. Клеймана и некоторых других ученых-процессуалистов, которые не включают суд первой инстанции в число субъектов доказывания в гражданском судопроизводстве.

Убедительна аргументация автора в том, что истина, устанавливаемая в процессе судебного познания, является абсолютной. Суд обязан в полном объеме и исчерпывающе изучить все факты прошлого и настоящего, имеющие отношение к делу. Закон ориентирует судей на необходимость всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Оригинальна трактовка элементов судебного доказывания, которые в

своей совокупности создают ступени перехода от незнания к знанию, от вероятных суждений к достоверным выводам. Изложенные автором правила распределения обязанностей по доказыванию полностью согласуются с законом, а также руководящими указаниями Пленума Верховного Суда СССР.

Научную и практическую ценность представляет глава, посвященная относимости и допустимости доказательств в гражданском процессе. Здесь особый интерес представляют суждения автора о взаимосвязи двух правовых категорий—правил допустимости доказательств и принципа объективной истины по делу.

Содержательны и интересны главы, в которых анализируются отдельные средства доказывания (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключение эксперта, письменные и вещественные доказательства). В них обстоятельно рассмотрен процессуальный порядок получения, исследования и оценки судебных доказательств, что весьма актуально для судебной практики. Специальная глава посвящена характеристике отдельных средств доказывания в гражданском процессе европейских социалистических стран—членов СЭВ.

На наш взгляд, работа не свободна и от недостатков. Стремление автора сжато изложить обширный фактический материал помешало в ряде случаев осветить некоторые важные вопросы. Так, в главе, посвященной судебной экспертизе, ничего не говорится о производстве криминалистической экспертизы. Мало внимания уделено в книге новым носителям информации (звук- и видеозаписям, кинодокументам и др.), не выражено отношение автора к современным научным методам исследования судебных доказательств по гражданским делам. Очень кратко освещены вопросы о судебном познании, субъектах судебного доказывания. Спорными представляются нам суждения автора об отдельных элементах судебного доказывания (с. 28—29), о процессуальном положении прокурора, предъявившего иск о защите прав других лиц (с. 79).

Наши замечания носят частный характер и не снижают ценности монографии М. Треушникова, которая вносит существенный вклад в развитие теории судебных доказательств в советском гражданском процессе. Она полезна не только студентам и аспирантам юридических вузов. С интересом ее прочтут научные и практические работники, все, кто интересуется проблемами судебного доказывания по гражданским делам.

В. Г. Тихиня

И. Л. Петрухин, Г. П. Бату-
ров, Т. Г. Морщакова. **Теорети-
ческие основы эффективности право-
судия.**—М.: Наука, 1979.—390 с.

Рецензируемая монография посвя-
щена одной из актуальных проблем
юридической науки—исследованию ме-
тодологических основ эффективности
правосудия. Исследование начинается
с выяснения социальной природы право-
судия, механизма его воздействия на
преступность.

Системный и функциональный под-
ход дал возможность автору (И. Л.
Петрухин) выяснить управленческую
природу целей правосудия, провести
их классификацию. Выделение «уз-
ких» целей правосудия, свойственных
этому виду государственной деятель-
ности, создало предпосылки их после-
дательной операционализации, выра-
женные в удобной для измерения
форме. Нельзя, однако, согласиться с
отнесением такой цели, как принятие
судом мер предупреждения правонару-
шений к факультативным целям пра-
восудия (с. 63). Как известно, выяс-
нение обстоятельств, способствовав-
ших совершению преступления, входит
в предмет доказывания (ст. 68
УПК РСФСР) и является обязатель-
ным по каждому делу. По этому пути
идет и судебная практика, рассматри-
вая нарушение требования о выясне-
нии таких обстоятельств, как существен-
ное процессуальное нарушение, вы-
зывающее отмену приговора.

При рассмотрении вопроса о си-
стеме условий эффективности право-
судия, о путях оптимизации его гаран-
тий авторами высказаны заслуживаю-
щие внимания предложения о расши-
рении коллегияльного судебного кон-
троля за процессом предания суду, о
предоставлении права обвиняемому и
его защитнику участвовать в распоря-
дительном заседании и др. Трудно
поддержать лишь предложение допу-
стить исследование в распорядитель-
ном заседании суда отдельных сомни-
тельных доказательств, когда решается
вопрос о прекращении дела или
возвращении его для доследования
(с. 218—219). Введение в эту стадию
уголовного процесса элементов судеб-
ного следствия чревато реальной
опасностью превращения ее в репети-
цию судебного разбирательства. Точно
также вызывает сомнение и отрица-
тельная оценка зонального принципа
распределения дел в судах второй ин-
станции (с. 221). Не убеждает и кате-
горический вывод о заинтересованно-
сти членов вышестоящих судов в за-
вышении оценок работы закрепленных
за ними нижестоящих судов. Думается,
что это не так. Ведь члены кассаци-
онного суда не несут никакой ответ-
ственности за качество работы ниже-
стоящих судов и процент отмены при-
говоров не имеет для них по существу
никакого значения. На наш взгляд,
предпочтительнее не отказываться
полностью от этого опробованного
многолетней практикой принципа орга-

низации работы вышестоящих судов,
а использовать его в сочетании со
специализацией судей по важнейшим
категориям дел. В монографии пред-
принята плодотворная попытка разра-
ботать методики измерения эффектив-
ности правосудия по уголовным делам
для оценки его в целом и по отдель-
ным стадиям процесса. Полагаем, что
на практике найдут применение и
предлагаемые в работе методы выяв-
ления и измерения воспитательно-пре-
дупредительного воздействия судебного
процесса.

Ценные суждения и выводы, а
также обоснованные предложения и
рекомендации содержатся в пятой,
заключительной главе, в которой рас-
смотрен целый комплекс вопросов,
связанных с судебным управлением
как условием эффективности правосу-
дия. Так, представляются своевремен-
ными суждения о создании в мини-
стерствах юстиции особых структур-
ных подразделений по НОТ, об усиле-
нии морального и материального сти-
мулирования судебных кадров в це-
лях стабилизации и повышения эффек-
тивности их труда и др.

Монографическое исследование
И. Л. Петрухина, Г. П. Батурова,
Т. Г. Морщаковой является весомым
вкладом в теоретическую разработку
проблем эффективности правосудия.

И. И. Мартинович

**В. Н. Кузнецов. Французское
неогегельянство.**—М.: Изд-во МГУ,
1982.—200 с.

Большим достоинством рецензи-
руемой книги является то, что в ней
дана широкая панорама французского
неогегельянства, выявлены его теоре-
тические источники (немецкое неогег-
ельянство, экзистенциализм, а также
феноменология Гуссерля). Автор по-
казывает, как под влиянием феноме-
нологии и экзистенциализма многие
французские буржуазные философы
решили вернуться к духовному насле-
дию Гегеля и стали его по-своему
интерпретировать при создании соб-
ственных философских концепций.
В. Н. Кузнецов детально рассмотрел
взгляды крупнейших французских
неогегельянцев—Ж. Валя, А. Коже-
ва, Ж. Ипполита, отметив общность и
различия между ними, неоднородность
и противоречивость французского
неогегельянства в целом как сложного
идеологического явления, в котором
причудливо сочетаются разные аспек-
ты и идеи буржуазной философии.

К анализу французского неогегель-
янства автор книги подходит истори-
чески: сначала рассматривает воззре-
ния первого неогегельянца XX века
Ж. Валя, затем А. Кожева и, наконец,
Ж. Ипполита. Такой подход позволяет
раскрыть этапы становления и разви-
тия французского неогегельянства, вы-
явить связующие линии между рас-

личными интерпретациями гегелевского философского наследия и показать эволюцию французского неогегельянства.

Прежде всего автор анализирует воззрения основоположника неогегельянства во Франции Жана Валь (1888—1974), который был в течение нескольких десятилетий профессором в Сорбонне и одновременно президентом французского философского общества. Ж. Валь пытался в духе буржуазных интерпретаций Гегеля трагизировать его философию, неправомерно распространяя введенное немецким философом в его раннем произведении «Феноменология духа» понятие «несчастное сознание» на характеристику общественного сознания отдельных периодов истории. Вместе с тем Ж. Валь пытался выявить теологическую сущность философии Гегеля. В. Н. Кузнецов аргументированно доказывает, что эта попытка теоретически несостоятельна, ибо «во всех случаях, когда Гегель касался религиозных проблем, он подходил к ним не как теолог, а как философ... Достаточно углубленное исследование открывает философскую основу во всех гегелевских суждениях о религии и теологии» (с. 27). Но Ж. Валь не останавливается на попытке теологизировать философию Гегеля, следующим шагом становится его утверждение о ее якобы иррационализме и панлогизме. Рассматривая вопрос о панлогизме, автор рецензируемой работы приходит к выводу, что внимательный анализ всех произведений Гегеля в целом показывает, что гегелевская философия не является панлогической.

В. Н. Кузнецов не согласен и с отрицанием рационализма у Гегеля, ибо здесь позиция Ж. Валь зиждется на зыбкой почве. «Усматривая в гегелевской философии иррационализм там, где в действительности формировалась новая, высшая по сравнению с метафизическим способом мышления форма рационализма, Валь вместе с тем оставил без внимания действительные изъяны последнего, обусловленные тем, что он использовался для обоснования системы абсолютного идеализма. Именно стремление Гегеля представить все сущее как процесс саморазвития абсолютной идеи приводит к появлению в картине последнего таких звеньев, которые классики марксизма-ленинизма квалифицировали как «мистические» и прикрывающие рациональной формой иррациональное содержание» (с. 48). Именно они подвергли научной критике «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики» и вскрыли вместе с тем ее рациональное зерно.

Если Ж. Валь пытался теологизировать философию Гегеля, то другой неогегельянец Александр Кожев (1902—1968) решил придать ей «атеистическую» окраску, утверждая, что диалектика Гегеля пронизана духом атеизма. Аргументированно и убедительно

В. Н. Кузнецов доказывает несостоятельность подобных утверждений, отметив, что позиция французского неогегельянца неоригинальна, так как еще в начале 40-х годов прошлого века Б. Бауэр назвал Гегеля атеистом и антихристом. Но ему не удалось, как это не удалось и А. Кожеву, доказать атеистический характер философии Гегеля. «Атеистическо-антропологическая» интерпретация А. Кожевным гегелевской философии есть «выражение присущей ему антиматериалистической интенции» (с. 57).

Несостоятелен и тезис А. Кожева об экзистенциалистском характере диалектики Гегеля. В. Н. Кузнецов отмечает, что А. Кожев излагает лишь «Феноменологию духа» (где тоже, конечно, диалектика разрабатывается), но умалчивает о «Науке логики», в которой диалектика получила наиболее полную и всестороннюю разработку в плане универсальности: раскрыта ее роль не только в обществе, но и в природе. А поскольку А. Кожев вместе с экзистенциалистами отвергает роль диалектики в природе, он не касается этой фундаментальной работы Гегеля.

Автор рецензируемой работы проводит скрупулезный анализ интерпретации А. Кожевным социально-исторической проблематики философии Гегеля. И, как он совершенно правильно пишет, Кожев полностью остается на позициях гегелевского идеализма «в объяснении человеческой истории внутренней потребностью самосознания в исчерпывающем знании» (с. 87). В некоторых вопросах он просто не понял гегелевское учение о развитии человечества. Кожев-идеалист не смог научно истолковать гегелевскую концепцию отношений раба и господина. Он волей-неволей выдавал Гегеля за философа, отчетливо увидевшего в истории процесс классовой борьбы (с. 97). В. Н. Кузнецов вскрывает несостоятельность и произвольность трактовки Кожевным истории, в частности периода Великой Французской буржуазной революции и наполеоновской буржуазной империи, которую он безудержно идеализирует, вульгаризацию атеизма и действительно исторического значения французского Просвещения и французского материализма.

В третьей, заключительной главе работы автор критически рассматривает воззрения Жана Ипполита (1907—1968), который был не только неогегельянцем, но и марксологом.

Остановимся еще на одном пункте, имеющем важное теоретическое и практическое значение. Мы имеем в виду влияние неогегельянства на формирование ревизионистских взглядов А. Лефевра и Р. Гароди. Совершенно прав В. Н. Кузнецов, что «в основу своего понимания марксистской философии Лефевр положил ее отношение к гегелевской философии...» (с. 180). Для Лефевра, подчеркивает автор, ха-

рактрно игнорирование коренного отличия марксистской философии от гегелевской. Фальсификация философии марксизма со стороны ревизиониста Лефевра получает убедительную критику в работе В. Н. Кузнецова. Также убедительно критикует автор книги и воззрения другого ревизиониста-рenegата—Р. Гароди. Оригинально представлено в книге влияние Валя, Кожева и Ипполита на формирование и эволюцию французского «атеистического» (точнее, богоборческого) экзистенциализма, прежде всего Сартра и Мерло-Понти.

Высоко оценивая книгу В. Н. Кузнецова, вместе с тем хотелось бы высказать ее автору некоторые пожелания и замечания. Так, было бы желательно глубже раскрыть влияние неогегельянства на духовную жизнь Франции. Следовало бы показать роль неогегельянства в формировании реакционных воззрений «новых философов», появившихся на идеологической сцене Франции в середине 70-х годов нашего столетия. В книге имеются и отдельные полиграфические ошибки. В целом же фундаментальное исследование В. Н. Кузнецова вносит значительный вклад в научную критику современной буржуазной философии и идеологии.

**И. А. Гобзов,
Э. К. Дорошевич**

В. А. Стокяло. Критика фальсификации католическими идеологами исторического материализма.— Киев—Одесса: Вища школа, 1980.—216 с.

Монография В. А. Стокяло—актуальный, глубоко содержательный труд, имеющий важное значение для методологического анализа современных концепций католицизма по вопросам социального развития, движущих сил социального прогресса, духовной жизни общества. В работе вскрыты связь католицизма с буржуазной антропологической школой, с различными ненаучными концепциями генезиса личности, роли материального производства в развитии общества, а также с ревизионистскими концепциями о соотношении массы, класса и партии.

Вскрывая идеалистическую сущность концепции антропогенеза, В. А. Стокяло пишет, что уступки буржуазного естествоиспытателя П. Оверхаге идеализму «послужили в первую очередь основанием для научного сотрудничества с ним крупного теоретика католицизма из ФРГ К. Ранера... Принципиальную возможность «гармонического сотрудничества» теологии и естествознания К. Ранер усматривает в том, что подлинные результаты естественнонаучного понимания мира не могут противоречить откровению...» (с. 25).

В книге удачно анализируется повторение современными теологами давно уже раскритикованных марксист-

тами идей буржуазных философов о марксизме как идеологии, а не науке, об «односторонности», «партийности» марксистской философии. «Чтобы доказать «ненаучный» характер марксизма-ленинизма, в том числе и диалектического и исторического материализма,—пишет автор монографии,—католические теоретики прибегают к широко распространенному в современной буржуазной и ревизионистской идеологии тезису о несовместимости партийности этого учения с научностью» (с. 127).

Книга насыщена фактическим материалом, убедительно подтверждающим, что критика исторического материализма современными католическими философами поконится на методологических посылках по этому вопросу, разработанных буржуазными философами еще в XIX и начале XX веков. Методологическую основу современного католицизма составляет буржуазная идеалистическая философия, прежде всего неомизм и логический позитивизм. Хорошо прослеживается в книге эволюция католицизма в сторону анализа социальной действительности, попытка «подстричь» некоторые догмы, приспособить их к новым социальным процессам, показать диалектичность «святого» учения. Оригинальным является и фактический материал, добытый из первоисточников, изданных на немецком языке. Автором прочитано и использовано для марксистской критики более ста книг на немецком языке, написанных видными теоретиками католицизма Бохенским, Фетчером, Веттером и др.

Книга В. А. Стокяло—цельное научное исследование, в котором поставлен ряд новых проблем, дана глубокая критика католической философии по вопросам анализа социальной действительности, показана несостоятельность фальсификации католическими идеологами исторического материализма. Нет сомнения, что эта работа будет полезна всем, кто исследует проблемы критики буржуазной, религиозной и ревизионистской литературы.

Г. П. Давидюк

Т. П. Богданова. Молодой рабочий: гражданское и профессиональное становление.— Минск: Беларусь, 1981.—142 с.

Комплексная разработка проблемы формирования активной жизненной позиции советской молодежи, рабочей молодежи в частности, обуславливает появление на книжных полках все новых и новых книг на эту тему. Среди них привлекает своей оригинальностью монография Т. П. Богдановой, которая посвящена раскрытию творческих потенций советской молодежи, формированию ее гражданственности, новых черт социальной личности, ка-

чества работника нового типа в условиях НТР и соединения ее достижений с преимуществами развитого социализма. Теоретические положения базируются на живой практике коммунистического строительства, на результатах социологических исследований, проведенных при участии автора на 16 промышленных предприятиях Минска и Минской области. В ней изложены марксистско-ленинские идеи о социальной сущности молодежи, исторической преемственности поколений. Творчески осмыслены положения партийных документов, материалов съездов КПСС применительно к реальной практике социального становления современного молодого поколения советского рабочего класса. Это обуславливает теоретическую и практическую ценность выполненного исследования.

В книге последовательно анализируются этапы гражданского и профессионального возмужания молодежи, определяемого всем комплексом условий жизни в развитом социалистическом обществе и, в частности, системой народного образования, призванного выработать социальную ориентацию у каждого молодого человека на освоение и приумножение достижений социалистического образа жизни (с. 7—9). Общеобразовательная и профессиональная подготовка молодежи к труду рассматривается как специфическая система, эффективность функционирования которой зависит от взаимодействия с другими процессами общественной жизни (с. 11—12). При этом особое внимание уделяется выявлению особенностей профессионального самоопределения молодежи, его связи с формирующейся у нее системой потребностей и интересов в общеобразовательной школе, в учебных заведениях профтехобразования, на начальной стадии самостоятельной трудовой деятельности. Автором показана высокая степень сопряженности уровня образования и профессиональной подготовки молодого рабочего с последующим развитием его творческого потенциала уже в условиях производственного коллектива.

Выгодно отличает работу новизна анализа формирования социальной активности рабочей молодежи. Она представлена через призму раскрытия ее сущностных сил, творческого потенциала, систему реализуемых ею социальных действий. Важнейшие звенья гражданского и профессионального становления молодого рабочего рассматриваются в книге во взаимосвязи, в контексте единого процесса его социального становления. Одним из таких звеньев является социальная адаптация. Последняя, по мнению автора,

представляет собой определенную систему трудовых и других социальных действий молодого человека, его поступков, способов общения, которыми он практически овладевает, осваивая производственную и социальную среду трудового коллектива (с. 59—61). Интересны результаты исследования Т. П. Богдановой проблем повышения квалификации молодых рабочих, ее социальной эффективности, роли движения за коммунистическое отношение к труду.

Заслуживает одобрения теоретическая и практическая разработка проблемы формирования активной жизненной позиции молодого рабочего в производственном коллективе. Вызывают научный интерес выводы автора о специфике активной жизненной позиции личности в отличие от позиции социально пассивной и антиобщественной (с. 100—101). Через развитие трудовой активности, коммунистического отношения к труду осуществляется и неуклонный подъем общественно-политической, познавательной и других видов активности, выражающихся в единстве гражданскую и профессиональную зрелость рабочей молодежи (с. 133).

На основе анализа большого социологического материала автор делает вывод, что процесс гражданского и профессионального становления молодого рабочего сложен и многообразен, динамичен и диалектически противоречив, как сложна и диалектически противоречива сама жизнь. И процесс, и результат этого становления аккумулируются, фокусируются в утверждении социальной активности и активной жизненной позиции молодого рабочего, выражающих самореализацию присущих ему творческих сил и способностей в условиях развитого социализма (с. 131). В книге убедительно, на конкретных фактах показано, как Коммунистическая партия и советское государство умело направляют процесс социального и профессионального становления юных с целью скорейшего включения их в активную преобразовательную деятельность на коммунистических началах.

Как недостаток работы можно отметить излишнюю детализацию при доказательстве отдельных выдвигаемых автором тезисов. Наблюдается в ряде мест и некоторая перегрузка фактическим материалом.

Все это ни в коей мере не умаляет достоинств и ценности книги Т. П. Богдановой, которую с интересом прочтут не только специалисты, но и все, кто интересуется проблемами жизни и труда рабочей молодежи.

М. Д. Тиво

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Ларошэ С. А.</i> Партыйнае руководства органамі народнага кантроля Беларусі (1971—1975)	3
<i>Ешэраў С. А.</i> Из опыта совершенствования системы экономического образования сельскохозяйственных кадров Белоруссии (1971—1980)	6
<i>Запаў В. Н.</i> Из опыта работы партийных организаций республики по руководству кооперативным общественным питанием в десятой пятилетке	8
<i>Абрамак Ф. И.</i> Ярмарочная торговля в городах и местечках Белоруссии в первой половине XIX века	11
<i>Корзун М. С.</i> Фальсификация богословами влияния христианства на семейные отношения в Древней Руси	13
<i>Трухнов Г. М.</i> Из истории борьбы между Англией и Францией по репарационному вопросу (до рурского кризиса 1923 года)	15
<i>Новицкий И. И.</i> Развитие высшего образования в Республике Куба	18
<i>Ха Ван Тху.</i> Политика Коммунистической партии Вьетнама по национальному вопросу	21

ФІЛАСОФІЯ

<i>Грудницький Г. Д.</i> Проблема познания в философии немецкого просвещения	24
<i>Смирнов Н. А.</i> Материализм — философская основа атеизма Дидро	27
<i>Кандричин Н. А.</i> Категории «традиции» и «новаторство» как характеристики культурно-исторического процесса	29
<i>Карако П. С.</i> Взаимосвязь биологии и права в вопросах охраны живой природы	33
<i>Рябокөн Н. В.</i> Мировоззренческие регулятивы социального действия	36
<i>Ануфриев Г. Г.</i> О взаимосвязи мировоззрения и художественного метода	39

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Жемайтэйтис А. В.</i> Основные принципы политики Советского государства в области науки	42
<i>Ковалева Е. А.</i> Новые тенденции в профсоюзном движении США	45
<i>Карлос Гонсалес Эчеварриа.</i> Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на кубинское рабочее движение	48

ЭКАНОМІКА

<i>Ткачев Н. А.</i> Распределение по труду и экономические законы социализма	50
<i>Олехнович Е. А.</i> Собственность как основа общественной формы национального богатства	52
<i>Гизела Тиле.</i> Фальсификация экономических законов социализма — теоретическая основа буржуазной критики социализма	55
<i>Дакуко Л. И., Максим В. И.</i> Преemptивность в буржуазной политической экономии	57

ПРАВА

<i>Пастухов М. И.</i> Сущность оправдательного приговора	61
<i>Калинина Э. А.</i> Некоторые вопросы семейного права Республики Индия	63
<i>Сикорский В. М.</i> Из истории развития прогрессивных правовых взглядов в Белоруссии и Литве в 20—30-е годы XIX века	66

РЭЦЭНЗІІ

<i>Гуркоў У. С. М. Ф.</i> Пилипенко. Этнография Белоруссии	68
<i>Тозик А. А. В. К.</i> Киселев. Партизанская разведка. Сентябрь 1943—июль 1944	69
<i>Мараш Я. Н. И. В.</i> Оржеховский. Самодержавие против революционной России	69
<i>Парнюк М. А., Конвай Б. И., Рыжко В. А., Салтэвский И. А.</i> Исторический материализм. Задания и упражнения	70
<i>Старовойтов В. И. Г. М.</i> Лившиц. Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса	71
<i>Тихиня В. Г. М. К.</i> Треушников. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе	72
<i>Мартинювич И. И. И. Л.</i> Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. Теоретические основы эффективности правосудия	73
<i>Гобозов Н. А., Дорошевич Э. К. В. Н.</i> Кузнецов. Французское неогегельянство	73
<i>Давидюк Г. П. В. А.</i> Стокяло. Критика фальсификации католическими идеологами исторического материализма	75
<i>Тызо М. Д. Т. П.</i> Богданова. Молодой рабочий: гражданское и профессиональное становление	76

УКАЗАЛЬНИК
артыкулаў, апублікаваных у «Весніку беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна», серыя III (гісторыя, філасофія,
навуковы камунізм, эканоміка, права) у 1982 годзе

ДА 60-ГОДДЗЯ САЮЗА ССР

<i>Головко А. А.</i> Белорусская ССР — суверенная и равноправная республика Союза ССР	3 12
<i>Дробязко С. Г.</i> Упрочение союзных начал в законодательстве советского общенародного государства	3 15
<i>Дронь П. П., Гамов В. И.</i> Интернациональное и национальное в советском образе жизни	3 8
<i>Притыцкая Т. И.</i> Рожденный волей народов	3 3
<i>Царюк И. О.</i> Белоруссия в составе СССР	3 5

ГІСТОРЫЯ

<i>Бабков А. М.</i> Германский оккупационный режим на захваченной в 1918 го- ду территории Белоруссии	2 21
<i>Герменчук В. В.</i> Забота трудящихся Белоруссии о больных и раненых крас- ноармейцах в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции	2 18
<i>Ермакович Л. И.</i> Повышение культурно-технического уровня сельских тру- женников — важнейшее условие укрепления союза рабочего класса и крестьянст- ва (1971—1975)	1 6
<i>Жукова Т. И.</i> О путях возникновения городов в древней Руси	2 27
<i>Зайцев Н. Я.</i> Вклад Ф. Э. Дзержинского в формирование социально-эко- номических и политических основ социалистического общества	3 25
<i>Карасюк И. Ф.</i> Борьба немецкой творческой интеллигенции против фашиз- ма в антифашистских организациях и группах Сопротивления (1933—1945)	1 13
<i>Киселев В. К.</i> Партийное руководство разведкой партизан Белоруссии (июнь 1941 — август 1943)	2 9
<i>Козловская Л. И.</i> Подготовка молодых рабочих кадров для промышленно- сти Белоруссии в системе государственных трудовых резервов (1951—1955)	3 18
<i>Мельцер Д. Б.</i> Во имя счастья и прогресса человечества (К 100-летию со- дня рождения Георгия Димитрова)	2 6
<i>Розанов А. А.</i> О некоторых буржуазных интерпретациях курса КПСС на разрядку международной напряженности	2 14
<i>Романович П. С.</i> Из опыта работы партийных организаций Белоруссии по подбору и воспитанию пропагандистских кадров (1971—1975)	3 20
<i>Симонов С. М.</i> Участие чекистов Белоруссии в политико-массовой работе в тылу немецко-фашистских войск (1941—1944)	3 28
<i>Смиловицкий Л. Л.</i> Деятельность Компартии по укреплению педагогиче- ских училищ преподавательскими кадрами, повышению их идейно-теоретическо- го уровня и методического мастерства (1944—1952)	2 12
<i>Филиппенко С. И.</i> Создание Лиги наций и Германия	3 30
<i>Фролова И. В.</i> Деятельность партийных организаций КПБ по привлечению интеллигенции села к идейно-воспитательной работе среди населения в годы де- вятой пятилетки	1 8
<i>Цецерукоў Н. К.</i> Дзейнасць Кампарты Беларусі па павышэнню ролі лек- цыйнай прапаганды ў ідэйна-палітычным выхаванні рабочых прамысловасці (1966—1970)	1 3
<i>Чепко В. В.</i> Развитие торговых связей Белоруссии в период кризиса кре- постничества (40—50-е годы XIX века)	2 24
<i>Чесновский М. Э.</i> Восстановление профсоюзов и рост общественно-полити- ческой активности рабочих западных областей БССР (1944—1945)	1 11
<i>Чудаев М. Ф.</i> Братская помощь белорусскому народу в культурном строи- тельстве	3 23

ФІЛАСОФІЯ

<i>Бобр А. М.</i> Междисциплинарные связи как один из факторов революционного преобразования научного знания	3 36
<i>Будыто И. И.</i> О структуре коммунистического критерия нравственности	2 37
<i>Григоров Г. В.</i> Картезианский материализм Б. Фонтенеля	3 47
<i>Долгих Л. Г.</i> Классики марксизма-ленинизма о пролетарском классовом подходе к явлениям и процессам общественной жизни	1 20
<i>Клевачева А. С.</i> У истоков марксизма в Польше (К 100-летию партии «Пролетарнат»)	3 41
<i>Лалич К. Г.</i> К определению понятия «общественное мнение»	3 38
<i>Лившиц Г. М.</i> Критика религии и церкви в сочинениях Августа Бебеля	3 44
<i>Мельников А. П.</i> О сущности культуры	1 32
<i>Можейко М. А.</i> Философская рефлексия над практикой как гносеологическая предпосылка формирования натурфилософской картины мира в Древней Греции	3 50
<i>Петухов В. М.</i> Эстетическая категория «возвышенное» и специфика ее проявления в искусстве	1 27
<i>Пиуновская Е. И.</i> Методологический статус принципа системности в научном познании	3 33
<i>Савицкий В. Б.</i> К вопросу о деятельности	2 30
<i>Терлюкевич И. И.</i> Методологический анализ научно-исследовательской программы	1 22
<i>Титов О. И.</i> Истина и вероятность	2 33
<i>Фурс М. В.</i> Сущность и структура жизненной позиции личности	2 39
<i>Языкович В. Р.</i> Природа пятидесятилетней глоссолатии и эволюция методов ее достижения	1 35
<i>Янковская Л. В.</i> О содержании научного управления коммунистическим воспитанием	1 25

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Байчоров А. М.</i> К вопросу о социально-политическом и культурном аспектах современного неокolonизма	1 46
<i>Дронь П. П., Беллякович Н. Н.</i> Развитие В. И. Лениным марксистского учения о закономерностях формирования нового человека	2 44
<i>Карако П. С.</i> «Зеленая революция» в земледелии развивающихся стран	1 41
<i>Климович В. С., Романовский И. Ф.</i> Классический образец научности и коммунистической партийности (К 80-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Что делать?»)	3 59
<i>Кунцевич К. Н., Тиво М. Д.</i> «Деленинизация марксизма» в антикоммунистической стратегии империализма	3 56
<i>Лабуцько А. Н.</i> Повышение роли сельскохозяйственной интеллигенции в процессе интенсификации аграрной отрасли производства	3 54
<i>Литвинович А. Ф.</i> Формирование интернационалистского мировоззрения сельских труженников	2 47
<i>Миксюк Б. С.</i> Роль идеологической надстройки в процессе формирования общества социалистической ориентации (на примере Народной Республики Конго)	1 44
<i>Миронов Г. И.</i> Социально-творческая сила ленинизма и крах идеологии мелкобуржуазного радикализма в США	1 39

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. И.</i> Социалистическая собственность на средства производства — основа экономической системы СССР	3 62
<i>Клецкова Т. Л.</i> Критика государственно-правовой теории собственности Гегеля в ранних работах К. Маркса	2 51
<i>Коновальчик В. И.</i> Сущность и формы обобществления сельскохозяйственного производства на современном этапе	2 49
<i>Куши Н. В.</i> Бытовое обслуживание населения как сфера материального производства и отрасль народного хозяйства	1 53
<i>Мажед Али Мохаммед Али.</i> Создание единой арабской валюты — шаг на пути к экономической интеграции стран арабского региона	1 56
<i>Станишевский В. Д.</i> Становление плановых цен в экономике СССР переходного периода	1 50
<i>Такушев А. В.</i> Оплата труда учителей и проблемы ее совершенствования (по материалам социологического исследования)	2 55

ПРАВА

<i>Барков А. В., Хомич В. М.</i> Новое в уголовном законодательстве БССР . . .	2 60
<i>Бейнарович Л. Е.</i> Политические принципы как основа проблематики первой книги «Государства» Платона . . .	2 66
<i>Богданов А. В.</i> О построении системы материальных следов преступления	3 67
<i>Броновец В. С.</i> Правовая деятельность как форма осуществления функций советского общенародного государства . . .	1 60
<i>Василевич Г. А.</i> Прием на работу, связанную с непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей . . .	2 63
<i>Данилевич А. А.</i> Культура судебных прений . . .	2 58
<i>Дворак Г. А.</i> Элементы методики расследования хищений в рыбной промышленности	1 63
<i>Дробязко Г. С.</i> Обмен квартир в домах жилищно-строительных кооперативов	3 65
<i>Козлов М. К.</i> К вопросу о функциях социалистического государства . . .	1 61
<i>Мороз Л. Н.</i> Развитие законодательства о торфяном фонде . . .	3 71
<i>Тагунов Д. Е.</i> О правовом регулировании индивидуальной трудовой деятельности в СССР . . .	3 69

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимир Алексеевич Белый (К 60-летию со дня рождения) . . .	2 3
Александр Петрович Игнатенко (К 50-летию со дня рождения) . . .	1 66

РЭЦЭНЗІІ

<i>Дробязко Г. С. И. С.</i> Вишневская. Права и обязанности члена жилищно-строительного кооператива . . .	2 76
<i>Дронь П. П., Пашковский Г. М. В. П.</i> Серебренников. Местное управление и самоуправление Франции . . .	2 75
<i>Жбанкова И. И., Карако П. С., Водопьянов П. А. В. А.</i> Марков. Проблема сохранения и современная наука. Философско-методологический анализ	1 68
<i>Зайцев Н. Я. Н. И.</i> Лебедев, Т. М. Лазаренко. Торжество ленинской национальной политики	3 74
<i>Иосько М. И. С. Д.</i> Шаш. Генезис античной диалектики (гносеологический аспект)	3 76
<i>Казакв Ю. Л., Медяник В. И. В. И.</i> Новицкий, Е. К. Новик. Участие ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 — июнь 1941 гг.)	1 67
<i>Каткус А., Воробей Г. А. Т.</i> Лейзеров. Конституционный принцип гласности работы Советов народных депутатов	3 76
<i>Карако П. С., Водопьянов П. А. Э. В.</i> Клесова. Природа и человек . . .	1 70
<i>Квочкин М. П., Шалькевич В. Ф. Д. Б.</i> Мельцер. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая, 681—1981	1 68
<i>Круглов А. А.</i> Вопросы научного атеизма . . .	1 69
<i>Мараш Я. Н. В. В.</i> Чепко. Города Белоруссии в первой половине XIX века. Экономическое развитие	2 70
<i>Надольский Р. В., Мицкевич А. М. Г. М.</i> Лившиц. Религия и церковь в истории общества	2 73
<i>Овсянкин В. А., Сидорцов В. Н.</i> Национальная политика КПСС. Очерк историографии	2 71
<i>Палкин Ю. И., Соболева Г. Д. Э. А.</i> Лутохина. Заработная плата. Закономерности и проблемы формирования	2 74
<i>Пилипенко М. Ф.</i> История БССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. I . . .	2 70
<i>Подокшин С. А. Г. М.</i> Лившиц. Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова	3 75
<i>Семькин И. С. А. П.</i> Мельников, П. П. Силиванчик. Духовная культура зрелого социализма: новые рубежи . . .	1 71
<i>Чигир В. Ф., Ведяхин В. Т.</i> Verträge in Wissenschaft und Technik . . .	2 76
<i>Чудиев М. Ф. Я. Ю.</i> Нестерович. За союз нерушимый республик свободных. Объединительное движение трудящихся Белоруссии	2 72
<i>Шнеерсон Л. М.</i> Deutsche Demokraten. Die nichtproletarischen demokratischen Kräfte in der deutschen Geschichte 1830 bis 1945 . . .	3 75
<i>Язвинская Я. А., Жукова А. П. И. Т.</i> Роговский. Политическая экономия капитализма. Содержательно-логические схемы . . .	2 73

ПАМ'ЯЦІ ТАВАР'ША

<i>Всеволод Михайлович Сикорский</i> . . .	1 73
<i>Николай Ильич Красовский</i> . . .	2 78
<i>Даниил Сергеевич Климовский</i> . . .	3 78